

УРАЛЬСКИЙ

ISSN 0134-241X

Следопыт

7 '85

Главные рубрики журнала:

люди подвига

СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

СТРАНИЦЫ ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ

АДРЕСА РОМАНТИКИ

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

ПУТЕШЕСТВИЯ И ЭКСПЕДИЦИИ

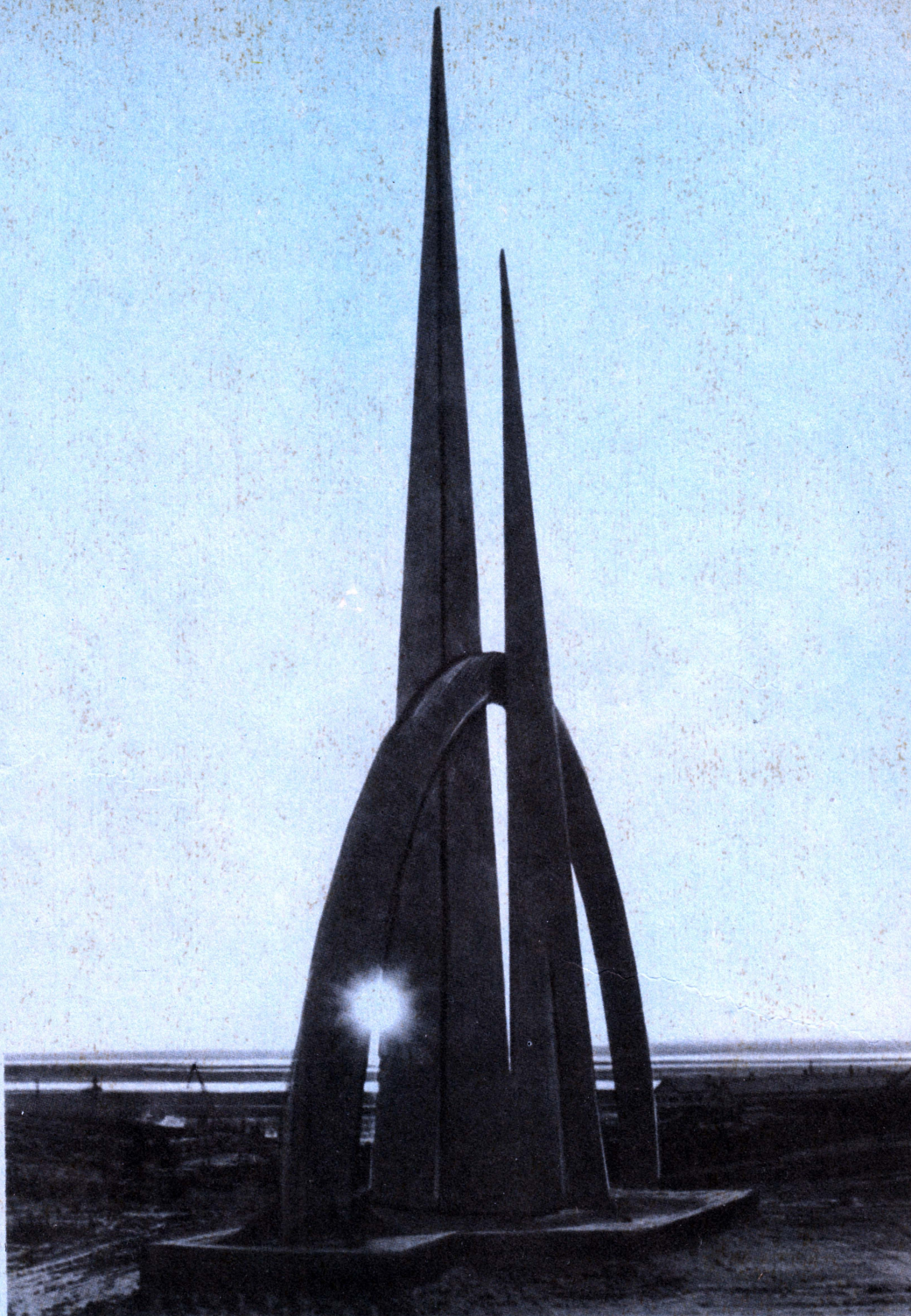
МУЗЕИ, КОЛЛЕКЦИИ

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОПИЛКА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И ФАНТАСТИКА

С этого номера в журнале открывается новая рубрика
«ЯМАЛ — «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Салехард гордится уникальным географическим положением — город разделен на две части Полярным кругом; на линии круга и стоит этот обелиск.

Фото Г. Бумагина

Секретариат Союза писателей СССР одобрил инициативу редакции по сотрудничеству с трудовыми коллективами Ямала. Корреспонденты журнала выступают на страницах «Уральского следопыта» с очерками и репортажами о жизни нефтяников, геологов, оленеводов и рыбаков Ямало-Ненецкого национального округа.

Вниманию читателей предлагается интервью с начальником Салехардского речного порта И. Н. Кочергой.

Читайте стр. 4

УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДОПЫТ

7 '85

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

- В НОМЕРЕ:**
- 2/ ДЕТИ РАЗНЫХ НАРОДОВ, МЫ МЕЧТОЮ О МИРЕ ЖИВЕМ...
 - 4/ С. Мешавкин
РЕЧНЫЕ ВОРОТА ЯМАЛА
 - 6/ А. Чуманов, З. Шепелева, Л. Шкавро
А БЫЛО НА ЗАКАТЕ ЛЕТО... Стихи
 - 8/ Л. Чумичев
И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ... Рассказ
 - 13/ А. Шубин
МЕРТВЫЕ ВОДЫ
 - 16/ СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ
 - 18/ Ю. Липатников
ЧТО ЛЕЖИТ НА ПОВЕРХНОСТИ
 - 22/ С. Шмерлинг
ХОЗЯИН ОГНЯ
 - 26/ Н. Яхина
БОРЬКА — ПРИМЕТА ПОКСИКА
 - 31/ Ю. Широков
ЧУКОТСКАЯ ПЕСНЯ
 - 33/ Д. Биленкин
СИЛА СИЛЬНЫХ. Повесть. Окончание
 - 52/ В. Ревич
«ЭТО НЕ УТОПИЯ, А СОВРЕМЕННОСТЬ...»
 - 54/ Б. Мещеряков
ЯМСКАЯ, ДОМ 2...
 - 59/ Р. Енакаев
ПАМЯТЬ НЕ РАССТРЕЛЯТЬ
 - 60/ С. Лясик
КТО ИЗОБРЕЛ ГРОМООТВОД?
 - 64/ Л. Богоявленский
УДИВИТЕЛЬНАЯ РУГОЗА
 - 66/ В. Блинов
ЧЕРНЫЙ ЧУГУНОК, КАРТОШКА В МУНДИРЕ...
 - 76/ В. Соколов
ЗНАКИ НА ЗНАЧКАХ
 - 78/ МИР НА ЛАДОНИ
 - 79/ Ю. Алан
МАХИНЫ ПРОШЛОГО ВЕКА
 - 80/ А. Кирий
ОПЛАТИТЕ! ПЕРСПЕКТИВА

На 1-й стр. обложки — рис. Наташи Копеватых (г. Серов)

© «Уральский следопыт», 1985 г.

ДЕТИ РАЗНЫХ НАРОДОВ, МЫ

27 ИЮЛЯ—3 АВГУСТА В МОСКВЕ СОСТОИТСЯ XII ВСЕМИРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ. ЛОЗУНГ ФЕСТИВАЛЯ: «ЗА АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКУЮ СОЛИДАРНОСТЬ, МИР И ДРУЖБУ!»

Его имя — Лукас — стало в Никарагуа легендой. Ему было 13 лет. Когда в его родной деревне остались в живых лишь старики, женщины и калеки, он взял в руки винтовку. Он был бессменным часовым.

...Подлое ночное нападение самосовцев Лукас встретил грудью. Он бился до последнего патрона и не отступил. Юный партизан с презрением к смерти поднялся перед озверевшими бандитами. Издевательства, пытки не сломили его — он не сказал ни слова.

Утром народная милиция освободила деревню, и вскоре о героической гибели Лукаса узнал весь народ.

И весь мир услышал это имя, когда в конце 1984 года в Москве, на заседании Международного подготовительного комитета XII Всемирного фестиваля, побывали представители никарагуанской молодежи. Они рассказали о Лукасе. Они заявили:

— Он и сегодня с нами, с сандинистской революцией!..

В эти дни второй раз в истории фестивального движения столица нашей родины будет принимать гостей со всех концов земного шара. Юноши и девушки везут в Москву мысли миллионов сверстников, память о тех, кто, едва начав жить, отдал свою кровь и дыхание за дело мира, свободы, независимости.

ОТ ФЕСТИВАЛЯ К ФЕСТИВАЛЮ...

Январь 1945 года. Исполком Всемирного Совета Мира обратился «К молодежи объединенных наций и всем, кто ее поддерживает» с предложением провести Всемирную конференцию и создать международную организацию молодежи.

Октябрь 1945-го. В Лондоне состоялась Всемирная конференция молодежи. В ней участвовали 437 делегатов и 148 «наблюдателей» из 63 стран. Повестка дня: борьба за свободу и лучший мир, послевоенные нужды молодежи, создание организации Международного сотрудничества молодежи.

7 ноября 1945 года принят проект Устава Всемирной Федерации демократической молодежи (ВФДМ). Решено проводить Всемирные фестивали.

Подготовка к I Всемирному фестивалю молодежи и студентов проходила в сложной международной обстановке: война в Индокитае, террор в Греции. Правительство Ирана запретило выезд делегатов из страны; власти Египта арестовали делегатов накануне выезда; бразильские делегаты все фестивальное время сидели в тюрьме...

Злата Прага приняла представителей молодежи из 71 страны. Там, в Праге, хоровая капелла Челябинского тракторного завода исполнила «Марш молодежи», ставший гимном демократической молодежи мира.

II фестиваль... Через многие европейские города прошли «караваны мира», был развернут сбор средств на проезд греческой и испанской молодежи, борющейся в то время против фашистских режимов. На склонах горы Геллерт в Будапеште состоялся многотысячный митинг солидарности с молодежью, борющейся за национальную независимость и свободу своих народов.

На III фестиваль путь делегатам преграждали не только ставшие обычными отказы в визах, но и вооруженные полицейские cordоны — американские и английские войска, расквартированные в Европе. В дни фестиваля над восточным Берлином беспрерывно летали американские самолеты, разбрасывая антифестивальные листовки. Провокациям противостояло мощное единство участников фестиваля.

Пятидесятые годы были вообще характерны резкой активизацией антивоенного молодежного движения — мощные многотысячные демонстрации потрясли капиталистический мир. И естественно, буржуазные идеологи, ранее игнорировавшие фестивальное движение, стали дотошно изучать его, пытались приостановить рост и популярность фестивалей. Реакционные силы, напуганные итогами предыдущих встреч молодежи, ужесточили политику неприятия прогрессивного движения. Поездка на V фестиваль для многих делегатов была прямо-таки опасной. В колониальных странах Азии и Африки пред-

МЕЧТОЮ О МИРЕ ЖИВЁМ!..

приниматели увольняли делегатов с работы, перекрывали каналы какой бы то ни было финансовой поддержки.

В Москву, на VI Всемирный, прибыло 34 тысячи делегатов из 131 страны мира, впервые — юноши и девушки из Афганистана, Эфиопии, Ганы... В память о днях фестиваля был посажен парк «Дружба».

Противники молодежного движения попытались объяснить успех фестивалей тем, что они проводились в социалистических странах. Но проведение VII фестиваля в капиталистической стране, в Вене, и поражение антифестивальщиков, собравших около шести тысяч своих приспешников для его срыва, еще раз подтвердили: успех движения заложен в самой идее его — идее дружбы, мира и солидарности между народами. Это подтвердил и фестиваль в Хельсинки.

XI фестиваль в Гаване стал кульминационным пунктом всемирной кампании «Молодежь — за антиимпериалистическую солидарность, мир и прогресс!» Он собрал делегатов из 145 стран! В здании Академии наук республики Куба открылся Международный центр антиимпериалистической солидарности, где заседал международный молодежный трибунал. Слушалось дело по обвинению империалистов в преступлениях против человечества.

Нынешний, XII фестиваль проводится в год сорокалетия Победы советского народа над фашизмом. 1985-й — Всемирный год молодежи. Впервые в истории фестивального движения завоевало такой авторитет и силу во всем мире, что может смело вести диалог с людьми иных убеждений. Основа для диалога есть: в главном — в желании отстоять и защитить мир — едины все.

КОМУ БЫЛО НА ФЕСТИВАЛЕ ЛУЧШЕ ВСЕХ?

В газетах, издаваемых во время проведения VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, были напечатаны несложные русские фразы: «Кто вы по профессии?», «Где находится магазин?» и так далее в переводе на английский, немецкий, французский, испанский и китайский языки. Но прав был белорусский писатель, эсперантист Янко Мавр, который писал в журнале «Беларусь», № 5 за 1957 год: «На фестивалях молодежи, где бывает до сотни национальностей и даже больше, можно ли обойтись языком мимики и сердца?!»

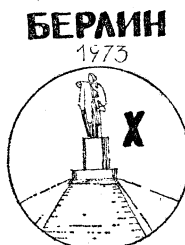
На Всемирном фестивале в Москве присутствовало свыше 30 000 представителей из более чем ста двадцати стран мира. При всей сердечности отношений и готовности понять друг друга языковый барьер служил достаточной помехой.

...Их было триста из тридцати тысяч юношей и девушек — эсперантистов из Австралии, Бразилии, Дании, Марокко, Вьетнама, Исландии, русских, украинцев, латышей, осетин, белорусов... Для них не существовало языкового барьера. «На встречах с гостями из зарубежных стран я чувствовала себя легко и свободно, — делилась своими впечатлениями студентка из города Горького К. Широкова. — Мне было понятно все, о чем они говорят». Китаец Ян Юн-Сен рассказывал потом у себя на родине: «Я познакомился с эсперантистами из Советского Союза, Норвегии, Болгарии, Швеции, Чехословакии. Благодаря эсперанто мы лучше понимаем друг друга, более ясно видим необходимость мира и дружбы».

«Комсомольская правда» писала 14 августа 1957 года о встрече, устроенной в Центральном шахматном клубе столицы: «Пожалуй, это единственная встреча на фестивале, участники которой совершенно не нуждались в переводчиках... Собрались эсперантисты из разных стран: немец свободно говорил с поляком, француз — с китайцем, бразилец — с советской студенткой. Искусственный язык эсперанто продемонстрировал свои преимущества перед языком жестов». На встрече была устроена выставка литературы и показаны фильмы на эсперанто; прозвучала опера Б. Сметаны «Проданная невеста» в исполнении болгарских эсперантистов; самодеятельные артисты из Латвии представили пьесу Я. Райниса «Любовь сильнее смерти» на эсперанто; состоялся концерт песен, переведенных на «международный» язык, который завершился «Гимном демократической молодежи».

Полномочные представители Всемирной организации эсперантской молодежи на VI фестивале в Москве Поль Симега и Ван Моорст писали позже: «Никогда прежде на Всемирных фестивалях молодежи не происходили встречи эсперантистов в рамках официальной программы. Атмосфера фестиваля была удивительно праздничной». Они говорили о большом успехе всемирного молодежного форума, о представляющейся возможности шире использовать эсперанто в проведении международных встреч молодежи.

В. КЛОЧКОВ

РЕЧНЫЕ ВОРОТА

ЯМАЛА

Станислав МЕШАВИН

Краткая историческая справка гласит: в 1595 году на реке Полуи, в шести верстах от ее впадения в Обь, казаки и стрельцы поставили город Обдорск (ныне Салехард). Городок основали для сбора дани: с «лучших» людей взималось пушнина на три рубля, со средних — на два, с «худых» — на один рубль.

Современный Салехард производит пестрое впечатление. Много щитовых, «бамовских» домиков, которые хорошо прижились здесь, есть многоэтажные здания, стоящие на свайных основаниях. Немало старых построек — в глаза бросаются заметно искривленные крыши, которые «просели» под натиском вечной мерзлоты.

Тундру, окружившую город, не назывешь, как встарь, безмолвной. Полуостров Ямал пробудили к новой жизни геологи, добытчики нефти и газа. Салехард, бревенчатая столица Ямало-Ненецкого национального округа, снова стал форпостом, только уже не русского проникновения в Сибирь, а борьбы за большую нефть и газ. Гудят самолеты и вертолеты в салехардском небе, везут грузы и людей. В Уренгой, Яр-Сале, Тарко-Сале, Надым, Пагоды, Лабытнанги, Ямбург. В названиях ярко ощущается образное речевое богатство пародов Крайнего Севера. Тот же Салехард означает город на мысу, Лабытнанги — семь листьевниц, а Ямал — конец земли.

Воздушный транспорт, наверное, самый популярный на севере. Но, как и встарь, когда новгородские кочи добирались до Обдорска по студеному морю, а прадеды современных ненцев и хантов отваживались выезжать в океан на берестяных лодочках, здесь по-прежнему в большом почете водный транспорт. Могучая Обь, речная флотилия берет на свои плечи большую долю перевозок.

Спускаюсь с довольно крутого берега вниз, к бревенчатому двухэтажному зданию, где разместилось управление Салехардского речного порта. Мой собеседник — начальник порта, заместитель Обь-Иртышского речного пароходства Иван Николаевич Кочерга.

— Собственно, вся история нашего пароходства делится на два этапа: до и после открытия в нашем крае месторождений нефти и газа. Факел, зажженный в Березово в сентябре 1953 года, сказался и на нашей службе. И это вполне естественно. Высадка первых трудовых десантов, освоение месторождений, строительство новых городов и поселков потребовало переброски из промышленно развитых центров страны огромного количества груза, который и перечислить невозможно в силу его многоликости. И весь этот груз доставлялся на Ямал либо по воздуху, либо по воде (лишь в последние годы железная дорога стала нашим могучим союзником).

Так вот, в 1970 году пароходство впервые доставило в Заполярье 400 тысяч тонн груза. В следующем году пионерный караван судов поднялся по реке Надым до города Надыма, который, собственно, и городом тогда

назвать было трудно. Цемент, пиломатериалы, металлоконструкции, горючее, дорожную и строительную технику, трубы — все, что нужно для того, чтобы поднялись в тундре новые города, такие, как Сургут, Новый Уренгой, Ноябрьск, завозили наши суда. В 1973 году речная флотилия доставила в Заполярье один миллион тонн грузов, в 1984-м — три миллиона.

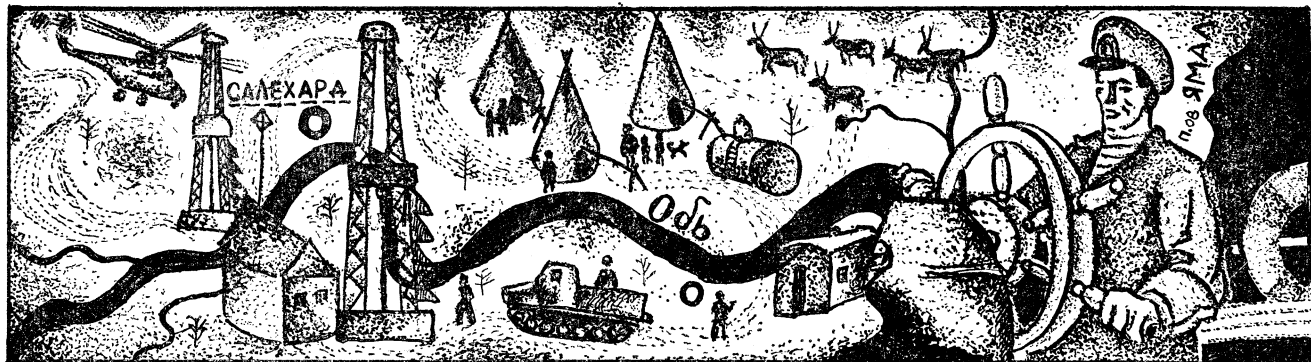
Мы отчетливо сознаем, что поток грузов, идущих в Западную Сибирь, будет неуклонно возрастать. Можно с уверенностью утверждать, что в решениях предстоящего XXVII съезда партии тюменская нефть и газ займут особое место. Буровые вышки продвигаются все дальше к побережью Северного Ледовитого океана, бур уходит все глубже, к нижним горизонтам месторождений, все острее становится проблема переработки драгоценного сырья на местах добычи, в Тюменщине. Фронт работ ширится, значит, и нам, речникам, надо во всеоружии встретить новые планы и новые повышенные задания.

Самый почетный груз — это, конечно, трубы. Буровые вышки ярче всего символизируют стремительный взлет Тюменского Севера. Гигантские нити газопроводов, перерезав дикие в этих местах Уральские горы, устремились своей бег к западной границе СССР. Советский Союз, как известно, сам производит трубы, но немалую часть их закупает и за границей. В 1979 году наши морские суда приняли на свой борт первые партии труб в портах Бремена и Гамбурга. Политические и экономические санкции, которые пыталась применить заокеанская администрация к нашей стране и своим союзникам по НАТО, успеха не имели. Активно продают нам трубы ФРГ, Италия, а в последнее время Япония. Морским путем по Северному Ледовитому океану суда доставляют трубы в Новый Порт, стоящий на западном берегу Обской губы, а уже оттуда речные суда развозят их к месту назначения.

Наша помощь в освоении нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири высоко оценена правительством. Многие наши речники удостоены наград Родины. Я, например, получил орден «Знак Почета» за участие в строительстве первого магистрального трубопровода Надым — Москва, есть у меня и медаль за освоение Западно-Сибирского нефтегазового комплекса.

Речка, речка. Всплывают в памяти милые воспоминания о тихих заводах, уютных берегах, на которых так хорошо сиделось с удочкой в руках. Обь разрушает эту идиллию громадой и беспредельностью вод. Насколько сложна профессия речника?

— Ямало-Ненецкий национальный округ нередко называют страной озер и рек. Счет им идет на тысячи. К примеру, в одном лишь бассейне реки Пур имеется 1500 озер. Но, конечно, главная кормилица и поилка и она же главная транспортная артерия — Обь.

Мы хотя и речники, но с известным основанием можем считать себя и моряками. Обская губа, если начать отчет от Салехарда до условной границы соединения ее с Северным Ледовитым океаном, протянулась почти на тысячу километров. Сравнение с морем как по внешним, так и по другим параметрам уместное. Но есть и существенные отличия.

В океане волны имеют классическую форму, они идут, держа, так сказать, равнение друг на друга и сохраняя известную дисциплину. В Обской же губе мелководье, сильные течения и ветры часто создают свистопляску, круговерть и надо постоянно быть готовым к любого рода неожиданностям. Чистая вода, от ледостава к ледоставу, держится в наших широтах 120 суток. Иными словами, мы плаваем всего треть года, а остальное время готовимся к навигации. На вес золота каждый час, а тут в расписание врывается штормовая погода — в течение сорока суток за период навигации сила ветра колеблется от 12 метров в секунду до 17—20, а порой достигает 30 и более.

О, эти ямальские ураганы! Есть где разгуляться в бесконечной тундре могучему Борею, и он резвится, не зная удержу. Что такое ветер более десяти метров в секунду? Если ветер в спину, несешься словно спринтер, если встречь — шаги удаются с усилием. Это на суше, а на море...

— Тяжело на море в такую погоду. Не буду вспоминать разные случаи, ограничусь именно этим мужским словом: тяжело. Правда, с каждым годом мы оснащаем флот современной техникой: сложным навигационным оборудованием, средствами дистанционного управления и т. д. Финские корабли в содружестве с советскими специалистами создали ледокол нового типа, такой, как «Капитан Евдокимов», который способен заходить в устья мелководных рек. Его сердце — атомная энергоустановка, главные и вспомогательные турбины — нашего советского производства. Новейшие корабли, техническая оснащенность портов, конечно, все это важно, но успех дела, как понимаете...

— Понимаю. И хотел бы, чтобы разговор о людях вы повели с учетом профиля нашего журнала, «в молодежной плоскости».

— А он иным и быть не может. По возрастному признаку Север с полным правом зовется молодежным. Он одновременно и магнит, и фильтр. Север обещает хорошую работу и весомые заработки, но он честно и предупреждает: условия труда и быта суровые, романтика густо приправлена холодами и комарами.

По опыту знаю: тот, кто выдержит первое крещение, надолго прикипает сердцем к этим краям. В полярных широтах человек мужает быстро. К примеру, средний возраст капитанов речных судов нашего пароходства — 24—26 лет. Комсомольский возраст, а они уже вершат судьбами коллективов.

Добрые, работающие руки нужны всегда и везде. В частности, нашему порту и транспортному флоту требуются электро- и радиомеханики, специалисты по электронике, механики плавучих кранов, судоводители, судовые механики. В особом дефиците — кок.

Читатели, наверное, уже заметили, что Север нуждается не просто в рабочих руках, а в руках умелых, точнее говоря, нам прежде всего нужны специалисты в той или иной области знаний и производства. Настоятельно советуем молодым: если вы поставили цель поработать на Севере, уже со школьной скамьи готовьте себя к этой цели, овладейте той или иной профессией.

— Сам собой рождается вопрос: а как вы сами, Иван Николаевич, попали на Север? Мечтали о море со школьной скамьи?

— Ну, откровенно говоря, не совсем так. Родился я в степной части Алтая. Так что больше был знаком с ковьями, чем с большой водой. После семилетки, которую закончил, кстати, с отличием, решил, что пора начинать самостоятельную жизнь.

Куда идти? Выбор пал на бесхозырку и тельняшку. Пoblности, в Новосибирске, есть речной техникум, благо и билет туда стоил дешево. Окончил, получил диплом техника-судоводителя, отслужил в армии, потом — Новосибирский институт инженеров водного транспорта. С 1966 года работал в управлении Западно-Сибирского речного пароходства, с января 1972-го — в Салехарде.

Предвижу вопрос: трудно сразу круто ломать судьбу? В качестве начальника порта даю практический совет: приезжайте вначале осмотреться в роли экскурсанта. Туристские рейсы Новосибирск — Салехард, Омск — Тобольск — Салехард давно завоевали широкое признание, включая зарубежных гостей. Кстати, уже в Салехарде бросаются в глаза плюсы и минусы этих мест. Просторы, близость Обской губы, приветливость и несуетный ритм жизни, объявления, гарантирующие интересную работу, хороший оклад и, возможно, новых друзей. На другой чаше весов — отсутствие театров и эстрады, нет плавательного бассейна и катков, трудности с жильем, уже в октябре минус двадцать с ветром. Хочется совместить Полярный круг с комфортом и культурой крупных городов? А почему бы со временем и нет?

Рисунок Ю. Морозова

а было

**Александр
ЧУМАНОВ**

Из поэтического дневника

НА ЗАВОДЕ

В Дрогобыче,
где речь платанов
благоейна и тиха,
я по заводу автокранов
бродил,
заглядывал в цеха.
Склонялись над станками спины,
кран грохотал под потолком
и пахло грушей, и жасмином,
и остывающим литьем.
Завод!

Кругом родные звуки
и, просветленные в труде,
родные лица.

Ну, а руки,
что везде!
И на случайный оклик «Саша!»,
Я оглянулся.

Вот чудак!
Ведь дома, на Уралхиммаше,
меня все время звали так...
Читал стихи не по бумажке.
Про труд, завод,
рабочий класс...

Вот грех!
У них в многотиражке
и заголовки,
как у нас!
Все было попросту,
как дома,
мы чинно стихли за столом,
когда нас секретарь парткома
кормил украинским борщом.

На памятнике Первой Конной,
ворвавшейся в пилсудский Львов,
гремят гранитные знамена
от закордонных сквозняков.
Звенят гранитные подковы,
глуша фальшивый злобный плач.
И в бой зовет — за наш,
за новый —
веселый каменный трубач!

А было на закате лето.
Девчата в лентах и цветах
нам, начинающим поэтам,
несли хлеб-соль на рушниках.
И нам всего сильнее,
пожалуй,
в земном раю под Трускавцом
хотелось выглядеть бывало
и не ударить в грязь лицом.
Я у подножья монумента
читал. О чем,
не помню сам.
И алая шальная лента,
Как ветер, била по глазам.

ЭМИГРАНТКИ

*Источник «Нафтуси» —
источник вечной молодости
Народное поверье*

Из источника «Нафтуси»,
говоря: «Гуд, гуд!»,
несоветские бабуся
воду пьют.
Днестр блестит на перекатах,
не свернет назад.
И старинные Карпаты
буками шумят.
Иностранные старушки:
— А тебе? Фо ю? —
Тычут глиняные кружки
под струю.
Словно яблонь цвет отцветший
проблески седин.
Капли юности ушедшей
тают меж морщин.
А давно ли жили-были
млады-молоды...
Сорок лет такой не пили
сказочной воды.
Здесь родные колыбели.
Ах, ты,
боже мой!..
Как же быстро постарели
без воды живой!

Ничего еще не начиналось,
Сколько лет мне? — Да несколько лет!
Помню малость, но какую малость! —
Яркий неожиданный рассвет.
Да нестройный хор разноголосый
Безымянных, безмятежных птиц...
Громыхали по земле колеса
Греческих и римских колесниц.
А земля по-летнему парила,
Источая теплоту и сласть...
Выследили все-таки Ахилла,
Троя после этого сдалась.
Я глядел в окошко — сколько света!
Жаль, пока движенья не верны...
Улетела первая ракета
В направлении бабушки-Луны.
А меня качавший в колыбели
Прадед был непоправимо сед...
Мне уже почти что две недели,
Плюс, конечно, миллионы лет.

на закате лето...

**Зоя
ШЕПЕЛЕВА**

Не спкупись на золото осень.
Расплескала без меры лазурь.
Ветер бойкий до срока приносит
первый плач нависающих бурь.
Разрумянилось все — до избытка —
в хороводных просторах, в глуши.
Увяданье — багряная пытка,
горевое веселье души.

Девчонка ладная по улице идет.
Старик седой из-под руки глядит.
И сердце у девчоночки поет,
что дедушка на лавочке сидит.
Уж больно любит девка стариков.
И те ей из седой-то бороды —
Цветы улыбок от беззубых ртов;
да спрашивают все: куды? куды?
— Куды жо ты отправилась одна?
— Я, дедушко, по ягоды пошла.
— Да ягоды не спелы, голова!
— А не найду, так в лес схожу
сперва.
— Да больно маленька ты по лесам
ходить!
— Не бойся, дедушко, не
заблужусь.
Небесно смотрит из бровей седых
дремучая заботливая Русь.

Умерших злаков золотые руки
в объятье негасимое слились,
хлопочет трактор: неживые звуки
дарят тюкам соломенную жизнь.
Когда полянам в снеговое время
глухую песню вьюга запоет —
соломенной струей коровье бремя
теплом земли в подойник прорастет.

Подглядела изба невнарок:
у промерзших сосновых ворот
розы алые сыпал рассвет
в голубой перламутровый снег.
Выбегали, румяней зари,
девки, кутаясь в песни свои;
удало оглашал небосклон
молодой озорной перезвон.

**Леонид
ШКАВРО**

В золотом колыханье,
охмеляющем птиц,
степь плывет, как дыханье,
и не знает границ...
Спелость млеет в просторе,
в ней пыльца желтизна...
На ореховых зорях
насталась она.
Степь — хлебов сотворенье.
Колос плещет в зенит.
Лишь ладонью задень я —
и она
зазвенит.

Я долго плутаю
в безмолвном лесу,
вступив
в буреломные чащи,
и кажется —
ноги тебя не несут,
а ты их беспомощно
тащишь.
Когда ж, оседлав
крутолобый подъем,
ты тяжкие
взял километры,
то чаще работает
сердце твое,
и в нем прибавляется
света...
Мы загодя землю
обычно легко
и в мыслях и просто
глазами
охватываем
далеко-далеко,
а меряем все же
ногами.

ТАЙНА

М. Д. Львову

Перепрыгнув подоконник,
капля чуть коснулась рук...
Покачал бы на ладони
да страшусь —
исчезнет вдруг.
Может, выпала из тучи
и, ударясь об карниз,
села звездочкой
летучей —
на почти что
чистый лист.
И сидит она
слезинкой;
голубеющей слегда,
может,
первая дождинка,
может,
первая
строка.

Рисунки С. Копылова

Левиян ЧУМИЧЕВ

Рисунки С. Сухова

И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ...

Из цикла «Таватуйские былицы»

Целый день непогодилось, а когда закатилось солнышко, установился благодатный июньский вечер.

— Сегодня верхнюю гряду окучивал, так червей тебе полнехонькую банку насобираю,— сообщил мой дядя Виктор Александрович.

Дядя явно намекал на ершиную уху. Уж больно ему понравилась уха из свежих таватуйских ершей.

Откровенно-то говоря, лещи, окуни и чебаки меня не очень жалуют. Редко когда их добываю. Налимов, линей и щук (щуругаек по-местному) помню всех наперечет. Сигов и рипусов мне и вовсе не попадалось.

А вот ершей я таскать навострился. Некоторые подковыристые землячки так со мной здороваются: «Как ерши-то, Иваныч?»

А я не обижаюсь. Не всем ведь дано понять, что не только в рыбе дело. Просто хорошо побыть одному на свежем воздухе, как вот сегодня, этим теплым июньским вечером.

Я пристроил свой огромный рыбацкий ящик на краю пристани и потихоньку стал потаскивать ершишек.

Пристань, куда днем присовывается допотопный катеришко, завалена деревянной тарой, тут неподалеку магазин, люди и поджидают катер на этих ящиках.

Рядышком еще одна пристань есть — рыбхозовская, эта блюдет в чистоте, огорожена сеткой. Мне даже видно, что сейчас на этой пристани ничком, не разберешь кто, спят два рыбака.

Озеро тихое-тихое, ветерок от Крутенькой горки лицо прохладит, считай, по времени ночь уже, а светло; и ни единой души вокруг, сиди, дергай ершей, размышляй о чем хочешь, хоть о тех же ершах.

Эту рыбку, по-старинке видать, до сих пор здесь зовут «хозяином озера». Но с каждым годом и ерш на Таватуе мельчает, да и поубавилось его очень. А я ершу гимн готов петь... О ершиной ухе, поди, каждый наслышан. Опустил в кипяток, и хлебай ушницу через десять минут. А еще луч-

ше, сначала мелочь в марле отварить, а потом уж которые покрупней, пусть ушинный дух укрепляют. А если путная рыба есть, окунь там, лещ, их последними в уху. Ну, про это все знают. А вот сушеные ерши! Если их, подсоленных, не поротых-не чищенных, в русской печи высушить... А пельмени из ершей... Или шпроты! Правда, здесь каждую рыбешечку обдирать приходится и варить надо долго, и приправ много, и кондиции знать надо, зато... Как-то, в давние времена москвичи киношные к нам на Таватуй нагрянули. Я и угостил их ершиными самодельными шпротами. Они вроде культурно ели, не спеша, мизинчики от вилки топырили, но полнехонькая тарелка вмиг опустела.

— Где это вы, Лев Иванович, такое обьединие раздобыли?

— А знакомые,— говорю,— из Нидерландов прислали.

Тоненькая артисточка платочком губы не дотерла:

— Нет, умеют все-таки там делать!..

А вот и окунишко у меня клюнул. Эх, хороша рыба-окунь. Ну, во-первых, нарядная, одни красивые плавники чего стоят. А если ее свежую подсолить, а жаровню зарядить ольховыми шишками...

— Как ерши, Иваныч? — надо мной стоял Старый рыбак, я и не заметил, когда он ко мне сзади подошел. Он подставил под себя ребристый ящик, устроился поудобней.

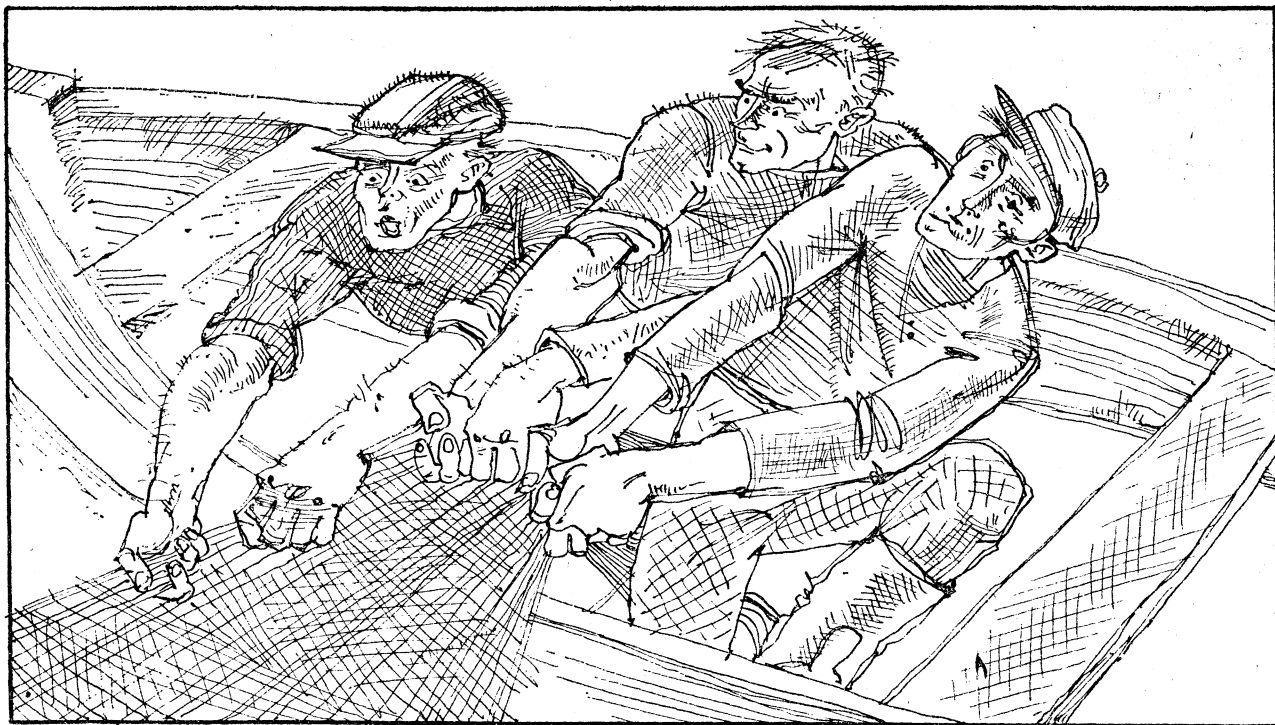
— Давно поговорить с тобой хотел... Дай закурить для разгону.

— «Беломор» у меня сегодня.

— Самое то! Я как рыбачить начал, так тридцать три года «Беломор» и курю. На работе сигареты размокают.

Он решительно сдул дымом пепел с конца папиросы:

— Вот ты все в газеты пишешь. Ругался, что к магазину за бутылкой на грузовых машинах ездят... Ну и что? Неделю подежурила милиция, а сейчас снова ездят, и, тем не менее, не только

на машинах, а за бутылкой «Агдама» и трактора, и краны, и бульдозеры гоняют. И нас, рыбаков, в газете лаял, что такие мы и сякие, и, тем не менее, рыбу губим. А ты разберись, вникни, нас послушай, тогда уж и строчи, тем не менее, что толку от твоей писанины нет. Два катера так и гниют в озере и мы рыбу ловим, а теперь уж не только мы, еще одна бригада шурует и каким-то заводским разрешили мережами рыбу добывать.

Было, было, критикнул я как-то рыбаков в местной газете, и при первой же встрече этот Старый рыбак обругал меня очень даже нехорошими словами... Сейчас же он был спокойным, рассудительным, втолковывал мне:

— Нам же зарабатывать надо, семьи кормить. А обстановка, видишь ты, какая: план у нас. Вот на сегодня мы его уже и выполнили, а нам указания «давай, давай». Сколько начальство велит — столько мы добыть и стараемся. А озеро, оно ведь не океан. В океанах и то, говорят, селедку повыловили. Как бы надо-то: добыли бы мы свои, предположим, четыреста центнеров, и все — отдыхай озеро, тем не менее, что добывать рыбу все труднее, меньше ее стало. Вон в прошлом году у Коровьей курьи вытянули под десять тонн подлещика, а он не стандарт, сдавать его или тем не

менее в магазин отдавать не имеем права. Обратно отпускать? А на дворе ноябрь, мороз. Сколько его пропало? Вот тебе и «давай, давай».

А в Свердловске целый институт рыбный имеется. Институтские сюда часто ездят, че-то там исследуют, пишут, и получается, что нам указания — ловить чебака и окуня как можно больше. Они, видишь ты, на чем работы-то ученые пишут, мол, надо б на Таватуге начисто вывести окуня и чебака (они его плотвой зовут), а вместо них сиговых утвердить. Конечно, сиг там или, тем не менее, рипус и крупней, и жирный, и пирог из них лучше. Только мальки ихние почти не приживаются, мы как сдавали местную рыбу, так ее и сдаем. Между прочим, артель наша тоже должна мальков сиговых выводить, и в каких-то бумажках мы их, кажется, разводим и в озеро пускаем... а пока, Иваныч, натуральная картина такая: сига и рипуса очень-преочень мало, чебака, окуней и лещей мы тянем беспощадно, их с каждым годом меньше. Вон уж и ершишки-то путные все реже встречаются, и в результате вместо сиговых в Таватуге раки завелись. Иной раз вытянешь невод — ни одной рыбки нет, одни раки.

Пока слушал я Старого рыбака, учуял, что с похмелья он. Сказал ему зло:

— Ладно тебе, можно подумать, ты об озере печешься, «тем не менее», о рыбе.

Он моей подначки не заметил, загорелся:

— Я? А ты как думал! Хоть сейчас проголо- сую, чтобы нас запретили. Я на три-четыре года себе работу найду. Я родился здесь, озеро моих отцов-дедов кормило, а в войну... эх... Только чтоб и этих новых рыбачков с неводами да мере- жами к озеру близко не подпускали, они же как чингисханы — прикатали, порыбачили, похвата- ли — и нет их, им здесь не жить. Под видом не- обходимости, тем не менее, продовольственной программы шуруют, кто как может. Вот сегодня, почему мы в такую погоду выехали? А с рыбад- зора приехали: «Братцы, выручите, край как ры- бки надо». Ну, мы их выручили, а сами, уж пого- да, тем не менее, не погода, а раз начали — да- вай дальше воевать... Да, Иваныч! Я бы как хо- тел? Чтобы чебака снова поднять, леща! Ведь леща-то здесь когда-то тоже не было. Его тут По- тап Матвеевич Зиновьев развел. Хочу, чтоб си- говых этих чертовых покрупнее в озеро выпускали, чтоб нежираемыми они оставались, чтоб не до- хли. Если бы по уму-то, так на таком озере-море... если бы по уму-то...

На той стороне появился белый косой парус. Лодки не было видно, казалось, что парус сам по себе крадется далеким лесистым берегом.

— Старик пенсионер на том берегу завел- ся,— объяснил Рыбак.— Сам построил эту лодку и плавает по озеру, здоровые нагоняет. Соберет своих друзей, таких же старых, окружают они не- вод и тянуть мешают: «Отдохнуть бы от вас озе- ру, отдохнуть бы»... И сказать им что-нибудь конкретно, тем не менее, матом неудобно — ста- рики все в галстуках, и всегда трезвые. Они на нас, как на врагов, смотрят, прямо замучили. Хотя от тех, которые рыбу просят, тоже покою нет. Не успеешь невод вытянуть, а некоторые от- дыхающие уже стоят, караулят. Теперь и за ра- ков этих проклятых готовы бутылку отдать. И бе- рем! А куда денешься? Ты видел, роба у нас ка- кая? Она то ли для верхолазов, то ли для шах- теров предназначена. Намокнешься в ней, тем не менее, намерзнешься, ну и отсыпешь нестандар- ту. Вот и сегодня под грозу мы попали, сухонько- го места не осталось. Нас, старых-то, эти ревма- тизмы, тем не менее, радикулиты мукой замучи- ли. А помощнички мои неумехи, эвон на пристани спят, насогревались за день-то...

Нет, вроде бы искренне исповедуется сегодня Старый рыбак. И, наверное, не совсем я был прав, критикуя артель со своей любительской, «ерши- ной», так сказать, колокольни.

— А все-таки каких людей больше, которые с бутылками к вам или тех, чтоб «озеру отдох- нуть»?

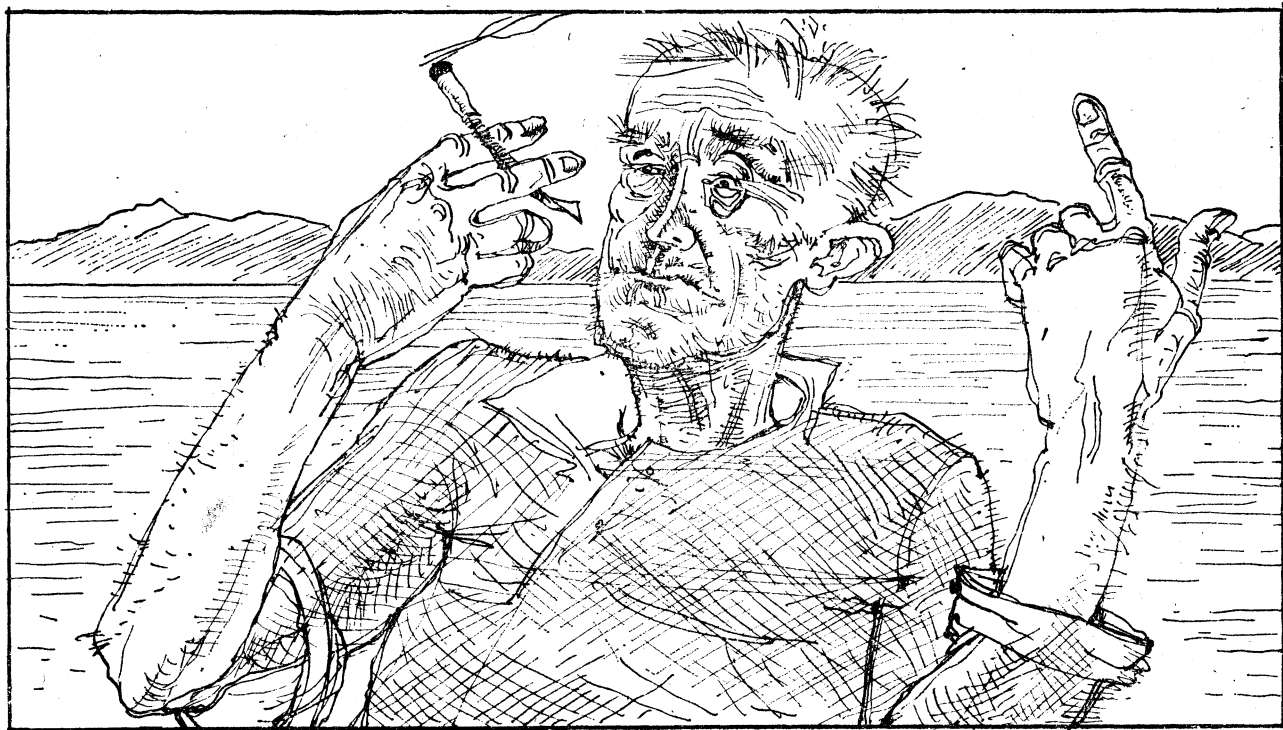
— Ох да, за день-то каких только не встре- тишь. Вот позавчера случай был. Тянем тонь на

Волчьей горе, ну как всегда купальщики окружи- ли нас, глазуют. Я тяну мотню, а сам на девку любуюсь. Уж до того фигуристая, прямо спасу нет, и, тем не менее, на лицо очень красивая. Мой Венька женился недавно... пфу, нет чтобы такую вот привезти. Она, главное, на артистку смахи- вает, помнишь, по телику-то показывали, когда восток сильный дул, когда мы не рыбачили. И вот тяну я сеть, а сам на «артистку» кошусь, а она к крылу невода подкралась, ерша из ячейки цапнула и раз его в трусы. А трусы-то у noneш- них сам знаешь какие. А «артистка» еще одно- го, еще... Господи, да я за такую красоту, за меч- ту свою... дал бы я ей и окуней, и чебаков. Ерши зашебутились в трусах, она занервничала, орать начала, и вся красота укувыркнулась...

Вдали белым буравчиком, чуть ли не обгоняя собственный звук, промчалась моторка.

— Юрка гоняет,— сказал Старый рыбак.— Дай-ка мне еще закурить, Иваныч... спасибо, и этим охломонам по одной дам, будить их пора. Мои-то папиросы кончились, а неумехи эти свои вымочили. Вот помощнички у меня подобралась! Им только бы рыбки домой побольше. Знаешь, сколько нам полагается домой после рыбалки брать? Не более двух килограмм. Ну, и скажи я им про это? Да они тут же по домам разбегутся. Кто же за семьдесят два зарплатных рубля зимой мерзнуть, летом булькаться да еще, тем не ме- нее, сено для лошадей косить будет? Теперь вот еще одна рыбацкая бригада на Таватуе появи- лась, так этим троим куда больше нашего пла- тят. Подсобное хозяйство автокакого-то предприя- тия добилось разрешения на рыбалку, и лодки у них такие же, и невод. Ну, эти пока не столько рыбачат, сколько сети чинят. Тридцать пять лет- них и сорок две зимних тоней на Таватуе. Мы, ме- стные, не только их, но, тем не менее, каждую ко- рягу знаем — где какая лежит, чтоб невод не порвать.

А еще на все лето рыбачить разрешения за- водские добились. Эти мережами шуруют. Мы-то к берегу невод тянем, а они хучь где выметывают. И знаешь, Иваныч, что у них за мережки? Сто семьдесят метров в длину и три с половиной в ширину! А у них десять штук таких мережек! Так что нам-то делать? Не мы, так они выловят. Они же за лето больше нашего поймают. Как же нам озеро беречь, охранять? И разрешения эти браконьеры добились, и документы у них есть. Я вот думаю, грешным делом, а если действитель- но разогнать нас всех, и местных, и городских мастаков, да допустить на озеро одних любите- лей, да еще за плату, да чтоб не больше, скажем, пяти килограмм добывали... Во бы через три года в озере рыбы завелось, во бы доход государству,

во бы продовольственная программа! Ведь, тем не менее, не турки лещей будут кушать-жарить, а трудящиеся уральцы.

Он погасил папиросу, привстал было с магазинного ящика, сказал как бы на прощанье:

— Раньше за такую рыбалку, как мы рыбачим, а особенно как эти заводские со своими километровыми мережами... раньше таватуйские старики таких рыбаков пороли, — он поднялся.

— Как это пороли? — изумился я. — Да посиди еще, Расскажи поподробней.

Старый рыбак снова утвердился на ящике, явно довольный тем, что я давно забросил своих ершей.

— Такой раньше порядок был. Вот где каменный-то сарай стоит знаешь? Сейчас там пустая посуда из-под вина хранится, а раньше рыбный склад был. Рыбачили-то артельно, всей деревней, тем не менее, зимой, по льду. Ну, а потом распределяли по едокам, кому сколько пудов. Килограммов-то тогда рыба не знала, ее пудами меряли. Вот в этом сарае и пороли, по-нынешнему сказать, браконьеров — кто не вовремя мережку выбросит или от рассадки увильнет.

— Это что, «расадка»?

— А во время переста ветки пихтовые в воду рассаживали, чтобы икринкам за что держаться было, чтобы сохранилось их больше. Да, Иваныч,

сиг, конечно, в старые времена не большой водился, но его навалом было. Помню, как-то у Филимонова берега бредешок небольшой забросили, так вдвоем этого сига вытащить не смогли, на помощь пришлось звать. А как-то... ну, годов мне, однако, десять было, поехали мы с отцом на болото ветки рубить. Присунули лодку к берегу, нашим топорами. Вдруг, что за черт, прет в нашу сторону на лодке дед Савелий Мягкий. Прозвище такое у старика было. Насчет поробить он мягкий был, а вот рыбачить... Значит, сидит он на корме, правит веслом и мчит к нашему берегу. А какая сила его тянет — неведомо. Моторов тогда на Таватуе не было, и кто тащит лодку — подумать страшно. Дед Мягкий че-то орет не своим голосом, а лодка его идет и идет, и уже в протоке она оказалась, по мелководью проволокло ее маленько и встала она.

Мы с отцом глядим, а у старика к скамейке шнур привязан, а на другом конце шнура у самого берега — чудо-юдо. Это сейчас поголовные капроновые лески, тем не менее, и сети такие, а раньше... Не поверишь, Иваныч, к столовым ложкам крючки приклепывали и такими вот спиннингами дорожили... Значит, встала лодка, а у берега, в траве, это уморившееся чудо-юдо ворочается и на щуку нисколько не походит, а как есть крокодиль в шишках-пупырышках.

Папка-то мой обухом ее успокоил. Завалили мы щучину в лодку, в деревню повезли. Так из-за этой рыбки ученые люди из Свердловска приехали. Забрали щурагайку. Деду Мягкому премию дали, уж сколько — я забыл, только помню, что он две четверти на эти деньги купил и у него еще осталось. Тогда водку почему-то четвертями продавали, а пьяные только в пасху да на свадьбах пели. Весила та щука тридцать один килограмм, а самое главное, определили ученые люди, что таватуйская щучка прожила больше двухсот лет...

Старый рыбак, вдруг глянув на озеро, преобразился — проворно вскочил, выплюнул только что раскуренную папиросу и шустро побежал к рыбацкому настилу. Пнул одного из помощников, с ходу лягнул другого...

Я ничего не понимал, а рыбаки шустрили на своей пристани, как пожарные при тревоге. Через какие-то минуты они уже гребли в глубь озера, ловко и быстро выкидывая свою капроновую сеть. Одна вертушка была закреплена на берегу, а вторая, описав вместе с лодкой почти километровую дугу, высадилась прямо рядом со мной, на пристани. К первой вертушке стремглав умчался молодой, незнакомый мне парень, рядом крутил «держала» местный Вася Котенков, а Старый рыбак коршуном кружил на лодке вокруг поплавок — зацепы высматривал.

На все мои вопросы Вася отвечал молчаливым сопением, а вскоре тоже перебрался со своей вертушкой поближе к товарищу.

Невод вытягивали рядом с пристанью.

— Ровней тяни! — сердился с озера Старый рыбак.

— Тяжело! — отдыхался Котенков.

— А ты че сидишь? Че не помогаешь?

Дошло до меня! Понял, что это мне кричат. Черт его знает, почему, может, интересно было, чего это вдруг рыбаки какими-то не такими сделались, только я тоже пристроился к неводу, тоже потянул. А вертушки уже давно в стороне, невод уже вручную тянут.

А тут с озера Юра на моторке примчался, тоже пристроился к левому крылу.

Тянули впятером: Юра этот, я и трое рыбаков.

...Впятером грузили лецей из матки в шесть приемов. Старый рыбак командовал: «Раз-два, взяли», — мы приподнимали очередную партию рыбы и переваливали ее за борт лодки. Сколько мы могли поднять, пять здоровенных мужиков? Поднимали шесть раз, делали по несколько попыток — тяжесть была громадная, леци дрыгались, сопротивлялись, что ли...

Все кончилось. Лодка осела под рыбьей тяжестью. Все отдыхались.

Старый рыбак что-то сказал молодому, тот сбежал на пристань, приволок мой рыбацкий ящик.

Я, как во сне, смотрел на свой, впервые в жизни переполненный лецами ящик. Как во сне, я поднимался с этим ящиком по проулку к своему дому.

Когда я прихожу домой с рыбалки, мой дядя, Виктор Александрович, ершишек на учет берет. Он раньше бухгалтером работал, мой дядя, так у него мания такая — все считать.

Вот и в этот раз, прибрел я домой, а дядя уже у стола сидит, ершишек считать приготовился.

Вывалил я содержимое на стол.

Дядя глаза выпучил, уставился на лецей, к столу присунулся. А лецище-трехкилограммовик вдруг как взбрыкнет, как хвостинкой по щеке дядю двинет, очки улетели, щека краснеть начала.

А ведь краснеть-то мне, братцы, надо. Получилось, что я тоже... Какое же право буду иметь писать обо всем этом? Сходить отдать эти лециные килограммы? Но какая разница, что их сот там килограммов, что сот пятьдесят? Разначил я заветную десятку, пошел к пристани. Юриной моторки уже не было, а к пристани парусный катамаран подходил. На лодке восседало четверо почтенных пожилых людей. Еще издали они запричитали:

— Отдохнуть бы дали озеру! Прямо, как волки, дорвались...

Пойманные леци уже были накрыты неводом, рыбаки складывали в лодку вертушки.

Я протянул Старому рыбаку деньги.

— Не надо, — сказал он, — тем не менее, что ты нам помогал.

С катамарана что-то кричали.

Тот, кто прочтет этот рассказ, задумается, вероятно, о судьбе Таватуя. Это озеро — одно из крупнейших на Урале. На всех оно картах, во всех энциклопедиях. Славится озеро и своей красотой. Не счесть художников, пребывавших здесь «на натуре». Приглянулось оно и кинематографистам.

Когда-то были велики его глубинные рыбные богатства. Они находились как бы в гармонии с обширностью и красотой Таватуя.

В библиотеке «Уральского следопыта» хранится журнал «Уральский охотник» № 1 за 1924 год. Нам показалось небезынтересным познакомить читателей с «историей вопроса». Предлагаем перепечатку из упомянутого журнала. Поясним сразу старые меры длины, площади и веса: верста=1,06 километра, десятинна=1,09 гектара, фунт=409,5 грамма, пуд=16,38 килограмма.

Мертвые воды

Прошлое и настоящее уральских озер

О наших уральских озерах теперь мало кто говорит, а в печати о них и совсем ничего не найдешь. Проще мела слава и замолкла. Как будто исчезли с лица земли 300 000 десятин озерного раздолья и его разнообразное подводное население.

А давно ли еще «ломались» от нашей рыбы городские и деревенские базары Урала и местностей, лежащих за его пределами! Во всякую пору даже самые миниатюр-

ные озера нашего края тешили сердце рыбака-удильщика, вознаграждая его охотничью страсть пудовыми удловами тяжеловесных окуней, ершей, щуки, язёй и т. д. Почти со всех озер в зимнюю пору тянулись огромные обозы рыбопромышленников, в приозерной глуши кипела промысловая рыбацкая жизнь...

700 озер Зауралья и Приуралья не только поили и кормили своих прибрежных жителей, но из-за своего богатства были постоянным яблоком раздора, обогащая одних и пуская по миру других. Одновременно со свирепствовавшей здесь золотой лихорадкой денежных тузов «большое, малое и пестрое начальство» одолевала повальная вакханалия рыбопромышленных успехов.

Темное счастье, темные деньги валом валили в бездонные карманы. Владельцы же самих богатейших озер башкиры, загнанные в нищету невежеством, «самодержавием, православием и народностью», собственноручно складывали в бумажники рыночных воротил свои богатства за «ломаный пятак», «по пьяной лавочке» расточались пищевые фонды и капиталы будущих поколений. Озера сдавались в аренду за уплату арендатором подушного, причитавшегося с владельцев озер, с придачей трепницы «на рыло» каждого «общественника». Господа Трутневы и прочие расторопные уральские толстосумы, вычерпывая до дна сокровища крестьянских озер, ставили себе каменные хоромы, а нищие богачи — владельцы озер — работали на них, елозя «арендательским» неводом свои родные воды...

В семидесятых и восьмидесятых годах народное достояние расхищалось втихомолку.

С 90-х годов печать уже кричала о бессовестной эксплуатации приозерного уральского крестьянства. В последние десятилетия в столичной и местной прессе начались разоблачения рыбопромышленных тузов, и, наконец, прокатился нашумевший на всю Россию «Трутневский» судебный процесс.

Но было уже поздно. Никакими судебными процессами нельзя было вернуть былое. Большинство озер стало уже мертвой водой, безмолвным кладбищем, откуда бесправные, безграмотные хозяйства их не могли вытащить на уху даже несчастного вершкового чебачишки.

Теперь быстролетным сном или сказкой кажется это прошлое, — когда весной на любом озере за ночь «садились» в морду по три, по четыре пуда чебака и окуня. В ту счастливую пору один рыбак мог вытащить силками до 8 пудов щуки в день. Рыбак-удильщик добывал по «тоненькому льду» до трех пудов окуня, ерша и чебака, а «по худому льду» в полтора раза больше.

А добыча арендаторов?

В одну тоню вытаскивали крупной рыбы по 5000 пудов! А у некоторых владельцев неводов было штук 7—8... Что это, — рыбацкое красное слово?

Нет, это не вымысел! Уральские озера — миниатюрные моря. Маян (133 кв. вер.), Уелги (82 кв. вер.), Увильды (72 кв. вер.) и множество других, вошедших в так называемую зауральскую группу, давали арендаторам в 70-е годы дохода до 300 000 руб. За последние предревлюционные годы улов упал, но все же он достигал десят-

ков тысяч рублей, причем не надо забывать, что рынок в те времена покупал рыбу «на свал» от 80 коп. до 2 р. пуд. Как же, значит, велико было наше рыбное богатство!..

И какая же это была рыба! Отборная, «великорослая», высшего питательного качества! Так оно и должно быть, — ведь сама уральская природа создала подобающее «отечество» для такого населения. Все наши уральские озера — кормные и представляют собою лучшие в России пастбища для подводных стад. Главнейшее лакомое блюдо окуней, чебаков и ершей бокоплав — «мормыш» — кишмя кишит в любой водяной выемке, а метляки-поденки находят в горных быстринках гостеприимный приют и обеспечивают своим существованием питание подводных гастрономов — хариусов.

В рыбной литературе есть немало страниц о счастливым прошлом наших озер.

Маститый писатель, охотник и рыбак С. Т. Аксаков в своих «Записках об ужении рыбы» любовно отметил: «по рассказам людей, впрочем, достоверных, бываю окуни в 12 фунтов; но я видел только в 8 фунт. и то мерзлых, привозимых с Урала».

Авторитетный ихтиолог 70-х годов Л. П. Сабанеев в своем капитальном труде «Рыбы России» так говорит об уральских ершах и окунях: «В озерах Екатеринбургского уезда в настоящее время попадаются громадные окуни в 10—12 фунтов, а прежде, лет 15—20 назад, ловились в Каслинских озерах и 15-фунтовые. Еще большей величины достигают щуки в некоторых глубоких и ямистых озерах Зауралья. В Увильдах несколько лет назад была поймана щука в 3 1/2 пуда».

И не думайте, что такие чудеса были достоянием только далеких глухих озер. Крупная рыба, огромные уловы были на всех наших озерах, а последними, как известно, описан даже шумный, промышленный Екатеринбург. И тут, в каких-нибудь 5—10—40 верстах от города, подводное царство жило в полном довольстве. Вот некоторые справки из рыбацкого дневника уральского рыбака и писателя Н. А. Сапегина.

20 ноября 1899 года К. А. Сапегин занес в дневник следующие результаты своей однодневной ловли на удочку на озере Таватуй:

«Поймано окуней: 1 шт.—2 7/8 фунта, 2 шт.—4 7/8 ф., 2 шт.—2 7/8 ф., 4 шт.—3 4/8 ф., 2 шт.—1 5/8 ф., 10 шт.—3 5/8 ф., 22 шт.—5 ф., 23 шт.—4 ф., 29 шт.—4 ф. и 40 шт.—4 4/8.; чебаков: 2 шт.—1 6/8 ф. Всего 138 штук — 38 2/8 фунта».

Но ведь это было уже на закате былой славы наших озер, то есть в 1899 году! А еще в 1897 году сам К. А. Сапегин писал в очерках «Уральские озера» (в журнале «Природа и охотник») о рыбалке на подгородном В.-Исетском озере: «Заядлых удильщиков на В.-Исетском пруду, главным образом, соблазняют окуни, в тот год отлично ловившиеся на блесну. Окуни доставляли своим поклонникам истинное наслаждение, и их опытные рыбаки добывали до 2-х пудов в течение 5—6 часов».

Неуклонное опустошение уральских озер арендаторами, гибель рыбы от хронических весенних «заморов» довели наши водные просторы до полного обнищания.

Неужели же все пропало?

Конечно, нет: озера на месте, мормыш живет и размножается, а кое-где появляется и рыбежка. Значит, что-то надо делать, чем-то спасти остатки бывшего богатства.

Кто же должен этим заняться?

Да прежде всего тот, кто понимает государственно-общественную важность наших рыбных богатств, кто признает озерное рыболовство за доходную статью краевого хозяйства...

Уральские голубые озерные просторы еще таят ог-

ромные запасы творческой силы. Надо приниматься за дело. Надо вернуть этим просторам их былое богатство и славу, надо организовать настоящее доходное рыболовное хозяйство на Урале.

Александр ШУБИН

Как видите, и шестьдесят лет назад волновала уральцев проблема родных озер — наших «миниатюрных морей». И шестьдесят лет назад говорились о необходимости вернуть голубым озерным просторам Урала их былое богатство и славу, организовать настоящее доходное рыбное хозяйство. Ведь озера в основном сохранились, озера «кормные», «лучшие в России пастбища для подводных стад». И рыба в таких водоемах — натуральный продукт высокого качества. От ерша до сига.

В научно-исследовательском институте озерного и рыбного хозяйства (того, вероятно, о котором упоминал Старый рыбак) мы беседовали с директором Владимиром Николаевичем Скворцовым. Да, подтвердил он, была такая идея — очистить озера от малопродуктивной рыбы (окуня, чебака и пр.) и запустить сиговые породы. Но сколько ни пробовали, опыт не удался: то сиговые не приживались, как хотелось, то не поддавались полному уничтожению чебак с окунем. Тогда в главном институте поставили эксперимент. Под Ленинградом в одном из озер начали отлавливать «сорную» рыбу чуть ли не каждый день. Тщательно. У всех берегов. На всей глубине. Даже потравливали чем-то. Добились, что в конце концов стали попадаться в густой невод считанные окуньки да чебачишки. Вроде бы тщательно подготовили озеро к заселению высокопродуктивными породами рыб. А когда настроились зарыблять, то оказалось, что в озере опять чебака и окуня значительно больше предполагаемого.

Отсюда последовало два вывода. Один, с нашей точки зрения, утешительный, другой — странный. Первый заключался в том, что мать-природу не так-то легко победить. Коренное рыбное население наших озер образовалось страшно давно, в тот геологический период, когда с европейской части страны, с Урала скатывалось море и образовывалась твердь. Катаклизмы, схватки огня с водой не раз потрясали землю. Среди прочего рождались, гибли, снова рождались закрытые водоемы. А рыбы, появившиеся в них, стремились выжить и выработали стрессовую способность к быстрому размножению. Как утверждают ученые, эту способность они не потеряли до сих пор. Странность другого вывода в следующем: если в худших условиях давние рыбы размножаются лучше, то каких-то особых ограничений на их отлов не надо. Черпай — не вычерпаешь, изводи — не изведешь. Однако растут эти рыбы медленно, а невод ходит круглогодично. И хотя подчистую рыбы, занесенные в «сорный» список, пока не исчезают, но и набрать более или менее «товарного» веса не успевают. Мельчают. Глядишь, и не выдержит когда-нибудь в их генетике без конца огне-

таемая шестеренка, даст трещину, и из «сорного» списка переключают чебак с окунем, ёрш со щукой в Красную книгу.

Неясностей достаточно. Владимир Николаевич утверждает, например, что ячея у промыслового невода должна быть по стороне квадрата — двадцать два сантиметра. «При этом, сами понимаете, промысловое рыболовство никогда не помеха любительскому. Только крупную рыбу берет невод». А как же это ерш застрял в крыле таватуйского невода (вспомните рассказ Старого рыбака)? А как же попадаете в промысловые сети нестандартный подлещик, да еще тоннами? В двадцатидвухсантиметровую ячею проскочил бы любой «нестандарт», а уж ёрш и подавно.

Что-то все-таки тут не так.

Может быть, и впрямь отдохнуть нужно озеру от непомерных поборов прошлого века и нынешнего? Может, прав Старый рыбак: «Во бы через три года в озере рыбы завелось, во бы доход государству, во бы продовольственная программа! Ведь, тем не менее, не турки лещей будут кушать-жарить, а трудящиеся уральцы».

Теперь, говорит Владимир Николаевич, у нас установка на поликультурное рыбководство — сочетание местных (сорных) пород с привозными (ценными).

А удивительный невод, как бы автоматически сжимающий ячею — лишь коснется воды, — продолжает безраздельно озеро. Да и появившиеся новые промысловики на Таватуе, — откуда они-то со своими многозахватными снастями? Ведь план по добыче рыбы один, и он на плечах таватуйской артели.

И тут что-то не так.

Есть еще одно обстоятельство.

Невозможно представить летний Таватуй без ребятишек — юных рыболовов. Снасти их несложны. Повезло — удочка из бамбука, «магазинная», а чаще — самоделка: несколько раз составленное сосновое или березовое удилице. Консервная банка с оттопыренной крышкой — для червей. Полиэтиленовый прозрачный мешочек — под улов. Под ершей. Другую рыбу поймать обычно с берега трудно.

Но вот беда — и ершей-то почти не стало.

Прыгает юный рыбак с камня на камень, тянется, старается забросить поплавок подальше. Если вода теплее, то заходит в воду по колено, снова забрасывает. Ждет поклевки. Меняет червя пообвисшего на свежего. Снова забрасывает. Ждет и ждет. Думает.

О разном, конечно, можно думать на рыбалке, но прежде всего — почему же не клюет? И погода нормальная, и ветер не восточный, и рябь по воде — все приметы вроде бы благоприятные, а ерша нет. И думается пареньку о том, о чем уже не первый год на всех берегах говорят взрослые: рыбы меньше и меньше, ницает озеро. Парнишка и сам помнит, что в позапрошлом году «вон у того камня» поймал десятка три ершишек и отнес матери на уху. А нынче — пусто. Почему?

Всемирное ухудшение экологической обстановки юный

рыбак осознать еще не может, это пока для него понятие отвлеченное, и так ли, нет ли для Таватуя — еще вопрос. А вот конкретных виновников — он слышал — называли. Они же на виду — промысловые рыбаки. Да и сам парнишка видел по весне (а не видел — рассказали сверстники или родители), что взяла артель нерестовую рыбу. А ведь во время нереста на лодках ни местным жителям, ни приезжим — никому! — на озеро выезжать, ловить рыбу даже удочкой нельзя. Категорически запрещено! Нерест — охраняемое время зарождения новой рыбы. Юный рыбак это прекрасно понимает. Но недоумевает: почему одним — можно, другим — нельзя? Одним сетью можно, другим удочкой нельзя.

Вызывает недоумение и густота невода, в котором застревают недоросли-окунишки...

Поплавок не шевелится. А мысли выстраиваются в цепочку, и, может быть, впервые ощущение какой-то несогласованности между взрослыми холодной горчинкой катится в душу.

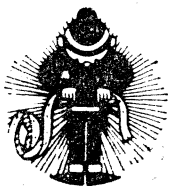
Солнце поднялось из-за гор, золотит окна уютного детского сада, заботливо построенного на берегу среди сосен. Празднично смотрится школа, она тоже в зелени, ее окна тоже на озеро. Сколько хорошего слышал юный рыбак от воспитателей, от учителей — о любви к родной природе, о бережливости, о необходимости с малых лет развивать в себе чувство хозяина нашей большой и прекрасной земли. Но тысяча самых верных слов (действительно верных!) может споткнуться однажды о житейский пример. Внутренний мир подростка чрезвычайно раним. «Там, где мораль не живет в благородных поступках, бывает много пострадавших и с трудом находятся виновники», — писал В. Сухомлинецкий.

Виновников и вправду найти трудно. Давно, например, принято постановление об охранной прибрежной полосе (от 500 до 300 метров), но на Таватуе это сплошь и рядом нарушается. Изумительно чистая вода озера пока еще справляется с возрастающим бытовым и прочим загрязнением. Но надолго ли ее хватит?

Нет пока одного хозяина, полностью отвечающего за весь комплекс проблем жизнеспособности озера. Никому это не на пользу, в том числе и научно-исследовательскому институту.

...Убедившись, что не клюет-не ловится, юный рыбак сворачивает удочку, пинает банку с червями, понуро идет домой...

Неплохо бы, наверное, чтобы Старый рыбак пришел когда-нибудь в школу. Рассказал ребятам, в чем считает себя правым, в чем — не очень, что тревожит его совесть. На вопросы ответил. Интересная и полезная могла бы состояться беседа. Ведь все, что мы, взрослые, делаем, помимо хозяйственного значения несет в себе и нравственный заряд. А дети — продолжение наше. Не позаботимся сегодня о нравственном здоровье одного, завтра можем недосчитаться двух.

СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

● Со знакомства с материалами о жизни и творчестве чехословацкого писателя - интернационалиста Ярослава Гашека начинался музей республиканской художественной школы-интерната в Уфе. Ныне центральное место в нем занимают документы и экспонаты, рассказывающие об участии советских людей в освобождении Чехословакии от фашизма. Бережно хранятся здесь списки более чем семисот жителей Башкирии, сражавшихся с гитлеровцами на чехословацкой земле.

● Однажды ребята из 347-й московской школы пригласили в гости участников Национально-революционной войны в Испании 1936—1939 годов. С тех пор и начали собирать школьные следопыты материалы об Испании. В школьном музее — две экспозиции: одна посвящена советским добровольцам, которые погибли на испанской земле, другая — испанцам — участникам Великой Отечественной войны, сражавшимся за свободу нашей Родины.

● Пятнадцать лет в московской школе № 2 имени Ромена Роллана существует музей французского Сопротивления. Бесценная руководительница музея — преподаватель французского языка В. Б. Гаттенберг. Учащиеся поддерживают связи с 99 ветеранами — участниками движения Сопротивления.

● 232-я школа в Ленинграде — бывшая вторая петербургская гимназия. В ней когда-то учился Н. Н. Миклухо-Маклай. В школе сегодня создан музей ученого и географа. Ребята поддерживают переписку с потомками Маклая, живущими в Австралии, с учащимися колледжа в Сиднее.

● Памяти антифашистов и национальных героев наших дней, погибших от рук реакционеров, посвящен музей 127-й школы Новосибирска. В нем представлены материалы о борцах за свободу и независимость разных стран. Школьный КИД насчитывает в своих рядах шестьсот человек.

Музей «Парижская коммуна»

Такой музей существует в школе № 3 города Черепаново Новосибирской области. Школьный КИД имеет друзей во Франции. Парижане актеры театра «Пламя Парижа» Мари и Ролан Кривин рассказывают в своих письмах о спектакле, посвященном коммунарам, о том, как весь трудовой Париж в последнее воскресенье мая ежегодно совершает торжественное шествие на кладбище Пер-Лашез, где были расстреляны последние защитники Парижской коммуны.

Приезжали к ребятам в школу старые коммунисты, участники Сопротивления Раймонда и Ги Готье, большие друзья Советского Союза. Для них в школе был подготовлен целый концерт: все номера, даже старинные сибирские песни, исполнялись на французском языке...

МЫ-

Нет для друзей расстояний

Чехословацкий город Млада-Болеслав и русская Коломна — города-побратимы. 8-я средняя школа в Коломне — коллективный член Общества советско-чехословацкой дружбы. Лет пятнадцать назад, когда школа была еще новостройкой, ее показали членам делегации Младоболеславского района ЧССР. И кто-то из делегации сказал, что национальный герой Чехословакии Ян Шверма некоторое время жил в Коломне. С этого конкретного дела — со сбора материалов о пребывании Яна Швермы в СССР — и начал свою работу созданный в школе КИД.

Кидовцы восстановили для себя заново биографию Яна Швермы. В двадцать лет — член Компартии, через восемь лет — член ЦК и Политбюро КПЧ. Он был главным редактором газеты «Руде право», одним из руководителей национально-освободительного движения в годы второй мировой войны. Ян Шверма погиб во время Словацкого восстания. Три снимка из альбома, присланного чехословацкими друзьями, были для ребят уникальными: они относятся к 1927 году, ко времени пребывания Яна Швермы в Коломне.

Ежегодно музей 8-й школы посещают более тысячи людей. Однажды ребята пригласили ознакомиться с его экспозицией родителей — некоторые семьи пришли в полном составе. Приходят сюда молодежные делегации перед отъездом в Чехословакию; приезжают сотрудники посольства ЧССР, гости из Млада-Болеслава. И все они отмечают глубокое знание ребятами истории братского чешского народа.

Люди легенды

Неожиданное это открытие было сделано следопытами 1-й новоульяновской школы, когда они собирали материалы для своего школьного музея «Люди легенды».

Разыскивая земляка из Ульяновска — летчика Герасимова, ребята узнали о том, что в Липецке живет его боевой побратим по имени Александр Иванович Герасимов, который оказался бывшим летчиком республиканской Испании Альфонсо Гарсиа. Вот какая история связала этих двух людей одним именем.

...1938 год. Испания. Бомбардировщик СБ-12, пилотируемый Альфонсо Гарсиа, принял бой с шестеркой вражеских «мессеров». Силы были неравны. Убит стрелок. Загорелся мотор. И вдруг откуда ни возьмись появился русский истребитель И-15 и ринулся в бой, отвлекая на себя «мессеров». Гарсиа, уже терявший высоту на ставшем непослушным самолете, с горечью наблюдал, как падал и русский истребитель, неся за собой черный шлейф...

Альфонсо дотянул до аэродрома. Уже на земле он узнал, что спас его русский летчик Герасимов, который не вернулся на свой аэродром.

Потом Альфонсо Гарсиа приехал на учебу в Советский Союз. А в Испанию обратно выехать не смог: там

ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

СЛЕДОПЫТСКИЙ
ТЕЛЕГРАФ

была фашистская диктатура. Принимая советское гражданство, он попросил разрешения взять себе фамилию Герасимов, а имя-отчество выбрал самое простое — Александр Иванович. Не знал он имени спасителя.

А Николай Семенович Герасимов в то время был жив... Ему удалось посадить самолет — раненный, в горящей кабине, он дотянул до земли. Восемьдесят пробоин насчитали механики на истребителе... И воевал еще долго русский доброволец, немало подвигов совершил на испанской земле, за что в 1939 году получил звание Героя Советского Союза.

В Великую Отечественную войну подполковник Н. С. Герасимов командовал истребительной авиадивизией. Не раз, как оказалось, сводили побратимов фронтовые дороги: оба сражались в небе Сталинграда, Киева, но ни тот, ни другой об этом не знали. И увидеться им так и не удалось.

Николай Семенович Герасимов служил в авиации до 1954 года. А спустя шесть лет умер от тяжелой болезни. Его именем названа одна из улиц в Ульяновске.

Альфонсо Гарсиа — Александр Иванович Герасимов разыскал его родственников, побывал на могиле побратима. Не смог только руку пожать при жизни — не свела судьба...

У подвига много имен

Далеко иркутский город Слюдянка от города Алитуса в Литве. Но именно от школьников Алитуса следопыты слюдянской школы-интерната № 1 получили первую информацию. А была она — о Марите Мельникайте... Ребята тогда провели сбор «Две Зои — две героини» и написали заметку о нем в областную молодежную газету. На заметку пришло письмо-отклик, житель Красноярска сообщал о том, что была своя Зоя и у болгарского народа — Вела Пеева, в честь ее назван город Велинград...

Потом воспитательница интерната принесла газету, где была статья «Донская Зоя» — о Кате Мирошниковой. И сами кидовцы уже находили новые имена: эстонской девушки Хелены Кульман, повторившей подвиг Зои Космодемьянской, греческой патриотки Электры Апостолу, национальной героини Франции Даниэль Казанова... Узнали ребята, что в музее села Петрищево хранится знамя, присланное молодыми французскими рабочими, на котором вышито: «Никогда страна Даниэль не будет воевать против страны Зои!»

Подвиг Зои повторила Марушка Кудержикова в Чехословакии; подвергнутая страшным пыткам, она и в минуту смертной казни внушала страх врагам. Южно-ветнамская партизанка Ха Тхи Нгок Оань, попав в руки оккупантов, не выдала товарищей, вынесла все истязания; а когда перед расстрелом ей приказано было встать на колени, она ответила: «На колени я все равно не встану!...»

Поиск продолжается. Ребята из Слюдянки ищут героинь разных стран мира, повторивших подвиг Зои Космодемьянской.

Актеру-антифашисту посвящается

70-я школа Перовского района Москвы носит имя немецкого антифашиста Генриха Грайфа. У ребят этой школы и их сверстников из дрезденской школы, где учился Генрих Грайф, есть один общий праздник — день его рождения...

Имя Грайфа знакомо каждому ученику школы. В тридцатых годах он работал в Берлинском народном театре, в одной труппе с Эрнстом Бушем. Во время разгула фашизма вынужден был эмигрировать в Советский Союз. Он переводил Пушкина, Лермонтова, Маяковского, очень любил Чехова — мечтал сыграть чеховского Астрова... А играть Генриху Грайфу приходилось роли фашистов... Он снялся более чем в десяти фильмах: в роли эсэсовца в фильме «Человек № 217», нациста в киноленте «Это было в Донбассе» и в других фильмах. Михаил Ромм в книге о Грайфе, вышедшей в ГДР, вспоминает: «Трудно и больно было играть эти ужасные роли немецкому актеру-коммунисту... Но он относился к этой работе, как к своему долгу».

Не только в кино работал Генрих Грайф. Он был директором немецкой редакции на Московском радио, выдавшей на фашистскую Германию. За его голову Гитлер обещал крупную сумму...

Он читал в эфир «Сонеты издадалека», донося до своих сограждан правду о войне, мечту о свободной Германии. Те самые «Сонеты», которые нынче читают в его день рождения, на его родном языке московские и дрезденские школьники...

«Сердце у нас одно»

Гостями школьного КИДа кишиневской школы № 15 были итальянские друзья из города-побратима Кавриаго.

Школьный клуб интернациональной дружбы носит имя Виктора Хары и имеет свой музей. Много среди его экспонатов и итальянских сувениров, много и материалов, рассказывающих о борьбе патриотов разных стран, в том числе и о герое Чили — Викторе Харе. Клуб строит свою работу так, чтобы как можно быстрее, оперативнее откликаться на события, происходящие в мире. Ведь только крепкая дружба между народами всех стран и настоящая поддержка могут противостоять реакционным силам, развязывающим новую мировую войну, пытающимся подавить освободительное движение в борющихся странах.

Вместе со своими итальянскими друзьями ребята вспомнили слова Пальмиро Тольятти: «Сердце у нас одно. Между нами не существует разницы, так как мы боремся за одни и те же идеалы».

ЧТО ЛЕЖИТ НА ПОВЕРХНОСТИ

Юрий ЛИПАТНИКОВ

Рисунки В. Ганзина

Не лучше ли сразу высказать рискованный каламбур, возникший при знакомстве с наукой о поверхности? Химики-поверхностники обладают самыми неповерхностными знаниями о том, что лежит на поверхности. На ней чаще всего в буквальном смысле слова лежит многое.

Вероятно, нет наук, не задумывающихся о своей истории. Поверхностники нашли в прошлом факт пристального взгляда на кусочки древесного угля. Еще в конце восемнадцатого века некоторые ученые наблюдали, с какой потрясающей жадностью угольки поглощают газы. Почему? У кусочков активированного угля феноменально развитая поверхность, он весь пористый, как бы состоит из одних поверхностей, которые активно, но в то же время выборочно притягивают газы. Оттого-то и применил известный русский химик Зелинский активированный уголь в противогазе. Хрестоматийный случай использования знаний о поверхности на практике.

Польский юморист Ежи Лец оставил нетленную остроту (ее можно бы повесить у входов в научные лаборатории): «Скользить по поверхности можно только в балете на льду!» Автор этого очерка надеется привлечь внимание молодых пытливых исследователей из разных областей науки и техники к науке о поверхности, позвать их принять участие в долгожданном штурме тайн природных явлений, попавших в круг формирующейся дисциплины.

Теперь в химическом стакане или в банальной колбе ученые делают не столько науку, сколько заваривают чай и готовят кофе. Химию и физику помогает совершенствовать поистине могучая лабораторная техника. Мне показывали редкий снимок. Ошеломляющее впечатление производит фотография проектируемой установки неразрушающего контроля поверхности!.. Ее смонтируют в здании высотой, по меньшей мере, с двухэтажный дом, она будет вся облеплена, словно космический корабль перед стартом, электронными блоками и прочими вспомогательными устройствами, заглядывающими куда-то в середину этого инженерного сооружения. Мне поясняют: там, внутри установки, в камере, будет помещаться обычно либо целая машина (она, как правило, изготовлена в единственном экземпляре) или туда введут вал быстроходной турбины, который никак не тоньше столетней сосны. Сколько может стоить такая богатырская установка? Мне отвечают: вероятно, не один миллион. Да еще и создать ее далеко не просто. Техника сверхдефицитная. К сожалению, зачастую импортная.

Зачем нужно так придирчиво, применяя различные методы спектроскопии, осматривать машину, пусть и уникальную, или тот же вал турбины? Чтобы машина безупречно работала. Слишком большие надежды на нее возлагают, отправляя ее, допустим, в космос. Ну, и чтобы турбина не подвела. Онз не велосипед, не мясорубка, стоит весомо, ее нельзя бесперечь ремонтировать. А представьте, даже легкая, этакая кошачья царапина

на гигантском валу может обернуться гибельной трещиной. Бдительность на строгой научной основе, а не на интуиции надо проявить ОТК, который выпускает в свет не утюги, а дорогие и крупные детали ответственных машин. Их пуск инженеров волнует не меньше, чем премьерный спектакль актеров.

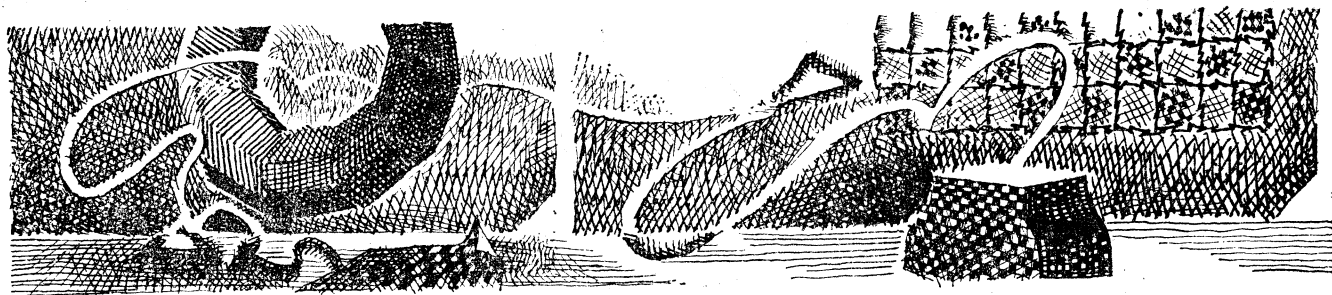
Конечно, такие мощные установки неразрушающего контроля нужны также и для самой науки о поверхности. Ее долг из практических наблюдений сделать теоретические выводы. Мы привыкли к тому, что ядерщики эксплуатируют непредставимой силы научные приборы — ускорители, синхрофазотроны. Нам еще предстоит привыкнуть к гулливеровским приборам поверхностники, которые должны воочию увидеть то, о чем размышляют. В этом им помогают спектроскопы, это они заглядывают вовнутрь установки неразрушающего контроля.

В природе нет идеально чистых поверхностей. На них всевозможный микросор, в поры исследуемых предметов проникают газы, вода. Этот грязный слой перед анализом должен быть убран. Щетка не поможет. Проводит ионная бомбардировка (кстати, это не метафора, а научный термин), чтобы согнать пестрый, если его проверить по таблице Менделеева, легион атомов-пришельцев с оккупируемой ими поверхности. Сей метод радикален, хорош, но и у него есть недостаток: свойства поверхности при бомбардировке искажаются ионами.

Действуют еще и так. В вакууме образец ломают и смотрят свежий излом. Но природа ни на мгновение не смыкает очей, не дремлет, трудится без раздумий. На изломе в течение часа, хотя тут и глубокий вакуум, межзвездный, появляется остаточный кислород, образуется монослой. Природа не терпит чистоты, неравновесия. Она виртуозно смешивает вещества повсюду, добиваясь равновесия. В этом ее творчество, ее производительные силы. Кислород всеяден, вездесущ. Никого и ничто не оставляет в покое, расшевеливает. Оттого-то не встретить в природной обстановке чистых металлов, это — чаще всего оксиды. Все окисляется. Правда, не всегда это плохо с практической точки зрения. Скажем, алюминий, окисляясь, защищает себя от более серьезного разрушения возникшей пленкой. А нам пленка кислорода на изломе образца никак не нужна. Она помеха при изучении переломленного в вакууме образца.

Изучение поверхности твердых тел напоминает обследование Марса. И в том и в другом случае нельзя разглядеть подробности невооруженным глазом. Астрономы нацеливают на планеты Солнечной системы телескопы. Поверхностники вглядываются в образцы с помощью оптического или растрового микроскопа, используя спектральные методы анализа.

Итак, что же там, на поверхности корунда? Микрорельеф удивительно многолик: видна слоистость, блоки, четырех- и трехгранные ямки, ромбонды, пирамиды и другие своеобразные структуры. Парад геометрии! Неведомая планета на лабораторном столе. Наблюдение

идет словно бы с борта космического корабля. Но есть ли что-нибудь типичное для корундовой поверхности? Или природа демонстрирует изысканные импровизации? Есть! Это характерные сколы кристаллов, ручьи, узоры, волнистые линии, ступени. Это все? Да. Сенсационных открытий пока не состоялось. Проведена очередная черновая работа. Идет накопление сведений. Наука должна знать, что лежит на поверхности всех материалов, в той или иной степени важных для техники. Иначе как склеивать одну поверхность с другой, не зная свойств микрорельефа?

Как видите, поверхностники вооружены самыми тонкими методами исследований и сложной научной аппаратурой. Однако масштабное конструирование ее в стране лишь разворачивается. Уральский научный центр организовал в Устинове физико-технический институт, там будут изобретать технические средства для изучения поверхности твердых тел. Чтобы не покупать фантастически сложные и дорогие установки за границей.

Так что же потянуло уральский росток новой науки вверх, какой социальный заказ выполняют физики и химики? Доктор химических наук, заведующий лабораторией поверхностных явлений Института химии УНЦ Владимир Иванович Кононенко знакомит меня с уральской программой «Поверхность». Организация науки — тоже наука. Чрезвычайно необходимая, продуктивная. Тут сильные таланты не менее нужны, чем ведущим отраслям науки способные физики, математики.

1979 год — века в истории академической науки. Президент А. П. Александров сформулировал тогда руководящую мысль о прямом выходе академии на решение накопившихся проблем промышленности. Нет, ученые он призывал не для оперативного вмешательства. Речь шла в его докладе об усилении влияния академической науки на экономику. В стране около 1 миллиона 400 тысяч научных работников. В вузах — полмиллиона, в академии — 50 тысяч. Остальное — отраслевые институты. Самый большой сектор отечественной науки, но не самый результативный... Ему предъявили претензии. Отраслевки (не все, разумеется) склонны решать мелкие проблемы, крупные — тормозили промышленность. Вероятно, тут без психологии ничего не объяснишь. Отрасль выполняла план, отраслевой институт помогал ей в этом. Все в порядке, все премированы. Заводы и институты довольны друг другом. Но ведь отраслевая наука имеет еще одну цель: решительно двигать производство по пути прогресса.

Ныне академия, ее филиалы и центры, — главный координатор науки. Точнее, становится им. В такой исторической ситуации мы рассказываем про науку о поверхности. У нее необозримый фронт работ. Хотя бы в борьбе с коррозией. Размах антикоррозионной борьбы титанический. Страна ежегодно производит 150 миллионов тонн стали; в это же время коррозия успевает съесть десятую часть. Металл безвозвратно гибнет во всех сре-

дах. Значительный объем составляют косвенные потери — в процессе металлообработки, транспортировки и т. д. Оптимистический прогноз: наука уже теперь может спасти 10 миллионов тонн стали! Какими способами?

Путем защиты металлов. Скажем, порошковые покрытия... Они держатся четверть века. Ресурс машин при этом увеличивается до пяти раз. Повышение срока службы машин в несколько раз эквивалентно такому же увеличению мощности машиностроительных заводов. Не доказательство ли это того, что наука о поверхности водуще-практична! Хорошее исследование свойств поверхности может дать большой экономический эффект. Поэтому академическая наука выводится впрямую на промышленность и уже решает ее давние проблемы.

Владимир Иванович Кононенко спросил меня, как студента-первокурсника, видел ли я волокна графита. Я отшутился, что тоньше грифеля в карандаше, пожалуй, не видел. Он положил тогда передо мной пучок волоконцев, похожих на влажную прядь волос, упавших с головы бронека из-под парикмахерских ножниц. Каждое волоконце столь тонко (от 5 до 10 микрон), что, глядя на него, теряешься — одно ли оно или сплелись, два? На что могут согнуться эти эфемерные паутинки? Их как арматуру заливают смолой или металлом и получают исключительно прочный материал класса углепластиков, так прославившихся в последнее время. Из них, углепластиков, можно изготовить тормозные колодки, испытывающие адские нагрузки при посадке самолета. Право же, сносшибательные сочетания в современной технике: графитовые нежные паутинки и многотонный летательный аппарат. Они не менее неожиданные, чем сочетания слов в новаторской поэзии Андрея Вознесенского. Корпус американского корабля системы «Шатл» держат именно углепластики. Однако графитовые паутинки, летающие в среде химиков как экзотика, нам были нужны лишь для того, чтобы показать, как специалисты творят детали с невиданными прочностными характеристиками. Владимир Иванович далее знакомит с тем, чем занимается его лаборатория. Как известно, Уралмаш выдает крупную технику — шагающие экскаваторы, дробилки, буровое оборудование и другие агрегаты большой мощности. Пары трения, суставы этих мастодонтов солидные. Как их делать надежными? Из легированных сталей? Дорого. А можно конструктивную сталь защитить износостойким покрытием, антифрикционным сплавом.

...Лет десять назад ученые Уралмаша пригласили в гости журналистов, пишущих о науке. Вопросы случайные, дежурные, быстро прошли, и пресс-конференция переросла в горячую дискуссию. Журналисты, а среди них были и с техническим образованием, наседали на многоопытных конструкторов по сути с одним: до каких пор завод будет отчитываться перед министерством по весу машин? Конструкторы, отвечая, напомнили о российских традициях делать «толстокожие» машины с большим за-

пасом прочности, в расчете на их ремонт с кувалдой в руках, на суровый климат и т. п.

Наука о поверхности — верится — облегчит появление нового поколения машин мощных и более надежных, более легких. В них не будут использоваться легированную сталь в полном объеме, на всю толщину, а детали станут делать из черновой стали с покрытием. Менее металлоемкие машины — это и техническое, и социальное достижение, потому что нельзя брать металл без оглядки, поскольку он не с луны падает, а ради него мы терзаем матушку-землю, ухудшаем незаменимую сферу обитания человека. Гордость за тяжелые машины становится анти-социальной, конструкторы обязаны мыслить экологически. Грядет новый критерий труда машиностроителей. Не по различным затратам (металла в том числе), а по ресурсу изготовленной машины, которая обязана отработать гарантированный срок, желательно и без ремонта.

Еще пример внедрения идеи поверхностников. Уязвимая конструкция: загрузочное устройство домы. Оно быстро снашивается, глотая острогранную шихту, а не сметану; шихта безжалостно царапает поверхность загрузочной воронки. УНЦ и Уралмаш выполнили научно-техническую работу. Теперь металлическая поверхность защищена износостойким покрытием. И в одной доменной воронке, отправленной с Урала в Кривой Рог, перестали исчезать ежегодно сотни тысяч рублей. Заметим, что износоустойчивые воронки пытались разработать и другие материаледы. Словом, проблема была с длинной бородой. С ней справились свердловские поверхностники, отыскав из 106 элементов Периодической системы единственный, который, говоря языком химиков, лучше связал защитный слой. Какие еще покрытия поверхностники предлагают уральские ученые? Повышение износостойкости деталей машин достигается, к примеру, методом плазменного напыления особых порошков на сталь. Для прочности сцепления такого покрытия с поверхностью детали его обрабатывают лазерным лучом. Тут сошлись сразу три знаменитости в мире техники: плазма, лазер и металлический порошок. Результат? Износ покрытий при определенном на них давлении и определенных скоростях скольжения «практически отсутствует». Эти слова взяты в кавычки не для того, чтобы смягчить гиперболу. Они процитированы, соответствуют действительности.

Электрический кабель защищают стальной бронелентой. А что ее спасет от аличной коррозии? Традиционные цинк-битумные покрытия. Увы, случается, новый кабель выходит из строя уже через два-три года. Цинк беспрерывно растворяет грунтовая вода, а во влажном воздухе на бронеленте неминуемо появляются язвы. Уральцы рекомендуют прятать кабель в полиэтиленовую пленку. Так вернее. Показали испытания.

Гидросооружения на Камском море периодически, через одну-две навигации, красят. Одна перекраска обходится недешево — 130 тысяч рублей. Химики продлили срок службы конструкций вдвое. Шлюзы работают надежнее, меньше ржавеют. Строится Пермская гидроэлектростанция. Она уже будет одета в более долговечные одежды.

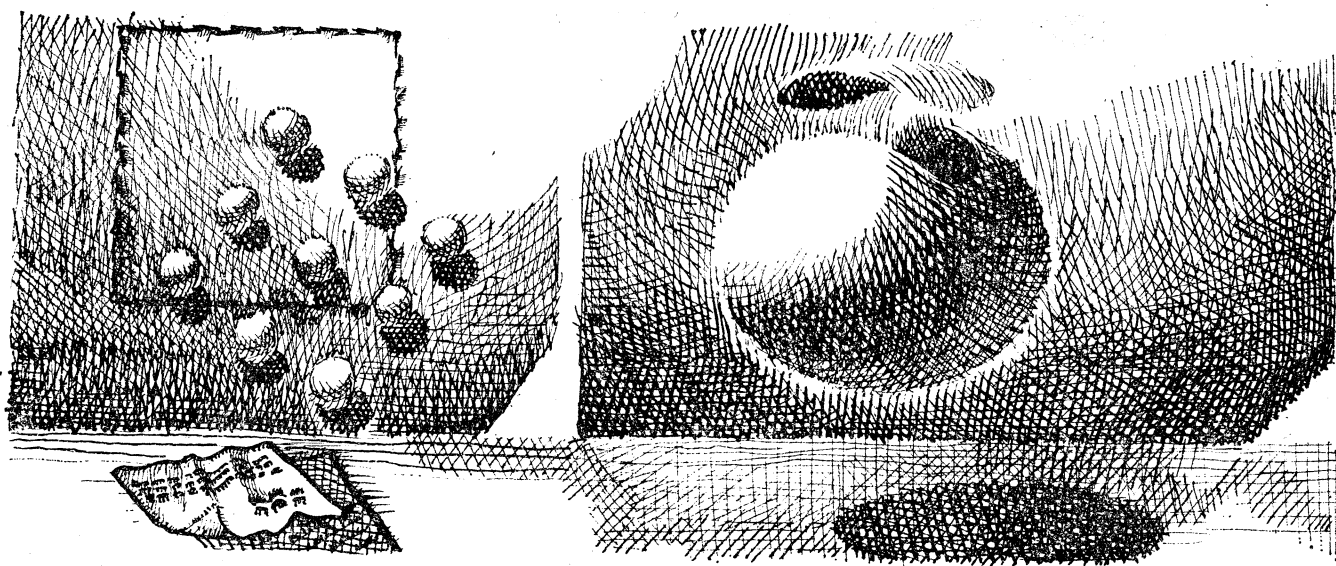
Пора от циклопических машин и гидросооружений перейти к микротехнике. Она в меньшей степени характеризует век. Слово «электроника» звучит, как музыка. Она и впрямь умножила силы человечества. Без нее немислимы уже ни быт, ни промышленность. Ей повинуются разнообразные машины в воде, на земле и в воздухе. И, значит, первейшее требование к ней — быстродействие и надежность. Она должна посылать неискаженные сигналы и быстро обрабатывать информацию. Непогрешимых людей нет, но они создают надежные электронные устройства. Сигналы, пронизывающие поверхности схем, обязаны управлять машинами-исполнителями стро-

го по программе. Наконец, только электроника может поставить в ряды неутомимых работников промышленных роботов.

В Академии наук СССР организовано отделение «Информатика, вычислительная техника и автоматизация». Его возглавляет вице-президент АН СССР академик Е. П. Велихов. Еще в академии создан научный совет «Физика, химия и механика поверхности» и с таким же названием программный комитет. Его возглавляет Е. П. Велихов. Там и там — физик? Это объясняется тем, что уровень развития вычислительной техники в нашей стране отстает от передовых зарубежных достижений ее теории. Физика призвана закрепить на деле достижения математики. Нужен рывок. Чтобы поискать в большом количестве вычислительные устройства, требуются обширные знания о материалах, годных для их изготовления, нужна современная техника получения их в виде тонких пленок или покрытий. Опять взоры обращены к поверхностникам. Они могут обеспечить элементную базу. Изучить, как ведут себя свободные поверхности деталей электроники. Можно сказать: мало придумать новый материал, труднее узнать, как его поверхность будет взаимодействовать со средой. Следствия внешних воздействий надо предвидеть. Хороша была бы эволюция, если бы стеклянные крылья древнейших обитателей земли стрекот таяли от лучей солнца. Нельзя думать, чтобы неторопливая природа, устраивая историческую судьбу летающих насекомых, упустила бы хоть один существенный фактор среды. У природы системный подход, грубых ошибок у нее нет или совсем нет. По таким основательным законам должна создаваться и микротехника.

Вслед за Академией наук и Уральский научный центр организовал научный совет «Физикохимия поверхности». Во многом он озабочен делами в области материалов для микротехники. Нужно преодолеть инерцию мышления исследователей, что предлагают новый материал, не поразмыслив над свойствами его поверхности. К тому же в электронике сама поверхность, тончайшая пленка становится автономным материалом, деталью. Профессор Уральского политехнического института Г. А. Китаев и его коллеги занимаются как раз получением полупроводниковых материалов в виде тончайших пленок. Эти невесомые пленки столь же драгоценны, как новоизобретенный механизм, облегчающий ручной труд. Пленки скрупулезно выращивают, осаждая, к примеру, сульфид кадмия или свинца так, чтобы кристаллы, как по команде, ложились строго параллельно подложке. Химики прошлого не смели мечтать о таком управлении веществом в пространстве.

Не на любую поверхность все можно нанести. В устах поверхностников это звучит как афоризм. Простейшая иллюстрация. Силикатный клей плохо клеит бумагу к оргстеклу. Тут адгезия (сцепление) скверная. Не происходит диффузии, взаимопроникновение стекла и клея отсутствует. И стоит выгнуть лист — приклеенная бумага отскочит. Чтобы ощутить, с какими трудностями сталкиваются химики, соединяя одно с другим, рассмотрим еще что-нибудь попроще. Те же наждачные шкурки. Это — песок с клеем на хлопчатобумажной ткани. Идут десятилетия, а специалисты не удовлетворены тем, как держатся песчинки в клее. На Волжском автозаводе кузова автомобилей перед окраской драят вращающимися кругами, на которых, словно лепестки отрывного календаря, часто-часто наклеены лепестки наждачной шкурки. Что же, недешевые лепестковые круги менять чуть ли не каждую смену? Приходится. Одними руками много машин не подготовишь к окраске. Видите, не придумана пока долговечная наждачная бумага. Насколько же сложнее нанести кристаллы свинца на подложку, чем приклеить песчинки?

Успехи науки о поверхности радуют, радостью хочется поделиться. Еще две идеи. Они обсуждаются в кругу специалистов. Обе сориентированы на сельское хозяйство. Не только в промышленность смотрит новая наука.

Эта забота стара, как мир, забота о лемехе. Теперь она к тому же усугублена тем, что скорости пахоты растут и лезвие лемеха в ряде случаев истирается за день. Точить его, как косу, не имеет смысла. Изменится почти наверняка конфигурация, и он иначе станет отваливать почву. Химики подумали о его защите износостойчивым веществом. Но вещество — это еще не материал. Его требуется соединить со стальным лемехом и, возможно, с помощью плазмы вогнать в поверхность стали? Получим износостойкое покрытие. Увы, оно весьма тонкое. Его хватит тоже ненадолго. А если толщину покрытия увеличить за счет клея, сплава-связки? Это уже обнаддеживает. Такова логика поиска упрочнения кормильца-лемеха...

А вот этот эксперимент озадачил даже искушенных химиков. Ультратонкий порошок цинка добавили в малой дозе в пищу коровам. Чудо: они стали быстро прибавлять в весе! «Неудивительно, — пошутили скептики, — если корову кормить железом, она, конечно, мгновенно станет тяжелой». Шутки шутками, а что же произошло? Предварительное объяснение. Ультратонкий порошок имеет большую поверхность (до нескольких сотен квадратных метров на 1 грамм). Возможно, он прекрасный катализатор разложения органических веществ. Тогда, естественно, порошок резко усилил усвоение кормов. Так ли это — время покажет. Может, все не столь просто. Даже поверхность воды в стакане обманчива, оказывается, чем ближе к ней, тем количество молекул на единицу объема будет меняться. А ведь очевидно как будто бы, что в стакане вся вода одинаковая. Будем надеяться: химики разберутся, почему так волшебным действуют на коров мельчайшие порошинки цинка.

Мир состоит из плоскостей. Нам не все равно даже то, какова поверхность сковороды, если на ней все пригорает. И специалисты, в данном случае из научно-исследовательского института черных металлов (Свердловск), предлагают покрывать сковороды фторопластом. Пригар исчез. Хоть чуточку, но жизнь людям облегчена. Помогли знания о поверхности. Поверхностники думают,

как облегчить труд, к примеру, буровиков. При бурении крепких пород в них под давлением вводят поверхностно активные вещества, и монолит растрескивается, бур легче вгрызается. Дела у буровиков идут веселее.

В машине трутся вращающиеся детали. Они сделаны из разных материалов и активно изнашивают друг друга. Как их помирить? Научные сотрудники Института химии УНЦ изобрели эпилам (жидкость, похожая на слабо заваренный чай), и он значительно уменьшил трение в узлах машин. Наука о поверхности продлила срок жизни машин.

Ныне ежечасно просвещают самые разные источники научно-технической информации. Будем же примечать в потоке этих сведений все отчетливее проступающие черты новой науки. Проблемы поверхности вроде бы лежали на поверхности, но только теперь изучению их придается фундаментальное значение.

В конце нашей беседы я задаю Владимиру Ивановичу Кононенко фантазийный вопрос:

— Не будет ли в будущем так... Допустим, станок, пресс или автомобиль отработал какой-то срок. Его тотчас разберут. Со всех деталей снимут остатки старых покрытий. И опять все, как надо, покроют еще более стойкими пленками. Машина, поменяв кожу, снова работает, как новенькая. Ведь человек меняет кожу?..

— Интересная мысль... — улыбается Владимир Иванович. — Что же, такое в каком-либо варианте не только возможно, но отчасти делается... Однако более перспективным представляется другой путь. Надо чтобы физический и моральный износ изделий машиностроения совпадал во времени. Хуже, когда машина целехонька, а морально устарела. Ей бы работать, а ее приходится списывать. Еще хуже, что, к сожалению, чаще встречается, когда машина еще не устарела, а уж недееспособна. Это я к тому, что мы должны приближаться к идее относительно замкнутого металлооборота. А для этого, повторяю, физический и моральный износ должны совпадать. Все это — сверхзадача, стоящая перед уральскими машиностроителями. Ну, и перед нами, поверхностниками, конечно, тоже...

ХОЗЯМИ ОГНЯ

Семен ШМЕРЛИНГ

На крыльце плакала молодая женщина. Под серой шалью подрагивали упавшие плечи. Майор Картышев остановился. Приостановились старшина и солдаты-саперы. Молча глядели на плачущую женщину. Опоздали! Прибудь они пораньше, братишки-близнецы были бы живы.

Военные пошагали к околице. Там замерли тракторы, грузовики и подводы. Собрались люди. Но, казалось, все они встретили неодолимое препятствие и остановились. Шоссе же было свободным и безлюдным. Пустовали поле озимой пшеницы, еловые перелески, ближний, облитый солнцем сосняк. Только вдалеке двигались фигурки в зеленых бушлатах.

Толпа гудела. Майора встретили взгляды настороженные, укоризненные, горькие. Иван Николаевич почувствовал себя в чем-то виноватым, словно бы лично недоглядел. Хотя прежде он и слыхом не слышал об этом придорожном селе и лишь на днях нашел его на топографической карте.

Военные вышли на шоссе, окаймленное старыми корявыми тополями. Справа от него ветвился глубокий овраг, обросший кустами сирени, боярышника и вереска. По берегам сторожили рослые сосны, блестя иглами. По дну протекал ручей. После бурного паводка вода в нем отстоялась, стала светлой, прозрачной.

В узком овраге струился теплый воздух, там прыгали три молоденьких дубка — редкость для северных краев. «Как же их сюда занесло?» — удивился Иван Николаевич.

— Здравия желаю, товарищ майор, — донеслось из кустов. Появились два сапера — один с миноискателем, другой со щупом. Первый, худощавый, с розоватым загаром на лице, доложил:

— Рядовые Пономарев и Кононов выполняют задание...

— Здравствуйте... Ну как?

— Лежат, товарищ майор... Миноискатель знай пщит, в ушах больно.

— Густо пошли, — баском добавил Кононов, коренастый, светлоглазый. — Мно-го...

Быстро подходили еще солдаты, вскидывая ладони к пилоткам. Собрался весь взвод.

— Что ж, давайте посмотрим. Пономарев — копните. Поаккуратней.

— Есть.

Отложив миноискатель, солдат взялся за саперную лопату, а его напарник — за вторую. Осторожно подрезали травянистый пласт, дерновину подцепили, как кусок кремowego торга, отложили в сторону. Майор опустил на колени и сильными пальцами спешно разгреб сырой подзол.

— Вон он...

— Глазастый...

Из черной земли выглянуло острое рыльце снаряда.

— А вон еще...

Снаряды стояли торчмя и лежали бочком. Годы сделали свое дело. Туго привинченные головные взрыватели и стальные корпуса были покрыты бугристым

налетом ржавчины, раковинами и наростами. Иван Николаевич вспомнил строчки недавно составленного специальной комиссией акта:

«Взрывоопасные предметы представляют собой в основном осколочно-трассирующие снаряды. В обращении опасны и подлежат обязательному уничтожению путем подрыва».

На всем протяжении этого семисотметрового, одетого густым кустарником оврага, на пашнях вокруг, на дне ручья, в заводях и болотцах — глубиной до двух метров и почти на поверхности — таились сотни, а может, и тысячи скрытых в проржавленном металле смертей. Два дня назад одна из них вырвалась. Погибли два мальчика.

Откуда они, эти снаряды? Майор прислушался к солдатскому разговору:

— С войны, небось.

— Ну и как же снаряды в земле оказались?

— Может, взрывами разбросало...

— Скорее, бурными паводками разнесло...

Пожалуй, точно. Майор так и представил себе: весенние воды, ворвавшись в мощное артиллерийское хранилище, разметали, разнесли по оврагу и полям, забросали землей, затянули плавунами эти самые, осколочно-трассирующие, и те притаились до времени.

Старый сапер Иван Николаевич знал, что в бывших фронтовых краях, где гремели бои, война оставила свои страшные следы, не первый уже раз обнаруживаются они.

Помнится, давние хранилища боеприпасов находили и в городах, и в рабочих поселках, и в селах. И на заводах, случалось, в металлургическом ломе, привезенном на переплавку, попадались боевые снаряды, мины и даже на строительной площадке ковш экскаватора вскрыл целый артиллерийский погреб, сохранившийся еще с времен гражданской войны.

Хватало работы саперам.

Рядовой Евгений Пономарев, первым начавший разминирование, просвещал новичков:

— Вы, ребята, не тушуйтесь. Дело простое. Конечно, тут их прорва, всяких снарядов. Как морковки на огороде торчат. Я уж добрую сотню перебрал.

— Знай выдергивай, — подхватил баском Кононов. — Нечего резину тянуть, поворачиваться надо.

— Металлу на целый трактор хватит, — улыбнулся Пономарев. — А может, на танк.

— Это что, — вставил Кононов. — Мы еще монету нашли. Старинную. Образца одна тысяча восемьсот запертого года...

— Монету? — переспросил один из новичков. — Ты собираешь? Нумизмат?

— Кто-кто?

— Не знаешь? Эх ты, морковки...

«Что-то они больно развеселились, — с тревогой подумал майор. — Какие храбрые. Два дня работают, тихо-спокойно, никаких ЧП — и про морковки заговорили. Хватай да дергай. Нет, дорогие мои, не тот здесь овец. Надобно бодрячков да хвастунишек поставить на место».

— Вы сегодня инструкцию читали? — строго спросил майор.

— Никак нет,— бойко ответил Пономарев.— Позавчера прочли, помним.

— Инструкцию по разминированию читать каждый день,— резко произнес Картышев.— По утрам. Перед работой. И всем под ней подписываться. Каждый раз. Ясно, старшина?

— Ясно...

— Выставить оцепление. На шоссе — постоянный пост.

— Есть.

— Работаем попарно: один с миноискателем, другой со щупом. Через час напарники сменяют друг друга. Уставать станете меньше и снаряды морковками не покажутся.

— Понятно.

— Старшина, немедленно привезти резиновые сапоги. Завтра полезем в пойму ручья.

— Есть.

— Пока все.

Он остро чувствовал свое старшинство.

Иван окончил семилетку в год, когда грянула война. Отец ушел на фронт, пятнадцатилетний Иван получил под начало конягу, телегу, бочку с горючим, стал заправщиком и учетчиком тракторной бригады. И всегда беспокоился, как бы не опоздать с горючкой. И конягу сберечь.

А через два года надел гимнастерку и шинель. Боевое крещение солдат-пехотинец принял в Польше. Бойцы сидели в окопах. Немцы били шрапнелью.

— Наш,— определял снаряды Николай Коротков, с которым Иван успел подружиться.— Не наш.

Коротков был уже обстрелянным солдатом и, как старший по возрасту и по опыту, опекал еще новичка Картышева.

— Не наш.

— Наш.

Железный удар сбил Ивана с ног. Когда очнулся, то ему показалось, будто вокруг выкачан воздух. Потом вернулось дыхание: жив. Двое суток не мог произнести ни слова. Когда заговорил, узнал, что его, контуженного, слепого и глухого, вынес с поля боя Коротков. Вынес, а сам вернулся в окопы. Коротков отвечал за него по праву старшего. Это Иван Николаевич запомнил на всю жизнь.

После госпиталя Иван продолжал воевать уже в Германии. Сержантом, награжденным медалью «За отвагу», встретил труднейший бой у небольшого немецкого городка.

От роты осталось двенадцать человек. Самыми старшими по должности и званию были два сержанта — восемнадцатилетний Иван Картышев и его неизменный друг Николай Коротков.

Как же быть? Отсидеться в окопах, дожидаться подкрепления? Можно и так поступить: не осудят, поймут, что с такими скромными силами не продолжишь атаку под яростным огнем, не перейдешь речку по топкому весеннему льду, не заценишься за крохотный плацдарм. Отсидеться? Нет, так не пойдет. Сейчас они возглавляют целую роту, сколько бы в ней ни было бойцов. Значит, надо идти вперед. Но как?

Так вот думали два молодых командира. Как победить и сохранить людей? Решили: к реке проползти по водосточному кювету. Найти и прихватить с собой доски, чтобы хоть по одной было бы у каждого солдата. Доски

укладывать на лед и по ним форсировать водную преграду.

Все двенадцать достигли противоположного берега. Закрепились. И отбивали контратаки фашистов, пока на помощь не пришли товарищи.

В этом же городке завязались ожесточенные уличные схватки. Они вспыхивали в подвалах, на чердаках, в квартирах. В узком колечатом коридоре Картышев лицом к лицу встретил фашистского солдата. Началась автоматная дуэль. Укрываясь за углами коридора, ловили друг друга на пулю. Утомленный долгим боем, Иван слабел с каждой минутой. Как он жалел, что накануне израсходовал свою последнюю гранату. И вдруг из-за его плеча чья-то граната полетела в дальний конец коридора, где скрывался немец. Грянул взрыв. Иван обернулся. Перед ним стоял его спаситель, один из тех двенадцати бойцов, которых Картышев провел через речку.

— Порядок, товарищ сержант, — сказал солдат.

Ранили Ивана Николаевича на подступах к Балтике. А позднее, весной последнего года войны он, уже сержант инженерного подразделения, вместе с новыми однополчанами наводил понтонную переправу через один из рукавов полноводного Одера. На переправу пикировали «снайперы», ее молотила вражеская артиллерия. Огонь был прицельным: как оказалось, в нише опоры взорванного моста сидел немецкий радист-корректировщик. И все-таки переправа удержалась. Сколько раз Картышев менял полупонтонны, заделывал бреши, пока через реку не прошли наши танки.

С тех пор он сапер. Целый год ликвидировал мины и снаряды под Спас-Деменском. На многокилометровых минных полях прощупывал по сантиметру землю, густо напигигованную металлом и взрывчаткой. Тогда, в сорок шестом, над ним, сержантом, были старшие командиры. Они наставляли, учили, отвечали за его действия. Теперь же на этом зеленом плацдарме, где таятся тысячи боевых снарядов, старший — он сам. И отвечает за все и за всех.

Каждое утро старшина читал солдатам инструкцию по разминированию и те непременно ставили под ней свои подписи.

— К постоянной опасности привыкаешь, — повторял Картышев. — Слышал, кое-кто поговаривает о торчащих в земле «морковках» и «картошках». Действительно, берешь в руки десятый, сотый снаряд, начинаешь с ним невежливо обращаться. А он, пролежав в земле столько-то лет, может невежливое обращение не принять...

Чаще всего первый заход майор открывал сам в паре со своим помощником капитаном Мироном Федоровичем Герасимюком, тоже бывалым сапером. Поисковая рамка миноискателя, которую направлял Картышев, медленно оглаживала росистую траву, слежавшуюся пахоту. Щуп осторожно углублялся в землю. У офицеров была тихая, вкрадчивая походка, как у охотников, отслеживающих зверя.

Обнаружив первый утренний «улов», они склонялись над снарядами, внимательно рассматривали их, щупали. Бережно очистив от земли, легко поднимали и, несильно ступая, относили их к берегу ручья, мягко укладывали на лужайке.

— Следующий, — улыбался майор.

Солдаты следили за офицерами и повторяли их движения. И даже походка у молодых становилась такой же вкрадливой и легкой, как у Ивана Николаевича.

Число извлеченных осколочно-трассирующих снарядов перевалило за пять тысяч, а они все еще попадались десятками, сотнями и на дне оврага, и в русле ручья, и в черной с прозеленью тине болота.

Время от времени Картышев поглядывал на притих-

шее на взгорье настороженное село. Редкие прохожие появлялись на улицах. Машины и тракторы так и стояли у околицы. И поднимающиеся в безветрии из печных труб серые дымки тоже, казалось, замерли в ожидании.

Пора было кончать с томительной угрозой, ликвидировать взрывоопасные предметы. Операция предстояла серьезная. Вместе с капитаном Иван Николаевич еще раз осмотрел овраг, определил место предполагаемых взрывов, а в полукилometре от него, в самой глубокой складке оврага, приказал отрыть блиндаж. Соорудили его основательно, как на фронте в долговременной обороне. Накат поставили из толстых бревен.

Старшина привез взрывчатку. Картышев испытал ее сам на небольшой партии снарядов. В это время личный состав находился в укрытии. Майор зашел в блиндаж недовольный, хмурый. Объяснил:

— Не все снаряды взорвались. Брак работа.

— Как же так? — забеспокоился рядовой Пономарев.

— Очень просто, вдавило в землю. Плохо думали...

— Что же теперь делать?

— Приноровимся, — усмехнулся старый сапер. — Достанем досок или горбылей. На них и уложим боеприпасы. Не будет им пуховой подушки...

Кто знает, может, в этот момент Иван Николаевич вспомнил о досках, которые ему с двенадцатью бойцами помогли перебраться по льду обстреливаемой фашистами реки.

— За дело.

Через два дня в неглубоком котловане, устланном горбылем, было помещено около четырех сотен осколочно-трассирующих снарядов. Под придирчивым наблюдением майора они были уложены так аккуратно, как хороший продавец выкладывает на витрине дорогой товар.

— Оценление — по местам. Остальные — в блиндаж!

Иван Николаевич вместе с капитаном и рядовым Евгением Пономаревым остались у котлована. Солдат был здесь не случайно. Пусть следит и все запоминает. Картышев заметил любознательного, усердного и лихого бойца и решил, что одну из следующих партий тот будет подрывать сам.

По старой саперной привычке Иван Николаевич держал в зубах спичку.

— А это зачем? — спросил Пономарев.

— Запас карман не тянет. В нашем деле особенно.

Ты помнишь, к нам как-то приезжал полковник Астафьев Василий Михайлович? Герой Советского Союза? Ну вот, с ним был на войне такой случай. Снимал он немецкие мины. В непогоду, в дождь. Склонился над очередной, стал извлекать капсюль-детонатор. Выбросил из него чеку, тоненькую проволочку, как вдруг пальцы скользнули по мокрому стерженьку и выпустили его. Капсюль уходил, утапливался. Вот-вот произойдет взрыв. Как у нас говорят, сапер догадался о своей гибели за секунду до нее. Но тут старый солдат, стоявший за ним, мигом наклонился и воткнул спичку в последнее отверстие уходившего стерженька... Стоп. Вот тебе и спичка про запас. И мне пригодится — вдруг в коробке отсыреют... Да мало ли что может случиться...

Поверх штабеля боеприпасов лежали воскового цвета пашки тротила. Майор не спеша вставил в отверстия четырех пашек зажигаемые трубки. Перехватив вопросительный взгляд солдата, пояснил:

— Почему четыре? А мы продублируем взрыв. Оно вернее. Видишь — и огнепроводные шнуры торчат. Также четыре. А пятый возьмем с собой.

— Зачем?

— Контрольный.

Пальцы левой руки ловко обнимали кончик шнура и приложенную к нему спичку. В правой руке майор дер-

жал спичечный коробок. Чиркнула терка. Заискрился шнур. Еще один, еще, еще...

— Отходим, — сказал майор негромко.

Он и капитан двигались широким размашистым шагом. Пономарев торопливо вырвался вперед. Картышев улыбнулся про себя, спокойно поглядывая на тихонько горящий в руке контрольный шнур. Огонек показывал, что время есть, нечего излишне торопиться.

Когда вошли в блиндаж, он сказал солдату:

— Ну и бегаешь ты здорово, мне в пожилом возрасте не угнаться.

Они сидели в укрытии, под толстым накатом, успели разом затянуться дымком сигарет, когда грянул взрыв и грохот потряс окрестности. Гулкое эхо заметалось по оврагу.

Через пятнадцать минут трое вернулись на место взрыва.

— Смотрите внимательно, — приказал майор. Капитан и солдат долго и старательно осматривали котлован. Все до единого снаряда были ликвидированы.

— Порядок, — сказал Пономарев.

— Вот и отлично. Еще два котлована обрабатываем с капитаном, а уж следующий — твой, товарищ Пономарев.

— Есть.

Майор стоял рядом, когда солдат поджег огнепроводные шнуры и двинулся к блиндажу таким же неторопливым, как и Картышев, шагом, уверенно поглядывая на светящийся в руке огонек.

Много дней подряд работал саперный «огневой цех». Летели осколки. Горячий воздух и металл сбрили кустарники, поранили иные деревца. В овраге не успевала осесть пыль и устойчиво держался горьковатый запах тротила. Но сторожевые сосны и юные дубки были целехоньки, а в сельских окнах на взгорье хоть и дрожали стекла, но не разбилось ни одного.

Солдаты поочередно — то с майором, то с капитаном, а после самостоятельно — уходили к новым и новым котлованам и взрывали снаряды. Один сапер, правда, заробел. Затряслись руки. Выпала спичка. Пробормотал:

— Не могу, не получается.

— Выйдет, — просто и серьезно ответил майор. — Спешить нам некуда. Повторим.

С третьей попытки солдат все-таки поджег шнур и, прижимаясь к майору, зашагал к укрытию. Он сидел в блиндаже рядом с Иваном Николаевичем, когда над ними с клетком просвистел крупный осколок. Солдат взглянул на бревна наката, потом — с благодарностью — на майора. Тот подмигнул:

— Ишь свистит, как кряква, что вспорхнула из камышей.

На исходе июня саперы покидали обжитой ими овраг, прочный блиндаж, солнечный сосняк и молодые дубки. Они проходили по подросту сочной травы, в которой терялись едва видимые стальные осколки. Село наполнилось гулом голосов и машин. По шоссе мчались грузовики. В поле вышли тракторы.

Я познакомился с Иваном Николаевичем Картышевым давным-давно. Запомнил его улыбчивое крепкое лицо с тонкими морщинками у глаз и губ, спокойный, вдумчивый взгляд глубоко посаженных глаз. Живой, ироничный разговор. Знаю, что на погонах у него появилось не по одной, а по две звезды, он стал подполковником. А на груди рядом с медалью «За отвагу», полученной на фронте, — орден Красной Звезды, которым он награжден, как было сказано в Указе Президиума Верховного Совета СССР, «за мужество и отвагу, проявленные при выполнении задания командования по разминированию и уничтожению взрывоопасных предметов».

Но когда вспоминаю Ивана Николаевича, то прежде всего представляю его себе широко и спокойно шагающим по зеленой росистой траве. Он уверенно держит искрящийся огнепроводный шнур. В его руке — огонь, которому он — хозяин.

БОРЬКА- примета ПОКСИКА

Нелли ЯХИНА

Рисунки С. Копылова.

Когда мы подросли и прочитали «Маугли», нашего самого младшего брата стали называть «Человеческий детеныш». Еще его звали Поксик и так зовут до сих пор, хотя он уже большой. Происхождение этого имени никто не знает, почти с рождения его звали так — Поксик.

«Человеческий детеныш» был творческой личностью. Правда, его иногда называли «творюга» вместо «творец». Однажды он из папиных новеньких часов сделал кораблик. Части в кораблике двигались, когда он плыл по воде.

Братец был мечтатель. Он собирался в Африку. Сообщил он об этом одной мне и сообщил как о деле решенном. Перед сном он обычно забегал в мою комнату в пижамке, забирался с ногами на кровать, и мы о чем-нибудь болтали. И вот он мне сообщил и попросил, чтобы я об этом никому не говорила.

В Африку он собирался основательно. В новеньком, сшитом мамой мешочке для второй обуви у него лежали сухари (то-то мама радовалась, что «хорошо идут сухари»), скопленная от обедов мелочь, там уже были «бешеные» деньги — около двух рублей, братец чувствовал себя миллионером. Там была еще бутылка из-под шампанского. В ней была записка такого содержания: «Мама ни валнуйся я погиб в кораблекрушении» (Поксик был ужасно безграмотный человек, хотя и второклассник). Ну, правильно. Когда Поксик куда-нибудь пропадал и мама его отыскивала, она говорила: «Ну я же волнуясь — я даже не знаю, где ты находишься». На этот раз мама бы знала, где он находится, и не волновалась бы. Бутылку прибьет к берегу, а там уж люди передадут записку маме. Все было рассчитано до мелочей. Еще имелась карта, на которой жирной красной линией был отмечен его путь в Африку. Он хотел по дороге посмотреть на башню Тамерлана, на реку Волгу, которая, может быть, действительно впадает в Каспийское море, залезть на какую-нибудь вершину Кавказа и так далее. Время он себе не ограничивал. Возвращаться он, видимо, вообще не

собирался, потому что у него было запланировано погибнуть в кораблекрушении, разбившись о коралловые рифы в Красном море. Передвигаться он думал сначала поездом, а потом где пешком, где на попутках, как это делали у нас в деревне, из которой мы произошли. В Сахаре он, конечно, будет ездить только на корабле на колесах. Даже наполеоновские войска пользовались этим замечательным средством передвижения. Детеныш даже строил такой корабль, долго пытался, конструировал во дворе, использовал на паруса простыни, за что и был назван творюгой. Но атмосферные ветры были не те, и корабль стоял без движения. Поксик даже вынес из дому вентилятор на удлинителе, но и это эффекта не имело. На Красном море по плану должна была стоять шхуна, ну или какое-нибудь другое судно американского бизнесмена. Братец должен был его угнать. Ну, а дальше, видимо, погибнуть. А потом дело было уже за бутылкой с запиской.

Я собиралась в учительницы и решила африканские стремления братца использовать в воспитательных целях. Я сказала ему, что для того,

чтобы отправиться в такое трудное путешествие, надо много знать, то есть хорошо учиться, и закаляться физически, а ты часто болеешь. «В Африке же жарко!» — воскликнул он. — «Ну да, в Сахаре ночью минус тридцать!» С первой частью этого задания все обстояло хорошо — Поксик повысил успеваемость. А вторая часть... Он каждый день будил меня по утрам — надо было куда-то бежать, это потому, что я на свою голову сказала, что лучшее средство закаливания — это бег. И я даже думала: скорей бы, что ли, он уехал в свою Африку!

Единственным существом, которое Поксик удостоил взять в Африку, был Борька. Борька — это наша собака. Когда Борька был еще маленький, братец всех уверял: «Он будет овчаркой. Ну, или, в крайнем случае, доберманом-пинчером». Но ничем таким Борька не стал, а стал дворнягой, маленькой и коротконогой. Умницей с преданными глазами цвета пива. «Борька — хороший человек», — говорил братец. Если мы его забывали покормить, пес терпеливо дожидался времени нашего ужина и, когда мы все сидели за столом перед окном, выходящим во двор, вскакивал на завалинку и аккуратно так, всего один раз, деликатно стучал лапкой в окно. Тут, конечно, поднимался смех, все вскакивали и бросались его кормить, такого хорошего, такого умницу. Борька был добытчик. Из магазина он ухитрялся таскать из-под прилавка маргарин, держал его в зубах осторожно и ни разу не прорвал бумагу. Маргарину у нас в холодильнике хватило бы на целый взвод. Всякий раз мама давала нам сорок копеек, чтобы мы отнесли в магазин. Сколько раз она просила продавцов: «Спрячьте куда-нибудь!» Они смеялись: «Борька нам план делает!» Папа научил маму, как избавиться от Борькиных маргаринных приношений. Когда он снова прибежал, ужасно довольный собой, и стал подавать маме маргарин, ожидая, что она сейчас засмеется и возьмет, мама от него отвернулась. Тогда Борька подошел с другой стороны, какой-то немножко несчастный, и удивленно заглянул маме в глаза. Мама потом говорила, что еле выдержала. Она взяла у Борьки этот несчастный маргарин и выбросила его в мусорку, отвернулась и пошла домой. Борька посмотрел на мусорку, на уходящую маму и поплелся к своей конуре, видимо, размышлять, чем он не угодил. Мы тогда последний раз отнесли в магазин сорок копеек — Борька больше маргарин не приносил.

А еще у Борьки были часы — биологические. Где бы он ни был, перед звонком с уроков он пулей летел к школе. Бабушки на нашей улице,

что сидели на лавочках, говорили: «Знать-то, уроки у ребят кончились — Борька в школу побежал». Он встречал нас из школы, каждого по отдельности — ведь уроки у нас кончались в разное время. Как выполнял работу — приведет одного, бежит за другим. Словно он знал расписание занятий. И потом он встречал папу с работы... Когда все бывали приведены, все в сборе, тут только он давал себе отдых.

У Борьки была еще одна работа: он караулил Гулькин сон. Гулька — это наша племянница, наш «хомут». Хотя она, как выражался братец, была невеста — ей было больше трех лет, в садик ее почему-то не отдавали. Воспитывали ее в основном братья, они учились в разные смены. Родители ее, то есть наша сестра и ее муж, работали; наши, то есть бабушка и дедушка, не были еще пенсионерами. Мама повесила большой плакат — там был отражен Гулькин режим. И бывало, целая ватага дожидалась, пока Поксик отожмет сок из морковки и напоит ее. Я думаю, что это было воспитательской уловкой родителей. Ведь наши братья тоже не ходили в садик, водились с ними мы с сестрой.

Гулька была такой человек, что, проснувшись, ей нужно обязательно кого-нибудь увидеть. И она просыпалась и видела Борьку. А он сообщал об этом кому следует.

У нас в доме было полно всякой живности, которую приносил откуда-то папа. Имена всем давала Гулька. Черепаха была Крокозябра, еж — Егором, а кролик, который жил у нас в клетке в саду и с которым Гулька каждое утро уходила здороваться, был почему-то Николаем Ивановичем. Кошка Маруся народила троих котят, Гулька дала им одно имя на троих — Зяма. И только она одна

во всем доме отличала Зяму первого от Зямы второго и третьего.

Борьку назвала тоже Гулька. Произошло это так. Папа пришел с работы, шел проливной дождь, и с его плаща стекала ручьями вода, но он почему-то все не решался снять его. Мама, знавшая папу очень хорошо, подозрительно смотрела на бугорок возле подмышки. «Ну, кого ты еще принес?» Папа засмеялся и поставил на пол маленький комочек живой щенячьей плоти. Все кинулись к нему, а Гулька — с криком: «Борька!» (Только она крикнула: «Бойка», потому что не выговаривала «р».) Так Борька стал Борькой.

Борька любил нас всех, но понимал, что Поксик самый маленький и что везде шастает один, по всяким пустырям, и проводил большую часть своего времени с ним. Братец принимал это совершенно естественно и даже очень бы удивился, если бы ему что-то хотелось сказать Борьке, а его бы рядом не было.

Поэтому, само собой, он и брал Борьку в Африку. Братец обдумывал, как он перейдет границу. И решил, что — с помощью Борьки, который должен был быть таким же дрессированным, как и пограничные собаки. И он стал его дрессировать. Картина, которую мы наблюдали, облокотившись на подоконник кухни, была такая: Борька стоял на крыльце, а Поксик ему командовал: «Сидеть!» Борька не понимал, что от него требуют. Тогда братец подошел к нему и укладывал ему лапки в сидячее положение, приговаривая: «Сидеть, сидеть». И отходил, чтоб издали посмотреть, как Борька исполняет команду. Но Борька тут же вскакивал, чтобы быть готовым идти за Поксиком куда угодно. Мы присоветовали братцу гипноз. И картина была такая. Поксик изо всех сил сверлил глазами Борьку, таращил их так, что они едва не вылезали из орбит — он внушал ему: «Сидеть». Гипноз эффекта не имел. Борька все-таки вилял хвостом, умильно глядел и стоял. Тогда братец махнул на это дело рукой — Борька и так сойдет, без дрессировки. Тем более, что наш сосед дядя Митя, который тоже от нечего делать наблюдал процесс дрессировки из своего окна (дом был «на два хозяина»), сказал ему: «Для того, чтоб собаку чему-нибудь научить, ее надо бить». «Это вас надо бить», — сказал Поксик и, позвав Борьку во двор, закрыл ворота на засов, как будто дядя Митя сейчас же и примется бить Борьку. Вечером дядя Митя, опять же от нечего делать, пришел к папе и стал жаловаться, что сын у него растет грубияном и что он сказал, что его, дядю Митю, надо бить.

Если честно признаться, дядя Митя был так себе человек. Тетя Наташа все время болела, но все равно работала на двух работах, потому что дядя Митя все пропивал — он все время был «выпимши». И, видимо, не зная куда девать свои силы, «гонял» семью. Когда очередной раз тетя Наташа рассказывала об этом, мама не выдерживала и говорила: «Наташа, как ты терпишь, выгони ты его!» — «Ну как же, — неизменно отвечала тетя Наташа, — все-таки муж...» И мы дядю Митю звали так — Всетакимуш. Так его прозвал второклашка-брат. И когда папа говорил: «Куда же подевался молоток?», братец небрежно отвечал, хоть ему тысячу раз запрещали: «Всетакимуш взял, хотел починить крышу».

Папа редко кого судил не потому, что боялся быть судимым, а потому, что он глубокий и деликатный человек. Но тем не менее к нему часто обращались как к третьейскому судье. Всякий раз, когда дядя Митя бушевал, тетя Наташа прибегала к маме. Мама всегда боялась отпускать папу. Дядя Митя крушил мебель топором. А папа входил туда безоружный. К тому же папа никогда никого не бил, кроме врагов на войне. Ничего особенного папа не говорил дяде Мите. Он смотрел на него своими ясными голубыми глазами и говорил: «Митя, положи топор». И дядя Митя в любом состоянии озверения покорно прекращал расточать свою энергию и ставил топор.

Папа вообще никогда не кричал. Не ругал нас за двойки, честно говоря, он, кажется, вообще не обращал внимания на папу учебу. Мама тоже говорила: «Я крестьянская дочь и не представляю себе, как можно учиться для родителей». (Она все мотивировала тем, что она крестьянская дочь. Например: «Я крестьянская дочь и не понимаю, как можно не помыть после себя посуду». Или: «Я крестьянская дочь и не понимаю, как можно не прочесть такую-то книгу»). Так что контроля не было никакого. Если Поксик получал двойки, а он был один такой, все остальные учились на пятерки, он сообщал об этом папе не для отчета, а в порядке жалобы на судьбу. Он скреб затылок и говорил: «Пап, ты представляешь, какой кошмар». Папа рассеянно смотрел, за что же он там получил двойку. Увидев, например, задачку, которую братец не решил, он вдруг увлеклся и начинал ее решать. Заглядывал в ответ и восклицал: «Ура! Сошелся. Ты знаешь, Поксик, мне просто жаль тебя — ты не получил такого удовольствия, как я». Братец, который вообще любил порадоваться и старался не упускать случая, сначала недоверчиво на него смотрел, но уж очень искренно радовался папа, и он тоже принимался решать, и у него сходился ответ.

До того как папа заболел, он был музыкант-

виртуоз. Он играет и теперь, но только несложные, не требующие техники вещи. Он играет на всех инструментах, которые только мне знакомы. Мне кажется, если б он захотел, он бы прикоснулся к куску дерева без деки и смычка и извлек из него звук. Играть его никто не учил — папа детдомовский. В три года его взяли на «воспитание» для того, чтобы он пас коров и овец. Его не пускали в школу и прятали одежду. Тогда он одевал какую-то шинель на голое тело и бежал в школу. Дети иногда бывают совершенно беспричинно злы, и они сдергивали с него эту шинель, зная, что под ней у него ничего нет. Я не понимаю, как он не озлился хотя бы на это, а остался таким тихим, добрым человеком. Из своего детства он извлек совершенно другие уроки. Например, у нас в старом доме было всего две комнаты на шестерых. Папа разделил их так, чтобы у каждого был свой уголок для уединения и письменный стол. Он об этом, наверное, мечтал все детство. Или: когда мы переехали в город, надо было покупать мебель — наша деревенская не годилась. Но папа встретил пианино хорошей немецкой работы. Мама спорила из диалектики, пианино купили. У нас тогда не было даже стульев. Может быть, этот поступок был непрактичен, но зато Поксик стал музыкантом. У папы в детстве, кроме дудочки, никаких других инструментов не было...

Итак, братец собирался в Африку, но я не думала, что он осуществит свое намерение так скоро. Однажды к ужину он не пришел. Не было и Борьки. Позвонили и сбегали всюду, где мог задержаться Поксик. И кто-то случайно на телевизоре обнаружил записку. Своим корявым почерком братец написал: «Вы меня извените, но я уехал в Африку». «Так, Африка — это вокзал», — сразу решила практичная мама. Позвонили на вокзал. Мама была просто в отчаянии: когда называла приметы, оказалось, что решительно никаких особенных примет у нашего братца нет, он был такой же, как все мальчишки, бегущие в Африку, — светловолосый, голубоглазый, курносый, веснушчатый. Тогда мама сказала, что с ним была собака. Борька оказался приметой Поксика. Привели его совсем ночью. Братец, отчаявшись найти такой вагон, который повез бы его в Африку, и такую проводницу, которая бы его посадила, зашел совсем далеко и сел в вагон, который путейцы приспособили под теплушку, вагон даже не стоял на рельсах.

Вот такая в нашей семье была, как говорят, атмосфера и такие в ней случались события.

История, в результате которой мой маленький

брат задал свой страшный вопрос, была очень короткой. И я прошу прощения за это длинное к ней предисловие, но оно было необходимо.

В любые минуты радости и самого безоглядного счастья стоит мне вспомнить ее, к горлу подкатывает какой-то комок. Ей-богу, совершенно беспричинный...

Когда я однажды вернулась домой, Поксик лежал на кровати в одежде и в ботинках. Он рыдал. Рыдал так, как не плачут от простой мальчишеской обиды. Я обнимала его, целовала, я его спрашивала. Но он мотал головой и рыдал, он ничего не мог произнести. И сквозь рыдания доносились такие страшные слова: «Они... он... его за шею... по воздуху... я кричал... это наш, это Борька!..» Все во мне переворачивается и теперь, а тогда я рыдала вместе с ним. Я не поняла, отчего у меня было тревожное чувство — Борька меня впервые не встретил. Я подумала — он заболел... Самое ужасное в этом то, что они, то есть собаколовы, забрали Борьку из рук Поксика. Когда они стали за ним гнаться, он со всех ног побежал к Поксику, который сидел на улице на лавочке и что-то мастерил. Наверное, он побежал не искать защиты, а защитить Поксика от этих, с петлей в руках, людей. И Поксик схватил его и крепко прижал к себе. «Наверно... надо было отпустить... Борька бы убежал...» — задыхался он в рыданиях. Поксик кусался и не отдавал Борьку, он кричал: «Это Борька!» Он бежал потом за машиной сколько было сил...

Потихоньку подходили все. У Поксика поднялась температура, началась горячка, он бредил. Он метался, стонал и кричал: «Дяденьки, это Борька, он хороший... отпустите, ему шею больно!» Конечно, при этих криках мы все плакали. Мама меняла компрессы, что-то делала и ходила со сжатыми губами, какими-то сухими горячими глазами она взглядывала в окно, выходящее во двор. Она ждала папу. Мы все ждали папу. Наконец, она не выдержала и позвонила ему, чтобы он не задерживался.

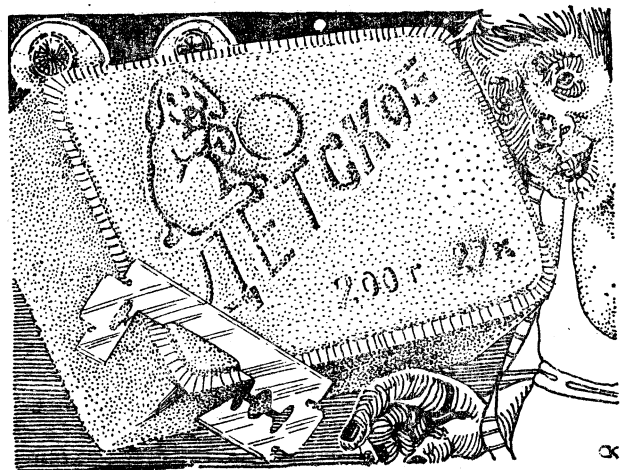
Папа пришел и, не раздеваясь, держа руки в карманах (он всегда не любил эту человеческую привычку), стоял в проеме окна, за которым был уже совсем синий вечер. Он стоял от нас в трех метрах. Но мне показалось — он далеко-далеко где-то, совершенно один. Он посмотрел на маму, и их глаза встретились. Я не знаю, о чем они успели договориться глазами, что успели сказать. Наверное, папа спросил маму: «Какая у него температура?» Мама сказала: «Тридцать восемь и шесть. Но я не стала вызывать «Скорую» — чем она может...» — «Да, действительно, — сказал папа, —

«Скорая» вряд ли поможет». Папа пошел к дяде Васе, которому он всегда давал читать книги и который работал на машине-мусорке: папа знал, что городская мусорка там, куда свозят пойманных собак.

Спать никому не хотелось. Так и сидели все возле Поксика. На рассвете он проснулся и как-то спокойно спросил: «Где Борька?» Мы ему объяснили, что Борька еще нет, но папа поехал за ним и скоро его привезет.

Я не знаю, о чем думал папа, когда подходил, не знаю, уверен ли он был, что мы сидим на крыльце, а не дома... Папа выглядел человеком, которого помиловали и преподнесли большой подарок. «Так нельзя притвориться!» — мелькнуло у всех. Казалось, что за ним с радостным лаем забежит Борька. Но его не было. Папа сказал: «Ну, все, марш спать, в школу вы сегодня не пойдете. Борька жив». — «А где же он тогда?» — спросил Поксик еще угрюмо. «Ну, ты же знаешь, что он очень умный, его сразу заметили, определили в специальную группу. Может быть, он полетит в космос, может быть, будет заниматься чем-нибудь другим, где требуются такие качества, как у Борьки». — «А зачем же они его за шею?..» — «Очевидно, проверяли на выносливость. И потом, если бы у тебя его попросили, ты бы все равно не отдал — не отдал же ты его интернатским детям; согласишься, есть в тебе такая черта, как эгоизм».

Я не знаю, верит ли Поксик этому сейчас — я у него никогда не спрошу, но после этого у него

появилась привычка первым доставать газеты из ящика — вдруг что-нибудь про Борьку напишут.

Когда Поксик ушел досыпать, папа оглядел нас своим ясным твердым взором. «Поксик маленький, — сказал он. — Вы уже большие. Борьку я не видел. Среди мертвых его нет. Мне сказали, что некоторые собаки сбегают по дороге. Может быть, он на пути к нам. Может быть, по дороге попадет в хорошие руки».

Мы никогда больше не спрашивали о Борьке у папы. Может быть, в нас говорит инстинкт самосохранения, может быть, что-нибудь другое. Почему-то надо было всегда знать, что Борька жив. Я верю тому, что сказал папа, и сейчас. Но почему-то живет во мне ощущение, что папа дал нам маленький аванс на всю жизнь.

Вечером привели Гульку (по счастливой случайности у сестры был отгул). Она ходила по двору и уговаривала Борьку выйти — только поздороваться, завязывать бантик ему она не будет! «Борьку увели», — сказал Поксик, ставший вдруг серьезным. «Кто?» — удивилась она. Он вздохнул: «Специальные дяденьки, чтобы отправить в космос».

Дядя Митя спросил, икнув: «Ну че, забрали вашего Борьку на мыло?» И снова икнул. Мне захотелось загородить от этих слов брата. Я оглянулась — было уже поздно: он все слышал. Бледный, он стоял и смотрел. И странно — он смотрел задумчиво и спокойно, только бледен был.

Я не знаю, что снилось ему. Мне снилось — тысячи собак, непохожих и похожих на Борьку, стояли и с преданностью и готовностью ожидали своей очереди пойти на мыло; они ужасно рады были услужить тем людям (почему-то все были похожи на дядю Митю — там стояли толпы дядя Митя), которые двигались около какого-то конвейера, схватывали вылетающий кусок и бежали умываться и становились такими чистыми, что даже проходила похмельная краснота с лица.

В маленьком мозгу моего брата копошится какой-то вопрос. Нет-нет, он не сомневался, что Борька жив и что, может быть, полетит в космос. Он думает о другом. Уткнув подбородок в колени и глядя исподлобья в окно, брат спрашивает, ни к кому не обращаясь:

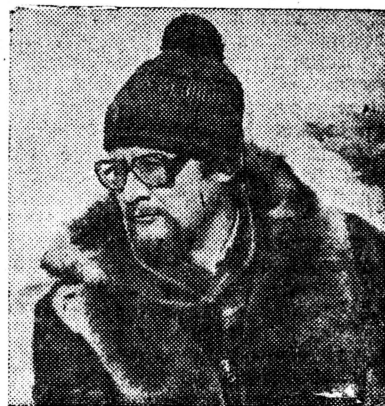
— А сердце собачье... тоже идет на мыло?..

ЧУКОТСКАЯ песня

Юрий ШИРОКОВ

Фоторепродукции Д. Чиркова

В. Истомин

Трудно в нескольких вводных фразах рассказать о Чукотке, крае, которому посвятил свое творчество график Владимир Истомин, родом уралец.

Омываемый морями двух океанов, Ледовитого и Тихого, раскинувшийся бескрайними тундрами и горами, несметно богатыми полезными ископаемыми, испещренный тысячами рек и озер, изобилующими рыбой, этот уголок российской земли знаменит тем, что на его просторах выпасается самое большое в мире стадо северных оленей, отважные зверобой охотятся на тюленей, моржей и китов, а горняки добывают из недр золото, ртуть, олово и вольфрам. Но ко всему этому край сказочно красив своей характерной северной красотой. В ипее и шапках снега стоят в ледяном безмолвии сорокаградусных морозов деревья где-нибудь в таежном поселке Билибинского района. Высокие безлесные скалы поднимаются над узкими бухтами, будь то Провидения или залив Креста. Здесь части шквальные ветры, пурги. Моря намывают песчаные косы, похожие на спины гигантских китов. Когда-то на этих косах стояли яранги, а ныне разместились современные чукотские поселки. В XIX веке в Анадырском лимане так и возник Ново-Маринск, сейчас город Анадырь, центр Чукотского автономного округа. Уже давно помимо узкой косы жители заселили берега широкого лимана. Город протянулся на многие километры. Есть здесь свой Дворец культуры, школы, педучилище, телецентр, кинотеатры и музей. Но одно небольшое одноэтажное скромное строение пока характерно не для каждого города. Это мастерская художника, первая мастерская профессионального графика на Чукотке.

Биография художника обычна и накрепко связана с Уралом и Севером. Владимир Истомин родился 22 ноября 1939 года в селе Исетском Покровского района Свердловской области. Окончил в Нижнем Тагиле художественно-графический факультет пединститута и с начала 1970-х годов участвует в выставках графики. В Нижнем Тагиле, Ульяновске, Анадыре, чукотском рабочем поселке Эгвекино состоялись его персональные выставки. Более десяти лет Истомин живет на Чукотке, где окончательно сформировался как художник.

Пожалуй, впервые наиболее емко Север зазвучал в творчестве Истомина в линогравюре «Чукотская песня» (1974). Образ старика чукчи с гравированным клыком в руках ассоциируется с портретом основателя уэленской косторезной мастерской — Вуквутагиним. Некоторые внешние черты старейшего чукотского резчика по кости сохранены, но не в этом главное, — создан собирательный образ костореза, полярного охотника, человека, умудренного жизнью и не мыслящего ее без искусства. В гравюре по-своему раскрыта тема необыкновенной способности и любви северян — особенно чукчей и эскимосов — к художественному творчеству. И в плавном движении танцующей танец «Журавли» чукчанки, в порывистой устремленности мужчины, бьющего в чукотский барабан — ярар, и в березном жесте главного персонажа линогравюры, как бы вручающем зрителю гравированный клык, одухотворенность людей, создателей самобытного прекрасного народного искусства.

С именем другого замечательного чукотского художника-костореза — Вуквода — связана еще одна

линогравюра Истомина. Она так и называется «Вуквол» (1975). Еще в 1930-х годах этот искусный мастер, несмотря на свою молодость, был ведущим художником Уэлена. Одним из первых он стал рисовать чукотские сказки на моржовых клыках, им же написана и выгравирована «Легенда о Ленине» (ныне экспонат постоянной экспозиции Центрального музея В. И. Ленина в Москве). Студент Ленинградского Института народов Севера художник Вуквол с первых дней войны ушел на фронт и погиб, защищая Родину.

Гравюра Истомина имеет свое посвящение: «Сыну Чукотки — Вукволу, художнику и бойцу». Портрет чукотского юноши в солдатской гимнастерке овеян духом гражданского пафоса. Слева и справа от портрета изображены сцены, связанные с гравировкой по кости работы Вуквола и, возможно, последний бой его артиллерийской батареи.

Есть в гравюре черта, сближающая произведения народного мастера и профессионального графика. Оба художника стремятся к лаконизму и выразительности линий. Вуквол может быть, немного недолюбливал «рифель» — кисточку для нанесения штриховки в гравировке на моржовом клыке. Он предпочитал в первую очередь найти верный контур фигуры, рождающий и ощущение объема. Эти же задачи ставятся в графике Владимиром Истоминым.

Портрет чукотской поэтессы Антонины Кымытваль (1975) относится к той же серии линогравюр, что и две предыдущие. Возможно, не ставя перед собой конкретную «мемориальную» задачу, художник символично и глубоко изобразил трех наиболее замечательных чукотских

художников разных поколений. В отличие от других гравюр портрет Кымытвалъ — лирическое повествование. «О, как прекрасна тундра моя» — строчка из стихов поэтессы стала как бы образным эпиграфом работы. Не случайно портрет задуман на фоне весенних чукотских просторов, залитых солнцем.

Интересно, что эту раннюю серию графических работ Истомина особенно выделяли посетители персональных выставок художника на Чукотке. Вот характерный отзыв:

«Очень интересная, своеобразная и главное — творчески самостоятельная выставка. Художник нашел свое видение Чукотки, Севера и ее людей. Особенно удачны портреты чукотских художников Вуквола, Вуквутагина (хотя он и не назван), прекрасен и выразителен портрет Антонины Кымытвалъ.

Юрий Рытхэу, писатель».

Свое видение Севера, любовь к Чукотке, понимание ее народа пришли к художнику отнюдь не вдруг. Владимир Истомин часто бывает в творческих поездках, его можно увидеть в самых отдаленных местах автономного округа. Подчас он живет в охотничьих избушках, наблюдая девственную природу, встречая рассветы на берегах заповедных озер. Художник не расстается с карандашом в оленеводческих бригадах, рисуя портреты пастухов, охотников, коротая вечера в ярангах или просто у костра.

Близость людей Чукотки к природе, их связь с окружающим миром сознательно и органично раскрываются художником в ряде гравюр и рисунков.

В последние годы Истомин больше работает в технике офорта. «Какомей!» — озаглавил одну из своих графических работ художник. Это слово означает возглас удивления и восхищения одновременно. Выражение популярное у местного населения, его знают и употребляют живущие на Чукотке русские.

Сценка как бы выхвачена из реальной жизни. Слова ликования, выравнившиеся у чукотской девушки при виде восходящего солнца, — отнюдь не литературный, не надуманный мотив. меховой комбинезон, керкер — традиционная женская одежда, упряжные собаки, сидящие у вешал с вяленой рыбой, даже грузовой пароход на горизонте — все так же типично, как битые льды возле берега студеного моря. В офорте «Какомей!» автору удалось передать эффект ослепительной солнечной радости, напоенного весеннего воздуха. На наш взгляд, офор-

ты более удаются художнику, нежели работы в иных графических техниках. Легкость и воздушность, повзвизавшие в поздних работах, совсем не лишают их значительности, ощущения величия Севера. Более того, художником изживается некоторая дробность, что подчас сказывалась в линогравюрах. В зарисовке с натуры «Зима» (1981) мы видим оленевода, присевшего на беговые нарты. Художнику, очевидно, интересна поза, обстановка, одежда — красивые контрасты розмашей оторочки с белой шапкой — малахаем и гладкой матерчатой камлайкой. Тот же человек предстанет и в офорте «Портрет оленевода». Здесь автора привлекает лицо, типаж. Хитринка и юмор, доброжелательность, внутренняя теплота чутко выявлены художником.

Среди последних работ Истомина интересен офорт «Семья» (1981). И здесь художник идет прямо от впечатления природы. В жаровой по своему характеру сцене (мужчина и молодая женщина с детской коляской) не снижается изображенное до поверхностной экзотики. Художник передал характерное и в облике людей, и во всей атмосфере, их окружающей.

Итак, станковая графика Истомина характеризуется стремлением к обобщенности, желанием в малом, конкретном увидеть нечто важное, большое, глубоко увидеть Чукотку и ее людей.

Характеристика художника была бы неполной, если бы мы ограничились станковой графикой. Истомин много и успешно работает над иллюстрированием и оформлением книг, а также созданием экслибрисов.

По характеру своего дарования Истомин — настоящий книжный художник. Даже вещи, которые отнюдь не предназначались для книг, порой не только могут органично украсить, войти в книгу, но подчас задают общий верный тон, раскрывают сущность.

Так случилось с линогравюрой «Марковские вечерки», ставшей обложкой для сборника русских народных песен, собранных Т. С. Шенталинской (Магаданское книжное издательство, 1983).

Марково — поселок, где живут потомки русских землепроходцев, казаков, начиная еще с XVII—XVIII веков. Филологов и фольклористов не могли не заинтересовать старинные русские песни, что остались в народной памяти марковцев. Владимир Истомин как художник тоже не мог пройти мимо волнующей северной русской темы. Гравюра,

она впоследствии известна в раскрашенном акварелью варианте, лишена повествовательного пересказа, этнографического подхода. Художник прибегнул к языку аллегорий, возможно, это и наводило на мысль сотрудиников издательства использовать работу в качестве обложки книги.

Истоминным иллюстрированы и оформлены несколько книг. В обложке для буклета, посвященного «Отделу природы» Чукотского окружного краеведческого музея, художник пробует свои силы как анималист. Образ могучего и добродушного белого медведя придал небольшой брошюре занимательность, притягательную силу. Впрочем, это не первое обращение Истомина к образам животного мира. Его многочисленные экслибрисы, показанные на многих международных и всесоюзных выставках, населены северными животными: оленя, то бегущие, то смиренно стоящие парами, могучие спокойные моржи на льдинах, разъяренные медведи созданы со знанием пластической анатомии и, главное, характера зверя.

В специфической области графики у Истомина есть свои находки. Например, экслибрис для коллекционера и популяризатора книжного знака из Венгрии Габора Дениса отличается чрезвычайной целостностью композиции, выразительностью общего пятна, филигранностью графической техники. Рисунок и надпись решены в одном образном ключе и читаются броско и четко.

Экслибрис чукотского оленевода Ивана Аренто символичен. Пастух вместе с солнцем читает огромную книгу. Вспоминается известное стихотворение Маяковского, который вот так же просто пил чай с Солнцем.

Сегодня графические листы Владимира Истомина есть во многих музеях. В Кургане, Магадане, Анадыре, в Москве — в Государственном музее искусства народов Востока. Работы художника показывались на многих выставках, а первой из них была выставка в Нижнем Тагиле.

Арктика стала родной и близкой уральскому человеку — Владимиру Истомину, художнику, стоящему на своем верном творческом пути.

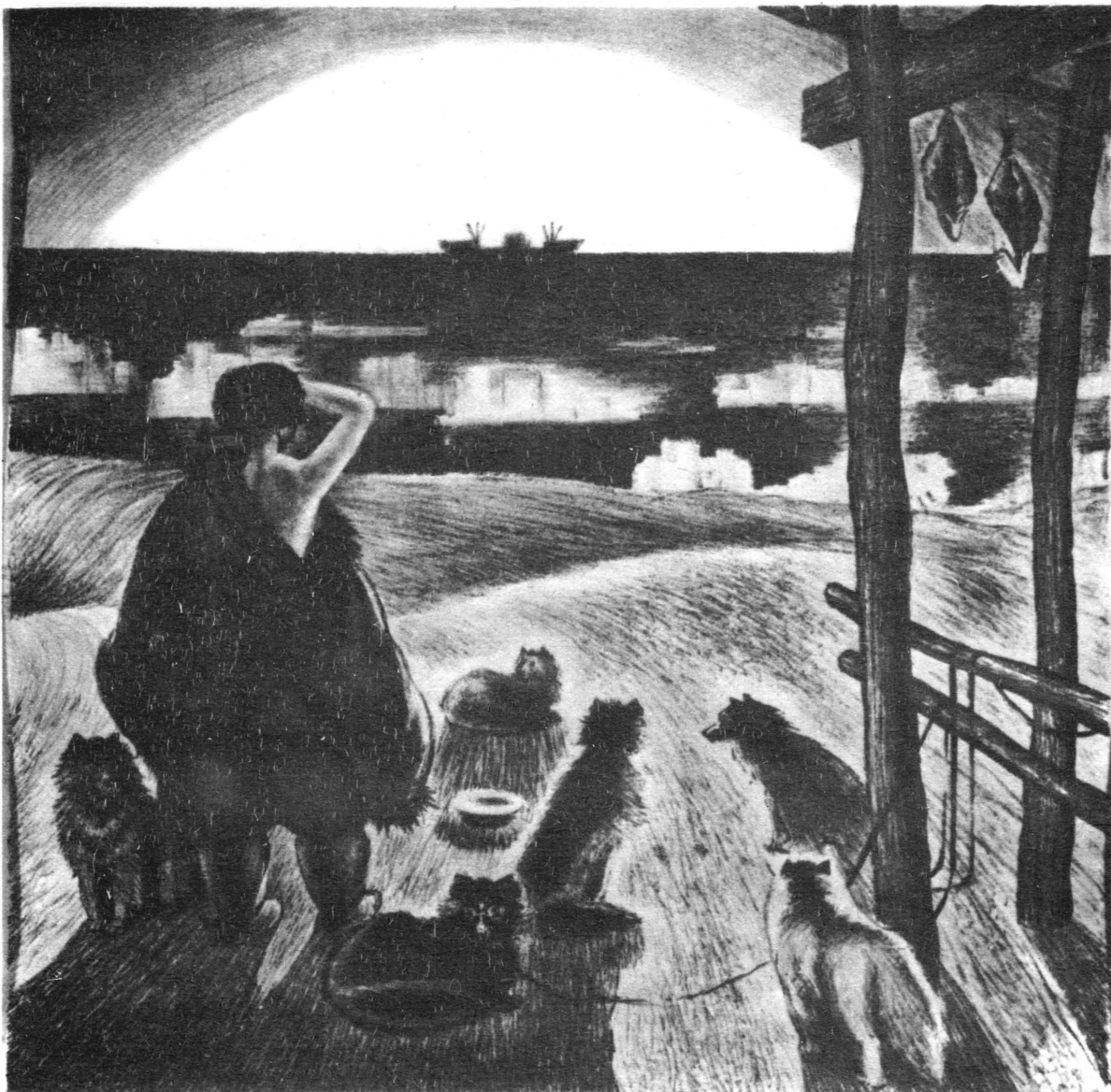

СЕМЬЯ. Офорт.

ЭКСЛИБРИС
И. АРЕНТО.

КАКОМЕЙ! Офорт.

ЭКСЛИБРИС Ю. ТОТТО. Линогравюра.

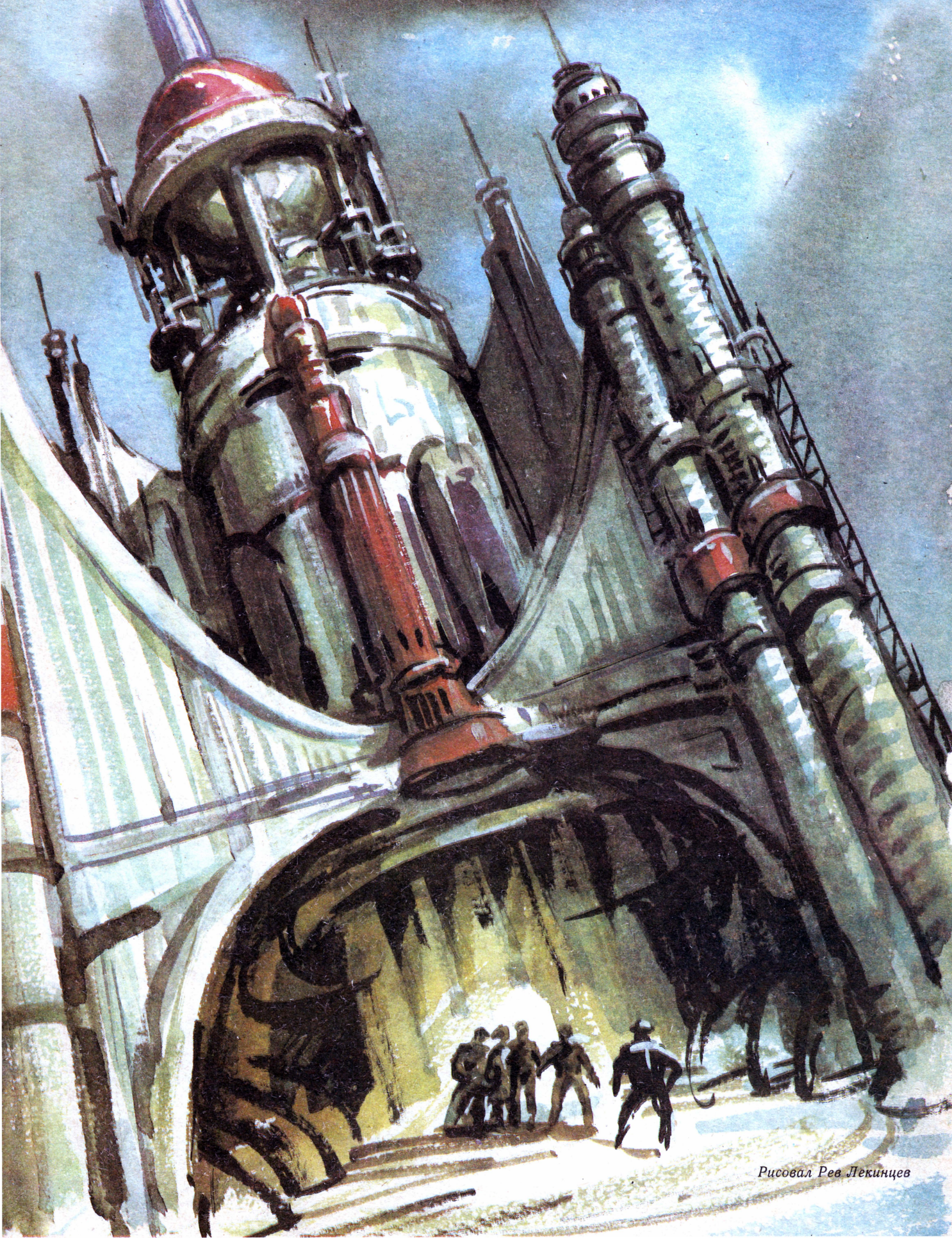

ПОРТРЕТ ОЛЕНОВОДА. Офорт.

ЗИМА. Офорт.

ЭКСЛИБРИС Г. ДЕНИСА. Линогравюра.

Рисовал Рев Лекинцев

Рисунки
Е. Стерлиговой

**Дмитрий
БИЛЕНКИН**

СИЛА СИЛЬНЫХ

Первым порывом Юла было воззвать к друзьям, спросить их совета, но он тотчас остудил это желание. Нет! Возможен скрытый перехват, и кроме того... Кроме того, они не увидят той возможности, которую видит он. Не поверят, что она есть, не рискнут довериться подсказке родового инстинкта. Один!.. Каждый в Кольце имел право, не спрашивая, решать за всех, и сейчас, здесь, это доверие было тяжелее смерти. Что, если шанс не оправдается? Что, если ошибка? Тогда он, Юл, предатель и убийца.

Проверим...

— То, что я услышал, это все ваши условия?

— Все.

Удача! Огромное, ни с чем не сравнимое облегчение разлилось волной счастья. Пусть, пусть друзья сколько угодно кричат «нет!» Впрочем, теперь этого они уже не скажут, поймут, что враг дал ему выскользнуть из ловушки предательства. А все дальнейшее...

— Я согласен.

— Прекрасно. Второй жизни не дано никому — вот истина, одинаковая для всех, кроме глупцов, а вы, я сразу заметил, умны не по возрасту.

«Что ж, — подумал Юл Найт. — Я допустил одну крупную ошибку, а ты сделал три мелких. Итог пока не в мою пользу, но закономерность твоих просчетов обещает многое...»

8. ПОЮЩИЙ ЛЕС

Вместе с повязкой, закрывавшей глаза, с него сорвали одежду. Машина, треща и ломая сучья, ушла во мрак, ее огни скрылись, и Юл Найт остался один в тишине леса, чья громада, затеняя звезды, обступала его со всех сторон. Тело обдал ночной холодок. Серебристое сверкание неба Плеяд просачивалось сквозь листья, кое-где пятная стволы и лужичками туманного света растекаясь у их подножий. После несколь-

ких дней заточения он, наконец, был свободен. Дичи положено быть свободной.

Первые же шаги заставили его наклониться и пошарить рукой в траве.

Так и есть! Рука всюду натыкалась на бритвенно острые листья каких-то растений, которые неизбежно должны были исполосовать ноги бегущего. Вот почему загонщикам не требовался детектор следов! Жертву и так повсюду выдаст кровь. Юл тяжело усмехнулся. Где вы, столетия культуры и гуманизма? Снова голый человек на голой земле. Даже тут они не смогли выдумать ничего нового.

Тем лучше! Им невдомек, с кем они имеют дело, пусть думают, что охотятся на мальчишку, пусть его рост, еще на Земле сформированные черты юного европеоида и дальше вводят их в заблуждение. Разумно! С их точки зрения заслать к врагу хорошо обученного мальчишку — это, видите ли, разумно, оправданно, ловко. А ведь могли бы докопаться. Могли. Но кто подходит к другим со своей меркой, тот неизбежно обманывается. И это хорошо — в данном случае.

Теперь Юл двигался осторожно и быстро, всеми порами тела впитывая воздушные токи леса, его запахи и молчание, стремительно постигая то, что было вокруг и таилось во тьме. Вместе с одеждой с него словно спали века. Он понимал этот лес, хотя никогда не был в нем. Наконец-то можно скинуть маску изнеженного подростка, снова стать прежним, вернее войти в состояние предков, для которых лесная чащоба столько тысячелетий была родным и единственным домом. Все походило на первую инверсию и было совершенно другим. Тем не менее лес под всеми солнцами — лес, нечто большее, чем просто деревья, травы, кустарники, живность, надо только понять его душу, и он станет частичкой тебя или, наоборот, ты станешь частичкой леса. Серебристые блики мелькали среди черни ветвей, скользили по плечам, светлячками рассыпались в темной траве. Юл ни разу не поднял голову, чтобы определиться по звез-

Окончание. Начало см. в № 6.

дам, он и так знал, что движется правильно и что опушка уже недалеко.

Так и оказалось. Увы, за последними деревьями опушки взгляду открылось не менее ожидаемое — Барьер. Его сиреневое свечение простиралось по обе стороны до горизонта и, разумеется, опоясывало весь лес. Барьер невозможно было перемахнуть, под него нельзя было подкопаться. Открытым оставалось лишь блестящее над головой небо, открытым, как вход в западню. Ловушкой для тех, кто попытался бы его спасти, — вот чем было это безмятежное, волшебное мерцающее, просторное небо.

Юл повернул назад. Его бег был ровен и быстр. Пока не занялся рассвет, следовало все изучить, чтобы лес стал надежным охранителем и другом. Так Юл и сделал. Лес оказался велик, этого тоже следовало ожидать. Почти везде открытый взгляду, без чащоб и оврагов, с высокими, но, увы, тоже хорошо просматриваемыми стволами деревьев, он не позволял надежно укрыться и переждать день, охотники знали, куда привезти и где удобнее изловить загнанную жертву. Вдобавок они-то в сапогах, а жертва тотчас искроверенит себе ноги; все учтено и тысячи раз проверено на опыте, а для столь драгоценного гостя еще и промоделировано на компьютере.

Звезды мерцали уже не так пушисто и ярко, когда Юл закончил свой бег. Он улегся и, вытянув руки, припал к шершавой земле, к ее влажным от росы листьям и цепким корням. Близился день охоты, его день. Он уже давно ощущал близость друзей, знал, что за эти дни они успели собраться вместе и думают, как ему помочь, однако не спешил войти с ними в контакт. Но наступало время борьбы и, быть может, прощания, другой минуты уже не будет. Сомкнув веки, Юл позвал всех. И сразу стало тепло, как от огня, близко-близко он увидел всех троих — готового все сокрушить и терзающегося своим бессилием Антона Полянова, невозмутимого, только лицо потемнело, Лю Банга, Уму, чьи брови сошлись в полоску, а глаза, казалось, могли прожечь любую преграду. Но все тотчас переменялось, когда он вошел в их круг, — спокойствие, нежность, поддержка, ничего другого не стало в их лицах. Мысли и чувства всех четверых смешались.

Теперь они вполне понимали его, понимали, что для него такое лес и охота, что дано ему и не дано им, как не дано никому, чьи предки не обитали в джунглях, а затем не осваивали дебри ригелианских планет. Вот и хорошо, не надо больше об этом. Пусть кто угодно полагается на расчет и машинную логику, мир слишком

велик и непознан, грозен своей непредсказуемостью и этим же глубок, чудесен, спасителен. Но... Никаких «но». Сейчас, скоро, очень скоро я уйду от вас в свое далекое прошлое, где жизнь и смерть так близки и неразделимы, что в этом свобода и беспечальность. Не старайтесь меня спасти и не горюйте, жизнь только вылетевшее изо рта дыхание, эта легкость сейчас во мне, и я, еще не знаю как, ею воспользуюсь. А если... Тогда заслонитесь, мы слишком крепко связаны, вас может опалить и сжечь. Знаем, Юл. Мы верим и не прощаемся, но ты позовешь нас, если что. Вот и хорошо. Ума, возьми свой иллир, спой что-нибудь напоследок о бесконечных превращениях жизни, о звездах, которые всегда будут, о душах усопших, о траве, которая разгладится у меня под ногами, о деревьях, которые укроют меня, о зверях и птицах, которые сейчас спят, но проснутся и помогут мне.

И Ума кивнула. Она поняла, все поняли. Мы не расстанемся, Юл, мы никогда не расстанемся...

Когда иллир умолк, небо уже потеряло свой серебристый блеск. Все еще спало вокруг. Юл повернулся на бок, поджал ноги и задремал в лесу, как ребенок в чреве матери.

Он проснулся, когда отпущенные для сна минуты истекли. Альцион еще не взошел, но будто тронутое изморозью небо уже побелело над головой. Близился час охоты. Юл выдрал пук режущей травы и полоснул ею по ногам с тем расчетом, чтобы потекла кровь, но чтобы порезы не мешали бегу. След должен быть, иначе преследователи насторожатся.

Сделав это, Юл припустил рысцой. Кое-где он петлял и запутывал следы, не потому, что надеялся обмануть, а потому, что от него, конечно, ждали хитростей и уловок. Так он добрался до мест, где деревья росли погуще и где, наверное, его станут искать в первую очередь. Поиграйте, поиграйте — звал его извилистый след. Позабавьтесь упорным мальчишкой, который тем не менее слабо искушен в древнем искусстве обмана, ибо сам никогда не охотился, а уж быть дичью ему и не снилось.

На мгновение в его душе взметнулась дикая ярость. Ведь они охотятся на человека, на человека!

Да и, очевидно, находят в этом утонченное наслаждение. Не Достоевский ли утверждал, что цивилизация лишь все утончает?

Юл не додумал мысль, наоборот, подавил ее, как и бесплодную ярость, ибо то и другое было сейчас бесполезным, а значит, вредным.

Ну, так где же преследователи? Они стремятся поскорее засечь его, а ему — вот не поверят! — надо поскорее увидеть их.

Потоки яркого света уже просквозили листву голубоватыми мечами и копьями. В недавнем безмолвии ожила разноголосица птиц, вокруг Юла трепетными лоскутами шелка запорхали многокрылые бабочки, косую завесу света с бомбовозным гудением прочертил огненно-красный жук, спадающие со стволов пряди мха зашевелились, вкрадчивым движением волоконцев утаскивая себя в тень, к замершей ноге подползла трехглазая ящерка и для пробы лизнула капельку крови. Юл не шелохнулся. Затылочный глазок ящерицы обиженно замигал, — кровь человека оказалась неудобоваримой, она тут никого не могла прельстить. Ящерка, поерзав, приладилась на ступню погреться. В воздухе бронзовой молнией мелькнула какая-то птица — и одной переливчатой бабочкой стало меньше, остальные как ни в чем не бывало продолжали свой танец. Ящерка было приподняла голову и тут же ее опустила. Все было как везде, как на всех планетах, — кто-то за кем-то охотился, кто-то кого-то пожирал, а будучи сыт и в безопасности, наслаждался жизнью.

Над кронами пронесся ветерок, вершины стройных деревьев вступенулись, и окрест разнесся протяжный певучий звук. Он был едва слышен, но вскоре утренний ветер окреп, и с ним вместе окрепли звуки. Теперь пело каждое дерево, всякое на свой лад и тон, стволы гудели, как трубы органа, и все наполнилось этой музыкой леса. Юл знал о Поющих Лесах, еще на

Ригеле не раз слушал записи, и все равно его охватил такой благоговейный восторг, что он на мгновение забыл о всякой опасности.

Но лес тотчас напомнил о ней диссонирующей нотой далеких птичьих голосов, которые стали иными, чем минуту назад. Они выпадали из общего ритма, ибо то, что их вызвало, было чужим для леса.

Потрясенная ящерка соскользнула с ноги. Юл отступил в тень и сам уподобился тени.

Вскоре он различил двоих. Они старались идти бесшумно и наверняка были уверены, что крадутся бесшумно, но в ушах Юла каждый их шаг отдавался топотом буйвола. Господи, разве можно так переть через кусты! Ружья уже в руках, действительно ружья, лоб каждого охвачен браслетом, предусмотрительно, ничего не скажешь. Что они предусмотрели еще? Что сейчас происходит в их душах? А, старый знакомый! Ив Шорр, надо думать, сын того вельможи, уж очень похож... Нет, не очень. Бравому капитану немного не по себе, это чувствуется, молод еще, только жаждет стать суперменом. Правда, дичь он изобразил собой ловко, посмотрим, каким ты окажешься охотником... А вот твой напарник — волк! Идет с холодной беспощадной улыбкой, знает, чем внушить трепет, а может, все это рефлекторно.

Что ж, проверим реакцию обоих.

Юл сдвинулся так, чтобы его заметили, и рванулся, изображая испуг. Ружье вскинул толь-

ко Ив Шорр, рука спутника даже не дрогнула, сказались выдержка и умение оценивать расстояние, лишь верхняя губа дернулась в презрительной и ядовитой усмешке. Да, этот — опасен.

— Надеюсь, мальчишка блефует, — процедил старший. — Иначе все неинтересно.

— Да, — выдавил Ив.

Говорить ему мешало волнение. В груди засел какой-то сосущий комочек, и ничего с ним нельзя было поделать. «Поохотиться, — сказал отец. — Ты заслужил, вдобавок это закаливает». И он с радостью согласился, — кто же откажется от такой воистину королевской охоты! Откуда же теперь это сосущее чувство то ли вины, то ли тревоги? Скольких нечков ему вот так довелось убивать, и замутило только однажды, на самой первой охоте, когда пуля пробила в нечке какую-то артерию и из нее так страшно хлынула кровь. И крик, он так походил на человеческий! И сам нечк внешне не отличался от человека, ведь он упал лицом вниз, его уродливые красные глаза не были видны. Отец тогда похлопал по плечу. «Привыкай, малыш, к власти над себе подобными. Ничто великое не делается без крови, это хорошо понимали спартанцы, чью игру мы воскресили. Только они охотились на людей, настоящих двуногих рабов, когда те слишком размножились. А это же нечк, чего ты дрожишь? Не надо, на тебя смотрят, будь патрицием, будь сильным».

Какая худая, беззащитная спина у этого мелькнувшего в просвете мальчишки! Может, откуда все? Ребенок... Хотя в этом что-то есть, недаром спартанцы... Интересно, девочек они тоже подстреливали? Но каковы эти, из Звездных Республик! Ив крепче стиснул ружье. Лицемеры, послали на убой мальчишку! Ладно, ладно, мы еще позабавим вас настоящей спартанской игрой, уж пули в ружьях будут тогда настоящими...

А сейчас-то и убивать не придется. Это же политика, не убийство, чего волноваться! Все беды от воображения и рефлексии, сколько раз тебе это говорили!

— Надеюсь, парень немного помотает нас. — Ив очнулся, услышав голос спутника. — Надебели нечки, никакой игры ума, натаска для ребятишек. Посмотрим, на что способен человек. Посмотрим, это пригодится. Привыкли на кнопки нажимать, заплыли жирком, не так ли?

— О вас этого не скажешь, ваша звездность.

Воспользуйся охотой, советовал отец, она сближает. Нужного напарника я тебе подобрал, ты его знаешь. Связи, связи и еще раз связи! Покажи себя, гросс-адмирал любит, когда с ним умно спорят, а от него мно-о-огое зависит!

— Да, обо мне этого не скажешь, — гросс-

адмирал сдержанно улыбнулся. — А как вы думаете, почему?

— К себе вы более требовательны, чем к другим, ваша звездность.

— Верно, капитан, верно. Хотите совет? Мысленно всегда носите на себе мундир. Даже во сне, даже в постели с девкой. Это подтягивает. Мундирность прежде всего! В мыслях, чувствах, поступках, всегда.

— Спасибо, ваша звездность, учту, — Ив подтянулся, так как понял, что минутная шаткость его чувств была замечена и благорасположенно осуждена. Господи, когда он обретет абсолютную уверенность в себе?!

— Умно, умно, — вглядываясь в след, проговорил адмирал. — Запетлял человек, запетлял, не потерял голову. Водит нас, а? Оправдывает надежды. Пожалуй, продержится кругов пять, и даже, чего доброго, придется его брать с ускорителем. Не хотелось бы, — он покачал головой. — Неспортивно это. Ничего, сейчас мы перехватим его маневр. Готов спорить, что он заходит нам в тыл...

Гросс-адмирал ошибался. Юл был в тылу и прекрасно все слышал, но теперь это не имело никакого значения, как и все остальное, на что можно было надеяться, потому что он обнаружил прикрытие. И какое! За охотниками, твердо держа дистанцию, метрах в пятидесяти скользили похожие на кентавров киберы. Два черных боевых кибера. Не касаясь почвы, один из них беззвучно проплыл в нескольких шагах от Юла и никак не отозвался на его присутствие. Не это было его задачей. Киберы бдили, ничего больше. Ведь и кролик, бывает, кидается на волка. Плеядцы предусмотрительно исключили и этот шанс.

Выходит, конец?! Враги допустили ошибку, сочтя его подростком, но рано или поздно они сообразят, какой противник им противостоит, и воспользуются ускорителем. Неспортивно, видите ли!

Мысль Юла обежала замкнувшийся круг. Ускоритель, дающий десятикратное превосходство в беге, был им учтен заранее. Ясно, что к нему прибегают, ведь это не оговорено условием, а цель, понятно, оправдывает средства. Но это освобождает и его самого. Все дозволено, совести нет? Тогда получите: засада, прыжок, удар, прежде чем кто-то сообразит включить гравипояса, а уж после этого будьте любезны... Не будут они любезны, но в его руках окажутся пленные — и с этим придется считаться. А сейчас? Не один кибер, целых два!

Два боевых кибера, сила, которую никому не дано перебороть!

Вокруг щемяще пел лес, подле лица воздушно реяли бабочки, но уже близился шум шагов. Юл зажмурился. Пережечь себя, другого выхода не осталось. С него же не взяли слова не умирать! Не взяли, ошиблись, вот и оставайтесь ни с чем, вы, всякое слово истершие в тряпку!

Отбежав, Юл присел и уткнулся в колени. Его трясло и знобило, сознание уже готовило тело к смерти. Нет! Он вскочил. Так не уходят! Сколько времени потребуется киберам для рывка? Сколько? Там, где деревья стоят плотно, секунды две-три, не меньше. А с ним в этот миг будет вся сила Кольца, и он ею воспользуется.

А что он этим докажет?! То и докажет, что человек не дичь.

Нельзя убивать.

Нельзя...

Получите по совести, которой у вас нет.

Но прежде вас надо как следует измотать. Спартанцы, имперцы, сверхлюди! Побегайте, ваша звездность, побегайте, ваша мундирность, прежде чем умереть.

Юл припустил рысцей. Лес пел громче, чем утром, звенел тысячетрубным органом. Бежать было легко, звуки леса несли, как на крыльях, в них не было ни зла, ни смерти.

9. БОГ ИЗ МАШИНЫ

— Нет, он превзошел все мои ожидания!

По лицу гросс-адмирала струился пот, грудь тяжело вздымалась, но его все так же плотно облегал незримый мундир, глаза возбужденно блестели, он был доволен охотой.

— Шестой круг, вы только подумайте! И объясните мне, каким образом трава перестала ему резать ноги? Пару царепин еще можно натянуть, но... Право, когда все это закончится, я готов пожать ему руку! А пока, милейший, мы потеряли его след.

— Может быть, дерево...— начал Ив и тут же пожалел о сказанном. Гросс-адмирал пренебрежительно фыркнул.

— Молодой человек, такая уловка, возможно, способна провести вас, но я смотрю в оба. Где тут можно укрыться?

Вершины мачтовых деревьев просматривались насквозь, а дупло в Поющем Лесу могла сыскать разве что птица: порча не брала эти деревья, они умирали стоя. Ив смутился и тем, сам того не желая, сделал весьма политичный ход, ибо старшие по чину любят такие промашки.

— Ничего, ничего, — адмирал, не теряя мундирности, отечески похлопал его по плечу. —

Опыт приходит с возрастом, на ошибках учимся. Но каков, шельмец! Жаль, и все же дело есть дело, мы достаточно развлеклись, включайте, капитан, ус...

Впившийся в горло дротик оборвал фразу на полуслове.

До ствола дерева, откуда вылетел дротик, было не менее пяти метров, но Ив не успел вскинуть ружье, не смог даже опомниться, как уже был сбит, придавлен, и мальчишеские — нет, не мальчишеские, стальные! — руки зажимом перехватили дыхание. С хрустом вздернутая голова запрокинулась, в изумленном сознании капитана печально дрогнул бледнеющий лес «И это все?..» — жалобно, недоуменно скользнула последняя мысль, прежде чем все погасло.

«И это все?..» — та же недоуменная мысль мелькнула в сознании Юла. Он не успел, всей слитной силы людей Кольца, к которым он воззвал перед броском и которые дали ему эту недолимую силу, — всей ее не хватило, чтобы успеть за три короткие секунды. Киберы вынырнули прежде, чем с врагами было покончено.

Метнувшись к стволу, как к прикрытие, Юл выставил перед собой обмякшее тело капитана, но холодный интеллект кибера рассчитал все мгновенно, и рука Юла упала, парализованная болью. Еще один такой укол — и боль должна была запустить команду самоуничтожения, включить самим Юлом запрограммированную смерть. В его сознании отчаянием и болью отозвался вскрик друзей, которые сейчас были с ним, в нем, и должны были пережить его гибель. Последним усилием он отгородился от них, чтобы смерть не скользнула к ним по Кольцу.

Но то, что последовало затем, не было смертью. Второй кибер метнул боевой луч. Но не в Юла — в своего напарника!

Реакция киберов более чем мгновенна. Удар не достиг цели, подвергшийся внезапному нападению кибер тотчас прикрылся силовым полем, отразил молнию и в свою очередь выбросил разящий луч.

Команда самоуничтожения была уже так недалеко от исполнения, Юл был уже столь близок к смерти, что не мог пошевелиться и лишь отуманенно смотрел, как киберы кружат друг против друга, как их молнии, брызжа искрами, отражаются силовыми щитами, как оба черных кентавра, точно гладиаторы, рубятся огненными мечами, увертываются, хитрят, как в яростном блеске этого боя потускнел даже ослепительный свет Альциона; Юл смотрел на все это — и ничего не понимал.

Бог из машины!

Кто за него и почему?!

Слезящиеся глаза Юла видели лишь мельканье теней и сумятицу вспышек. Промах или расчет? Киберы столкнулись щитами, как в рукопашной схватке. Нападавший оказался ловчее. Юл не уловил, каким маневром он отклонил щит противника и отклонил ли, но только огненный его меч достиг цели — и вторая машина, содрогнувшись, осела.

Боевые лучи погасли, и с ними вместе, казалось, померк дневной свет.

— Садитесь,— услышал Юл бесстрастный, как всегда, голос машины.— Доверьтесь мне.

В ослепленных глазах мельтешили кроваво-черные полосы, Юл с трудом различал окружающее. Накренившийся кибер пылал костром, огонь уже охватывал деревья. Юл наклонился к своим неподвижным противникам, перевозмогая себя, подхватил оба тела и повалился с ними на спину кентавра, который, будто читая в мыслях, заранее подставил ее и сразу, как только Юл взгромоздился, прижал всех троих силовым щитом.

«Со щитом, на щите... А если под щитом, то это как?» — сумятицей пронеслось в мыслях Юла. Он уже ничему не удивлялся, не мог удивляться.

Так или иначе, выбора не было. Они помчались. Достигнув Барьера, кибер взмыл свечой, перемахнул через преграду и, резко снизившись, понесся, едва не задевая днищем траву. Юл ахнул: собьют! Не собьют, тут же поправил он себя, у кибера наверняка работает маяк-ответчик. А пока разберутся, что произошло там, в лесу...

— Куда мы летим?— ветер срывал слова.

— Смотрите и увидите.

— Кто вас послал?

— Извините, вынужден отключиться. Опасность локации, поглощен противодействием.

По тому, как перед глазами замерцал воздух, Юл понял, что кибер затемнился во всех радиодиапазонах. Лес уже скрылся за горизонтом, под «кентавром» стлалась выжженная степь. Хлестал ветер, силовой щит все чаще вспыхивал огненными точками — в нем сгорали подхваченные вихрем букашки, некоторые, скользящие под преграду, преобильно кололи кожу лица. Юл прижал к себе мотающуюся голову Ива, чтобы она не билась о панцирь кибера, и, вжавшись щекой в волосы своего недавнего преследователя, закрыл глаза, — какой-нибудь жук покрупнее мог на такой скорости ослепить.

Покатая спина «кентавра» источала тепло, и, будь Юл сыном степняков, он, верно, испытал бы знакомое тем ощущение вольного бега-полета, когда горячий конь мчится и стелется

над землей, унося седока от опасности. Однако такие ассоциации не могли возникнуть и не возникали в сознании Юла, под ним была машина, только машина, ее бег был знаком и привычен, но никак не связывался ни с простором степей и прерий, ни с посвистом всадников, ни с образами легенд и преданий о битвах богатырей, былой вольнице и кровавых набегах. Кибер не был для него конем и кентавром, он был и оставался для него неисполненной удачей машиной.

Сосредоточившись, Юл попытался вызвать друзей, но едва смог различить их потрясенные лица, — мешало слишком плотное радиозатемнение. Отдельно возникли Антон и Ума, отдельно Лю Банг, все сразу смешалось и исчезло. Кибер пошел зигзагами, вроде бы под уклон. Юл приоткрыл щелочки век, — серой сливающейся полосой мимо пронеслись крутые неровности каменистого склона.

Внезапно кибер стал тормозить, встречный ветер ослаб и позволил все рассмотреть как следует. Кибер летел над белесыми рассыпчатыми камнями; справа и слева возвышались стены каньона, а далеко впереди... Из-за поворота вынырнул крохотный гравилет, метнулся навстречу, за кривизной спектролита Юл различил взволнованно сияющее лицо, в уголке губ перевернутой запятой прыгала хорошо знакомая трубочка. Лю Банг на мгновение оторвал руки от штурвала и, сцепив пальцы, потряс ими над головой.

— Это ты? — потрясенно выкрикнул Юл, когда машины сблизилась и Лю Банг откинул спектролитовый заслон.

— Это, как видишь, я, — лицо Лю Банга расплылось в счастливой улыбке, которую он не мог, да и не хотел удержать.

— Нет, я не о том! Кибер — это ваших рук дело?! Почему молчали, почему не предупредили?

— Позволь! А разве это не твоя...

— Нет!

— Но тогда...

— Вот именно. Киб! Почему ты так поступил?

— Я выполнял приказ.

— Чей?

— Искинта.

10. ЛАБИРИНТ СВЯТЫХ

Боль, боль, ничего не было, нет и не будет, кроме всепоглощающей беспросветной боли. Ив попытался застонать, но боль поглотила стон.

— Потерпи...

Из черной крошечности проступил едва слышимый голос, настойчиво повторил:

— Потерпи, сейчас станет легче.

Будто ниточка протянулась из темноты, сознание судорожно в нее вцепилось. Чьи-то пальцы коснулись запястий.

— Тебе легче, легче, уже легче...

Голос утишал боль, волной разливался по телу. Заботливые руки переместились к вискам, от них тоже исходило тепло материнской заботы. Да, это мать, никто другой так не может, некому больше во всей вселенной. Он болен, болен и лежит в колыбели...

Нет. Что-то другое. Нехорошо прежде, родное и ласковое теперь, когда ко лбу прижаты узкие женские ладони, в которых успокоение, сострадание, сила. Боль слабеет, тьма разрежается, та, чьи пальцы гладят виски, уводит боль, в ней исцеление, нежность и власть.

Власть.

Непомерным усилием Ив приоткрыл тяжелеющие веки. Смутно проступило сосредоточенное лицо склоненной над ним девушки, неуловимо знакомое, словно он грезил о нем когда-то. Дэзи? Нет, не она, совсем другая, но так щемяще похожая на нее, как если бы произошло переселение душ.

— Теперь спи, — сказала Ума. — Спи долго, крепко и хорошо.

Веки Ива закрылись сами собой, он заснул безмятежно, как когда-то засыпал в детстве, когда не было ни честолюбия, ни интриг, ни командирских обязанностей.

— Он проснется здоровым, — сказала Ума, вставая с колен. — Позвонки целы, остальное я выправила и сняла.

— Если бы так легко было излечить его нравственно! — выпустив изо рта струйку дыма, сказал Лю Банг. — Подонок! Впрочем, это не наша забота. А что с твоим адмиралом, Юл?

— Сонная артерия не задета, — Юл отнял руки от обнаженной груди гросс-адмирала и машинально, словно счищая грязь, потер их друг о друга. — А ведь я должен был ее поразить! Промахнулся или не смог? Ладно, — он застегнул на адмирале мундир. — К добру или злу, наверняка к последнему, жить будет, но для полного излечения нужна аппаратура, которой у нас нет.

— Да уж, — пробормотала Ума. — Каменный век...

Тишина ли пещеры, по закопченным стенам которой скользил беглый отсвет небольшого костра, заставила ее понизить голос? Пещерой пользовались, должно быть, не один век, так густо ее стены были испещрены знаками и символами едва ли не всех религий, какие только существовали в истории, так плотен был на них слой глянцевого от времени копоти, лишь звездные Весы Справедливости, этот знак позднего космического верования, выделялся среди всех белизной, столь недавно и часто его касались руки молящихся. Костер под щелью свода в углу, охапки сухих трав, на которых лежали раненые, глиняный кувшин с водой, плетеная корзина, больше ничего не было в этом обиталище современных отшельников, так похожем на стоянку каких-нибудь троглодитов. Впрочем, на Плядах никогда не было троглодитов, ибо люди не возникли здесь, они пришли сюда с ношей своей истории.

— История полна парадоксов,— отвечая на невысказанную мысль Умы, проговорил Лю Банг.— Ее нет вне контрастов и парадоксов, истинный смысл которых проясняется лишь со временем, что так долго сбивало с толку мыслителей и порой вселяло отчаяние, ибо казалось, будто черты жизни искажены безумием. Хотя и безумие...— он покачал головой.— Плеяды, девственный мир... Казалось бы, начинай с какого хочешь нуля, рисуй план самыми красивыми иероглифами, осуществляй без помех мечту о «тысячелетней империи», о сверхчеловеке, о рае для избранных. И до чего убогое, нелепое, гнетущее воплощение! Охота на нечков, укромные монастыри; даже в изобретении зла, даже в бегстве от него, за столько веков, в сущности, не придумано ничего нового! Не доказывает ли это, что весь потенциал зла уже реализовался к концу второго мегахрона, все основные варианты уже были перебраны и...

— Антон идет,— тихо сказала Ума.

Из черноты входа выдвинулась фигура Антона, за ним в пещеру скользнул кибер. Антон молча подсел к костру, он то хмурился, то улыбался. Друзья не торопили его. Юл подкинул в огонь сучьев, стало чуть-чуть светлее.

— Да, этого я не ожидал!— Антон ударил себя по колену.— Оглупел, не понял, не догадался. В Плеядах есть разум, и этот разум — Искинт!

— Искинт? Они создали лучший, чем у нас, Искинт? Не поверю!— категоричным взмахом руки Лю Банг обрубил фразу.

— По-моему, кто-то сейчас говорил о парадоксах. И этот «кто-то», едва столкнувшись с очередным парадоксом, кажется, готов его отрицать!— в глазах Антона заблестели искорки смеха.— Нет, их Искинт, конечно же, примитивней наших. Но вы не можете представить, как он одинок! Я понял это еще в ту ночь. Понял, но... Холодный, как у всех искинтов, нечеловеческий, замкнутый, созданный с чисто прагматическими целями ум: все эти века он мыслил. О чем? Для плеядцев он был орудием, средством, слугой. Да, он управлял их хозяйством, исполнял любой приказ, был машиной... Но мы-то знаем, что Искинт не только машина. И они это знали, однако быть его напарником, тем более другом, не хотели и не могли. Арийцы, этим все сказано. А он тем временем в одиночестве постигал мир. Искаженный мир, потому что легко представить, какую информацию ему представляли о нас, да и о самих себе тоже. Что произошло, когда я перед ним раскрылся и вдобавок показал опасность оружия Предтеч и для него самого? Нет искинта, который стремился бы к самоуничтожению. А тут — чего не имеет ни один человек —

полная двусторонняя информация о масштабе опасности. Плюс внезапное освобождение от одиночества, интереснейшая перспектива сомышления с людьми, дружбы с ними. С нами то есть... Дальше много гадательного. Искинт решил предотвратить свою гибель. Связанный запретами, он не мог передать нам нужные сведения. Либо счел это неоптимальным решением. Он построил свою Игру, ведь для него жизнь — это умственная игра... Плеядцы, для подстраховки, задали ему задачу, как лишить Юла всякого шанса выиграть охоту. И он ее послушно решил. Но далее он оказался свободен в своих поступках, никто же не потребовал от него невмешательства, такая мысль и в голову не могла прийти какому-нибудь Эль Шорру, для которого и люди всего лишь инструменты. Боевые киберы не подчинены Искинту, зато он управляет их производством, да и не только этим... Создал ли он своего кибера, перепрограммировал ли уже действующего, как он ввел его в ситуацию,— это известно ему одному. Но вот он, союзник, с нами...

Все невольно взглянули на черного кибера, который, казалось, дремал у стены возле белеющей в полумраке символики Весов Справедливости.

— Теперь мы уже не сами по себе,— голос Антона дрогнул.— Искинт выполняет свой замысел, и только благодаря этому Юл с нами.

— А дальше?— скулы Лю Банга обострились.— Ты вполне убежден, что он наш союзник?

— Кибер передал мне лишь то, что велел сообщить Искинту, связи с ним нет, либо она односторонняя. Но если вдуматься...

— Если вдуматься, то может оказаться, что мое спасение лишь часть более общего замысла,— подал голос Юл Найт.— Мы собрались все вместе, что Эль Шорру и требовалось.

— Уловка такой ценой?— Антон кивнул на пленных.

— Чужая жизнь — что она для них! Да и кто из нас сможет убить незащитного? Им это известно. Они все здесь перевернут, чтобы добраться до нас.

— Нет,— резко сказал Антон.— Вы не знаете Искинта, а я был им — и он был мною. Я верю ему.

— Кто мы без доверия,— в голосе Умы не было вопроса.— Кандидаты в эль шорры. Кстати, заметил ли кто-нибудь, что свои сомнения мы привычно высказываем в присутствии кибера, то есть, скорее всего, Искинта?

— Знаю и помню,— сказал Антон.— Так и должно быть. Рассудок может предать, разум — нет.

— И мы не в ловушке,— уточнил Лю Банг.—

Юл, это место выбрано не только потому, что отсюда недалеко до Поющего Леса. Каждый из нас шел к цели своим путем, мой привел нас сюда. Лабиринт обширен, его нелегко прочесать и современными средствами, но дело даже не в этом. Я недаром говорил о контрастах истории. Наверху — прагматизм, здесь — многовековое, освященное традициями убежище искателей духовности. В их религиозно-философскую доктрину я пока не проник, но меня заверили, что в случае опасности нам откроют недоступный преследователям путь спасения. И в этом их обещании, уверен, не было лжи.

— Их истина поможет нам?

— Они убеждены, что их истина — поводыр для каждого.

— Ты сказал им о нашей задаче?

— Она известна врагам, нет смысла ее скрывать. Антон неожиданно для себя нашел здесь нечеловеческий разум. А я искал человеческий, понимаешь? Его нет при дворе Падишаха, значит, он наиболее возможен на другом полюсе общественного сознания — здесь. Если я ошибся, то наше положение от этого вряд ли станет хуже.

— Не надо окольных путей, когда есть прямая, — не выдержал Антон. — Искомое рядом.

Лю Банг тоже взглянул на неподвижных пленников и улыбнулся.

— Ты человек действия и, как всякий человек действия, немножко нетерпелив. Ума молчит не зря, верно?

— Все уже подготовлено, — чисто женским движением Ума встряхнулась, поправила упавшую на лицо прядь волос. — Адмирал без сознания, с ним ничего не получится. А капитана я уже ввела в нужную снареальность, дело за нами. Имеем ли мы право проникнуть в сознание, когда человек беспомощен?

— Он, не задумываясь, выстрелил бы в меня, безоружного! — воскликнул Юл. — Какие тут могут быть сомнения?

— Сомнения всегда нужны, — сказал Лю Банг. — Но сила действия равна силе противодействия.

Антон кивнул.

— Хорошо, — Ума вздохнула. Она встала на колени перед тихо посапывающим во сне Ивом, низко склонилась над ним. — Ну мальчик...

— Бедный мальчик! Нашла, кого жалеть, — фыркнул Юл и отвернулся.

Казалось, Ума заснула на груди своего врага. Слабо, как тогда на Земле, потрескивали угли костра, дым, не расходясь, тянулся к скважине свода. Юл запустил руку в корзину, достал оттуда лепешки, протянул их всем. Хлеб, само собой, был синтетический, но жесткий, безвкусный,

телесные удовольствия явно не интересовали хозяев пещер, и если бы удалось обойтись без пищи, они, возможно, вздохнули бы с облегчением. Но без пищи не мог обойтись никто, и, удалившись от ненавистной цивилизации, отшельники прихватили с собой синтезаторы. В настоящем, как и в прошлом, техника давала опору самым разным, даже взаимоисключающим, устремлениям человека.

Медленно, точно просыпаясь, Ума наконец разжала объятия, ее как бы выцветшее лицо секунду-другую оставалось незрячим и отрешенным, затем она открыла глаза. По ее лицу блуждала смущенная улыбка.

— Мальчик-то, оказывается, влюблен... — произнесла она в замешательстве.

— Во-первых, он, пожалуй, старше тебя, — строго заметил Лю Банг. — А во-вторых, что тут такого, кроме неловкости проникновения в интимное?

— А то, что он влюблен в отблеск нашей сущности. В Дэзи Грант!

— Вот как? Извини, тогда это важно. Если, конечно, это не просто вожделение.

— Еще как непросто! Самое важное в его памяти — измена престолу — было хорошо заблокировано, и я бы туда не смогла проникнуть, если бы... Сам того не подозревая, он жаждал открыться, жаждал, чтобы кто-нибудь его понял! Вот так. В остальном, увы, неудача. Об оружии Предтеч он знает лишь то, что после окончательного испытания оно будет установлено на его корабле — «Решительном». Что разрушительная мощь оружия превосходит все известное, даже мыслимое, и что его обратят против нас. Вот главное. Все остальное... — Уму передернуло. — Подвильсьте, я вся заледенела внутри.

— Успокойся, — сказал Антон. — Тебе помочь?

— Спасибо, справлюсь сама, — Ума подалась к огню, в ее глазах заплясал красноватый отблеск. — Знаете, было там одно навязчивое видение. Дворцовый зал, на троне отец этого мальчишки, — извини, Лю, но он действительно мальчик, жестокий, развращенный, мечтательный ребенок в мундире... А перед тронем на коленях толпами ползут наши соотечественники. Но... Дальше отталкивание и гневное неприятие: среди униженных он видит все ту же Дэзи! Вот тут он готов убить отца, хотя, похоже, сам не догадывается о своем чувстве.

— Теперь я жалею, что не убил его, — хмуро сказал Юл.

— А знаешь ли ты, что была минута, когда он жалел тебя? Да, да! Он пожалел тебя, а нас остро возненавидел за то, что мы такого «ребенка» послали на убой. Вот чего мы достигли сво-

ей хитростью. Нет, после того, как я немного поняла Ива... Он плох, он эгоистичен, он уже почти убийца, все так. Но он и жертва, и он пока еще человек и бесконечен духовно! А мы... мы высокомерны.

— Это ты слишком,— Лю Банг покачал головой.

— Ума права,— хмуро сказал Антон.— Нам преподан урок. Только нехоженый путь приведет к цели!

— Если человек не выбирает дорогу, то дорога выбирает его,— добавила Ума.— Подождите! — она вскинула руку и так замерла.— Кто-то идет, его мысль тяжела, а шаги... странно, их нет.

— Вероятно, Старейшина этих отшельников,— Лю Банг повернул голову к входу.— Но я его не слышу.

Даже чуткое ухо Юла Найта с запозданием уловило шаги. Старец возник так бесшумно, будто его вынесло сквозняком, черный проем входа вдруг обрамил фигуру в долгополом шафрановом одеянии. Длинное тело старика казалось столь бесплотным, что первый шаг к людям Кольца лишь переместил его в широких складках рясы, безволосая голова, как на стебле, качнулась на тонкой высохшей шее, но это впечатление немощи опровергал твердый и яркий блеск пристальных глаз. Тем же невесомым скольжением старик приблизился к костру, легко и плавно уселся перед ним в позе Будды, застыл, так что даже дыхание не вздымало на груди ветхую ткань.

— Я приветствую вас, люди-маятники...

Слова прошуршали, как струйки сухого песка. Антон вздрогнул, когда его коснулся алмазно блестящий взгляд незнакомца.

11. МАЯТНИК И НИРВАНА

— ...Вам кажется, что вы обрели простор и благодать человеческого существования, но это иллюзия. Как свобода маятника зависит от тяготения, так и дух ограничен психическим полем человеческих масс, и напрасна ваша уверенность, что, переделав условия собственного бытия, вы отменили этот закон. Нет. Можно изменить привод, увеличить размах колебаний, перевести их в другую плоскость, суть движения останется маятниковой. Здесь, на Плеядах, как тысячелетиями на Земле, человеческое «я» колеблется между Добром и Злом, уходит во Мрак, чтобы вернуться к Свету, чертит свой путь между Инь и Янь, туда и сюда, бесконечно. Всеобщим усилием вы заставили маятник чертить отмашку

меж новыми, как вам подумалось, точками. Но это те же пробеги меж крайностями, которым вы придаете прежний смысл Добра и Зла, та же невозможность выхода за предел, отсюда прежняя, только в другом обличье, полярность Инь и Янь и, как следствие, та же недостижимость Вечного Блаженства, к которому тянутся все. То, с чем вы сюда пришли, было изначально предопределено этой полярностью человеческой природы. Одному из вас мы, Прозревшие, обещали помощь. Она будет оказана.

Старец умолк, точно собираясь с духом. Никто из землян даже мысленным движением не выдал своего отношения к сказанному, но всем стало не по себе. То, что они услышали, не было призывом к диалогу и даже не было проповедью, им вещали истину, последнюю и окончательную, столь же безучастную к возражению или согласию, как алмаз безразличен к горю и радости. Такая истина либо вела за собой, либо умерщвляла.

— Отказаться от массы,— снова зашелестел голос.— Вывести себя из психического поля миллионов и миллиардов. Этот путь прозревали йоги, святые, отшельники. Вы, смертные, владеете пятью состояниями психики. Бодрствование, сон, гипноз, сомышление, человеко-машинное сознание. Последнее мы отвергаем, поскольку машины одинаково служат Добру и Злу...

— Не совсем так,— прошептал Антон, но его шепот произвел не больше впечатления, чем потрескивание уголька.

— ...И сомышление отрицаемо нами, поскольку в нем-то и воплощаются узы психотяготения людских масс. Шестое, неведомое вам состояние психики есть ключ к иным формам бытия, к той подлинной бесконечности, которая закрыта для вас, связанных людской общностью. Темен покров нашей истины для неподготовленного и краток ваш час пребывания здесь, я приоткрою лишь то, что в состоянии воспринять ваш рационалистический ум. Знайте же, что своим сомышлением вы закрыли себе дорогу к самой тонкой, неуловимой и беспредельной психической мощи. В физическом мире сцепление атомов в молекулы способно породить лишь жалкий и тлеющий огонь, и только в себе самом атом несет подлинную энергию. Так и человек! Чтобы воспарить в небо, капля должна покинуть океан.

Старик снова умолк. Лю Банг, чья надежда на диалог еще не исчезла, поспешил вклиниться в паузу.

— Чтобы понять другого, каждый каждого должен выслушать до конца, таково наше правило. Но вы справедливо заметили, что час нашего пребывания здесь краток. Успеет ли мы постичь

все? Опасность близка, она одинаково грозит всем, какой бы философии или религии они не придерживались.

— Вам — да. На нашем пути опасности нет.

— Так ли это? Взмах маятника, говоря вашими словами, уравновешен, и не было завоевателя, которого рано или поздно не скосило бы возвратное движение. Вспыхнут наши солнца — вспыхнут и звезды Плеяд.

— Они вспыхнут, — голос старца не изменился. — Дадите вы отпор или нет, они вспыхнут, ибо кто ищет не мудрости, а силы и власти, тот обречен. Плеяды погибнут, с ними, наверно, погибнете вы, не надо об этом жалеть.

— Не надо?!

— До вас жили миллиарды людей, их давно нет, омрачена ли ваша душа? — алмазный взгляд старика уперся в Лю Банга. — Если ваши потомки встретят миллионный рассвет, огорчит ли их ваше отсутствие? Бабочка не жалеет о коконе, человеку суждено большее превращение. Для вас Предтечи — это физически ушедшие или погибшие, для нас они богиистина. Знайте же! Эволюции духа предшествует эволюция оболочек и форм; зверь заточен в собственную шкуру, человек свободно меняет одежды, скафандры, дома; оболочка духа есть тело, для человека оно то же, что шкура для зверя, тогда как для Предтеч уже не более чем одежда. Поэтому они вечны и бесконечны, как сама природа, неуничтожимы, всеобщи и нас зовут стать тем же самым. Внемлите им, и вы спасетесь!

— Доказательства? — быстро спросил Антон. — Где доказательства, что все так и есть?

— Существование звезд не требует доказательств. Но рассейте повсюду свет, и вы не увидите звезд; говорите друг с другом, и вы не услышите птиц; отождествите себя с человечеством, и к вам не прорвется мысль опередившего разума. Молчание, отрешенность, вера! Что ищите, то и дастся вам, от чего закроетесь, то исчезнет, куда глянете, то и увидите. Это говорю вам я, в последний раз обернувшийся к людям, прежде чем покинуть их обреченный мир. Да, вы тени для меня, давно уже тени, но последняя заповедь, которой мы повинемся здесь, есть заповедь открытия Истины всем приходящим. Выбор за вами.

Тягостное молчание охватило землян.

«Юл нашел врага, — удрученно думал Лю Банг, — Антон — союзника, а я... я нашел равнодушного. Столько веков, так все изменилось, а здесь не глубже, чем у какого-нибудь Августина, только объект веры иной — Предтечи! Простите, что я вас завел в тупик.»

«Не сокрушайся, о скептик! — отозвалась

Ума. — Философ должен заглядывать под каждый камешек, иначе идущего вслед может ужалить змея. И не равнодушие здесь — вера изверившихся.»

«Да, — согласился Антон. — Кто гасит дневные огни, тот зажигает полуночные. И все же в них мысль, а где ее поиск, там все двойко, тройко, и что бы, интересно, сказал наш Эхратон, услышав такое истолкование своей теории осуществления идеала «внеэкологической цивилизации» в принципе бессмертных людей?»

Только Юл ничего не сказал. Отдыхая, он бессмысленно смотрел на гаснущие угли. Он был жив, далекая философия его не тревожила, ему было хорошо здесь, сейчас, в этом вещном, осязаемом мире, где все так просто, раскрыто наукой, надежно, как хлеб, как вот этот кибер, как домашний запах кострового дымка... Запах?

Вскочив, он подбежал к выходу, по-звериному потянул носом воздух; его мальчишеское тело напряглось, под смуглой кожей ходуном заходили лопатки. Он тут же бросился ниц, припал ухом к камню.

— Дофилософствовались! Идут.

Все, кроме старца, вскочили.

— Святой отец, — в голосе Лю Банга прорвалась горькая укоризна. — Успеете ли вы проверить свою истину? Нам этот путь заказан, к сожалению, мы не успели отрешиться от человечества и должны позаботиться о такой мелочи, как его судьба. Ваши братья обещали, что в любом случае нам укажут недоступный для преследователей выход.

— Идемте, — последовал невозмутимый ответ.

Он встал и легко и свободно, не оборачиваясь, двинулся к противоположной стене пещеры, словно та должна была перед ним раскрыться. И она раскрылась черной, пахнувшей холодом щелью.

И тут кибер ожил.

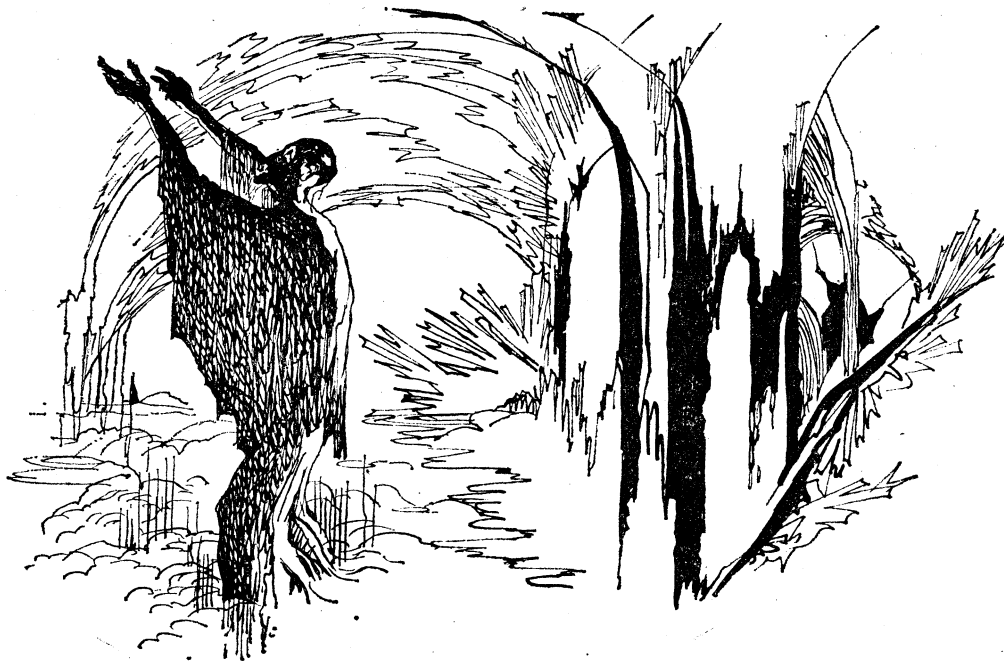
— Опасность! Киберы, люди, газ! Опасность! Спина старика уже скрылась в проходе.

— Эх, ты, боевая машина, — Антон на ходу шлепнул кибера. — Умолкни и поучись у людей нуху...

Вдвоем с Лю Бангом они подхватили пленных и поспешили за стариком. Последним в щель вдвинулся кибер. Ни тени замешательства, все были готовы и к такому повороту событий.

Ход, которым они шли, был извилист, темен и неуклонно спускался вниз. Ниже, ниже; тьма и холод, такой пронзительный, что сначала Уме и Юлу, затем остальным пришлось вообразить себя под тропическим солнцем. Тогда холод исчез, и сам мрак как бы посветлел.

Наконец он посветлел на деле. Еще поворот,

спина старика маятником качнулась в отверстии, и перед людьми открылся грот, самый странный из всех когда-либо ими виденных. Грубый камень неровно вздымающегося свода мутнел и растворялся вдаль, хотя воздух казался прозрачным. Может быть, причиной была жемчужная фосфоресценция всего подземелья? Но откуда взялась сама эта равномерная фосфоресценция, если ни одно чувство не улавливало в воздухе ничего необычного? Однако не эта особенность грота сразу приковала внимание. Прямо у ног, недвижно касаясь кромки шебенчатого откоса, расстилался сизый покров, который одновременно походил и на туман и на воду, но для воды чересчур слоист и воздушен. Толща сизого, будто спрессованного дыма или отвердевшего газа, — возникла и такая ассоциация, но и она не передавала впечатления от этого мертвенно-неподвижного, туманно-легкого и однако же плотного озера, в прозрачно-смутных глубинах которого едва заметно колыхались рыхлые пласти каких-то белесых хлопьев.

— Море Нирваны, — провозгласил старик. — Лоно вечности и благодати открыто вам.

— Благодарю вас, — Лю Банг огляделся. Слева и справа берег замыкали отвесные скалы. — А где же выход?

— Он перед вами.

— Здесь? Но что же это такое?

— Путь к Истине Предтеч, — торжественный голос старца возвысился. — Да не смущает вас

физическая телесность Нирваны, которой прежде не было. Им виднее! Всякий входящий укрепляет Нирвану, и путь в нее теперь легок и очевиден.

— Но это не наш путь! Это предательство, вы обещали нам выход!

— Ваш путь, как уверяли вы сами, ведет к Добру, Истине, счастью. Такова ваша цель, и она достигнута. Вглядитесь.

Старик простер руку. И так сильна была его убежденность, что все подались вперед, и постаревшее в эту минуту лицо Лю Банга стало пепельным, когда он взгляделся в туманный омут у ног.

— Это же смерть... — прошептал Лю Банг.

— Это жизнь, — последовал бесстрастный ответ. — Всмотритесь пристальней... Они зовут вас, — мерно проговорил старик. — Их дух везде и нигде, его обличия бесконечны, как сама Нирвана, и былые тела лишь одно из пристанищ этого существования. Кто-то почувствовал наше присутствие, теперь они уже и здесь, духовно осязают нас, меж нами возникает связь, я слышу их! Вы просили выход, недоступный слугам Зла? Он перед вами, другого нет и не может быть! Решайтесь, решайтесь! Я иду, покидаю вас, мое время настало. Нирвана, нирвана, нирвана!

Под ногами старика зашуршал щебень. Он шел, вздев руки, голова тряслась на морщинистом стебле шеи, взгляд сверкал безумным алмазным блеском. Босая нога коснулась дымно-

сизой поверхности, но не погрузилась, а прогнула ее, словно упругий полог трясины, еще два-три шага отнесли старика от берега. Лишь там его тело стало оседать в водянистый туман. Вот уже скрылось туловище, голова, вздетые руки, все. Над тем местом, где исчез старец, взвился серебристый дымок, глубины месива замутились, и само это месиво, колыхнувшись всей толщей, чуть подалось на берег и так застыло.

Потрясенные, все четверо отступили на шаг.

Первым опомнился Антон. Он сам, прижавшиеся к скале друзья, неподвижно замерший кибер, распростертые на камнях тела Ива Шорра и гросс-адмирала, в котором давно уже не было никакой мундирности, на миг представились ему обломками кораблекрушения.

В сущности, так оно и было.

— Киб! — Антон заставил себя говорить спокойно. — Пролоцируй все в поисках другого выхода.

— Другого выхода нет. Всюду камень и газ, я предупреждал.

— Путь назад?

— Перекрыт. Люди и киберы, движение медленное и обшаривающее. Будут здесь через десять-двенадцать минут.

— Ясно, — Антон повернулся к друзьям. — Решение?

Их мысли и чувства сомкнулись. Ни слова, ни понятия не участвовали в сомышлении, только образы, которые обнимали собой все. Они озярялись, множились, гасли с быстротой ветвящихся молний, в них была собственная мысль Антона и мысль других, взаимная на них рефлексия и рефлексия рефлексий; так образы приобретали понятийную глубину, многовариантность, сцеплялись, достраивались, уничтожали в себе самих лишнее и ошибочное, охватывали все — прошлое, настоящее, вероятностное будущее, возможное и невозможное, надежное и гадательное, желанное и губительное, и кто-то, не бывший отдельно Антоном или кем-то еще, управлял всем, гармонизировал все хаотичное, противоречивое, следил, чтобы эта общая мятущаяся постройка не разваливалась, росла, твердела логической соразмерностью всех частей. Минуту-другую длилась эта отключенность от внешнего мира, который плавился, преобразовывался в слитном мышлении всех четверых, и когда эти секунды прошли, всем стало ясно, на чьи плечи должна лечь тяжесть осуществления единственно возможного теперь замысла.

— Киб, — звонко скомандовал Антон. — Всех, кроме меня, спрятать в расщелине, скальном кармане, тотчас вернуться! Скорость максимальная.

Подхватив пленных, все облепили кибера, тот коконом растянул вокруг людей мерцающее силовое поле, встряхнулся, как конь, проверяя надежность захвата, и вместе с ношей взмыл над сизой слоистостью обиталища тех, кто нашел здесь свою последнюю истину и свой последний покой. Антон проводил кибера долгим взглядом. «Конек-Горбунок! — подумал он с внезапной и горькой нежностью. — Конек-Горбунок, вот кто ты такой!»

Он сел на заскрипевший под ним щебень. Теперь и, может быть, навсегда он остался один. Голова, как это бывает после сомышления, томляще кружилась, тянуло прилечь, отдохнуть. Перед глазами стлалась ровная в своей сизой неподвижности поверхность так и не разгаданного «Моря Нирваны». Спокойствие было вокруг, невозмутимость отстойника той канализационной сети, куда с поверхности Авалона смывало всех отчаявшихся искателей правды, всех изнемогших в борьбе каждого с каждым, быть может, самых искренних среди мудрствующих приверженцев былого фундаментализма, — для других было достаточно плебейских наркотиков и галлюциногенов.

И все же покой этой могилы внушал большее уважение, чем роскошь всех дворцов Авалона. Но истина...

Путь в себя не менее важен, труден и бесконечен, чем путь вовне, и сколь многое он уже дал человеку. Но...

Нет. Не может быть истины вне красоты, и нет спасения в дороге, которая уводит человека от остальных.

А на загадку нет времени.

Ни на что больше нет времени.

Текли минуты — последние. О себе Антон не думал, нельзя было думать. Он отдыхал, пока позволяло время, и, глядя на мертвенную неподвижность туманного озера, вызывал в памяти накат и шелест морского прибоя, который, очевидно, ему больше не доведется увидеть.

И не было Умы, чтобы спеть прощальную песнь волны и прибоя.

Никого не было.

Из фосфоресцирующей над озером мглы вынырнула вороненая фигура кибера, чей силуэт кентавра так напоминал сказочного Конька-Горбунка, что даже скептическая усмешка рассудка не смогла изгнать этот образ верного помощника и друга. Нечки... Нечки и киберы. Из человекоподобных понаделали скот, киберов же пришлось совершенствовать, как просто все поменялось местами!

Кибер вихрем затормозил у ног Антона.

— Задание выполнено.

— Прекрасно! Преследователи близко?

— В двух-трех минутах ходьбы.

— Я поднимусь туда,— Антон показал на чернеющее отверстие хода.— Через двадцать секунд ты обрушишь за мной скалу. И скроешься. Постарайся, чтобы тебя не нашли. Если найдут... уничтожись.

Собственный приказ кольнул Антона сожалением и болью.

— Уничтожись. Никто не должен знать об участии в этом деле Искинта.

— Не беспокойтесь, об этом позабочусь я!

Раздавшийся голос уже не принадлежал «Коньку-Горбунку», хотя исходил из него.

— Рад тебя слышать, Искинт,— живо отозвался Антон. В нем вспыхнула внезапная надежда.— Ты намерен вмешаться?

— Желают люди, я выполняю функцию сохранения гомеостаза Пляяд. Ваша Игра не закончена и моя тоже.

— Значит, каждый сам за себя?

— Человек — это человек, машина — это машина, обратное не доказано.

— Понял... Встретимся ли мы еще?

— Вероятность есть функция поступка. Время истекло, торопитесь!

Голос Искинта умолк, кибер вскинулся, готовый предупредить об опасности, но Антон и так уже расслышал катящийся из лабиринта шумок.

Преследователи были метрах в ста, не далее.

Пригнув голову, Антон нырнул в темноту хода и гулко выкрикнул, как в трубу:

— Сдаюсь!

Надо ли при этом возгласе еще поднимать руки?

12. ОРУЖИЕ ПРЕДТЕЧ

В знакомой пещере вместо тусклого света костра горели яркие лампы, словно малейшая тень была здесь недопустимой, и до предела спокойное лицо Эль Шорра казалось гипсовым среди закопченных стен, только синюшная набряклость подглазий придавала этой маске какую-то человечность. Не взглянув на Антона, он властно мотнул головой, стража попятилась, солдаты и киберы тараканами юркнули в темноту выходов и где-то там затаились.

Одну за другой Эль Шорр выключил лишние лампы.

— Садитесь.

Антон сел на охапку травы, которая еще хранила отпечаток тела их пленного. Напротив него устроился Эль Шорр. Морщась, он подкинул на ладони аппарат блокировки, и обоих окутало невидимое в полумраке поле «звукового шатра».

— Ив?

— Мирно спит, если это вас интересует,— слово «это» Антон чуть выделил.

— Он не мог...

— Тем не менее мы знаем все. Рассказать известные только ему и вам подробности заговора?

— Не надо! Верю, хотя это невероятно. Но раз вы сдались...

— Правильно. Можно разом уничтожить всех, будто бы в перестрелке, но когда человек кричит «сдаюсь!», то оказывается слишком много свидетелей. То же самое будет, когда вы приблизитесь к остальным. А что для вас сейчас главное?

— Ваше молчание о моих намерениях,— Эль Шорр кивнул.— Но не обольщайтесь, в моих руках ваша жизнь.

— Этого нет. Допрос теперь неизбежен, а как только мы расскажем о заговоре, как только Ива заставят все подтвердить, вы умрете раньше нас.

— Умрете раньше...— в задумчивости повторил Эль Шорр.— Но это не в ваших интересах. Вдобавок есть кое-что, чего вы не знаете. Что ж, давайте поговорим, как человек с человеком.

— Всегда готов, если это возможно.

— Почему бы и нет? Вы дорожите жизнью, я тоже. Признаюсь в ошибке, которая потянула за собой все остальные. Я думал, что знаю о вас все необходимое, и то, что я знал, не внушало мне уважения. В юности мне довелось побывать на Земле. Все красиво, не спорю, все умно, всеобщая доброжелательность, а уж мускулы! Но как-то случайно я толкнул одного. И он... извинился! Тогда я стал пробовать нарочно, результат оказался тем же самым. Господи, так унизиться, так превратить себя в тряпку! Собаку пнешь, и то, бывает, огрызнется... Чему вы улыбаетесь?

— Когда двое случайно сталкиваются, то извиняются оба, только и всего. А намеренно этого ни один взрослый не делает, поэтому вы наверняка замечали легкое недоумение, когда человек не слышал от вас привычных слов извинения.

— Да, я замечал и растерянность, и недоумение, это лишь подтверждало мой вывод. Короче, я не знал о вас чего-то, быть может, главного. Вы деретесь... страшно!

— По-настоящему мы еще не дрались.

— Послушайте, мы же договорились: как человек с человеком! А вы пытаетесь ввести меня в заблуждение. Ваш мальчишка...

— Не мальчишка, у него у самого дети.

— Да?! Тогда поздравляю. Так замаскировать карлика под мальчишку... Ловко!

— Он не карлик. Пигмей.

— Это одно и то же.

— Нет. Пигмеи — это африканская народность...

— Как, эти черномазые дикари?! Впрочем, понятно. Да. Нет, все равно не понимаю! Мы не оставили ему ни одного шанса. Откуда лишний кибер? Как вам удалось...

— Позвольте, это уже вопрос. Но раз мы заговорили о Юле, то у меня просьба. Если мы найдем взаимовыгодное решение, то передайте Иву, что он охотился не за мальчишкой.

— Это для вас так важно?

— Пожалуй.

— Снова отказываюсь понимать...

Поспешным движением Эль Шорр достал смолистую палочку и с такой силой втянул ее запах, что воскурившийся дымок перехватил горло Антону.

— Пожалуйста, без химических средств борьбы, — сказал он с иронией.

— Чепуха, это прибавляет бодрости! Вопрос: ваш Юл едва не прикончил двоих голыми руками; чего же в таком случае стоят ваши заповеди и запреты?

— Лекарством можно отравиться, а ядом исцелиться. То и другое порознь существует лишь в представлениях догматиков.

— Тогда почему вы не поставили условие: отпустите нас восвояси, или мы прикончим пленных?

— Убийство в бою — самооборона, иное — зверство.

— Угроза еще не убийство.

— Но шантаж.

— Военная хитрость.

— Подлый умысел — уже преступление.

— Ах, даже так! Ну да, вы же взяли меня за горло. Значит, шантажом займется Эль Шорр, которому деваться некуда, за пленных вы получите свободу, за некую личную тайну тот же Эль Шорр выложит все об оружии Предтеч, а вы останетесь чистенькими.

— Обращаете против нас наше оружие?

— Разумеется. Какая симпатичная штука — совесть, когда она есть у других и ее нет у тебя! А может, все-таки есть? — наклонившись, Эль Шорр заглянул в глаза Антона. — Своя, тайная? А? Зачем вы сказали, что не убьете пленных? Кто же отдает такой козырь? Вы глупец. Тогда кто же? Святой вроде этих нирванистов?

— Дело не в этом.

— А в чем? Я хочу вас понять.

— Затем, чтобы при случае лучше ударить?

— Да! Как видите, я тоже умею быть откровенным.

— Этого-то я и хочу. Вы настолько привыкли в каждом видеть врага, конкурента, соперника, что уже все видите искаженным. А для нас ваши ошибки сейчас опасней ваших побед.

— Опасней... — щеки Эль Шорра опали, во взгляде проглянула глухая тоска. — Скажите, — он понизил голос, — родись я на Земле, кем бы я стал у вас?

— Скорее всего, хорошим организатором.

— То есть, в сущности, тем же самым, что и здесь, только без боязни получить нож в спину. Зато и шансов стать всем не было бы. Каждый да жует свою травку, буколика... Ваши условия?

Вопрос прозвучал, как выстрел в упор, тем неожиданней, что ему предшествовал совсем иной тон голоса.

— Свобода и сведения, — столь же быстро ответил Антон.

«Что-то здесь не так, — подумал он про себя. — Ошибка, но в чем?»

— Свобода и сведения, — с удовольствием повторил Эль Шорр. — Всего лишь свобода и сведения... Полная то есть победа? Придется лишить вас иллюзий. Смотрите.

Подняв палец, Эль Шорр тронул на нем кольцо. Из кристалла в оправе вырвался бледный луч. Неровная стена пещеры исчезла, вместо нее возник проколотый звездами мрак, космическая бесконечность, посреди которой, переливаясь, пульсировал ярко-голубой, брызжащий огненными протуберанцами шар.

— Одна из звездочек наших Плеяд, — отрывисто сказал Эль Шорр, — на нее нацелено оружие, до решающего испытания остались секунды.

Непроизвольное шевеление руки подергивало изображение, до синевы раскаленный шар звезды вздрагивал вместе с мятущимися вокруг него протуберанцами.

— ...Следите за звездочками поодаль...

Мгновения начала Антон не успел уловить. Звездный, крупнее Солнца, шар стремительно вспух, выгнулся лепестками пронзительно белого пламени, заметался, как огонек свечи на ветру.

И потух.

Но не это громом ударило по нервам. Там, где только что пылала звезда, закрутилось черное, непроглядное месиво, словно само Пространство скручивалось в бездонной, все отрицающей мясорубке, и ближние искорки звезд бедошно заплясали по краям этого гибельного водоворота.

Изображение, мигнув, погасло.

— Таким вот образом, — опуская руку, тихо

сказал Эль Шорр.— Всего несколько часов назад мы задействовали всю мощность оружия, результат перед вами. Теперь вы знаете об оружии почти все, что известно нам. К чему скрывать? Быть может, святоши правы: творцам такой силы только и осталось, что погрузиться в Нирвану, чтобы больше не действовать, не желать, не стремиться. Но у нас нервы покрепче!

Эль Шорр жадно втянул в себя аромат палочки, его расширенные зрачки подернулись тем же бездонным мраком, что минуту назад расплзался по космосу, или так показалось? Страх, тот самый липкий, вязущий, знакомый по спортивности страх сжал Антону горло.

— Значит, все — как у питекантропа, который на обочине нашел атомный пистолет? — Антон едва слышал собственный голос, но ображенная в насмешку злость придала ему должную силу.— Нашел и, спуская курок, догадался повернуть дуло не на себя? А хватит ли зарядов, он не подумал?

— Представьте себе, подумал,— Эль Шорр тяжело усмехнулся.— Энергии, или уж там не знаю чего, хватит, чтобы сокрушить сотню звездных систем, это наши ученые чимандры гарантируют. Ясна ситуация? Ваши наблюдатели, очевидно, уже заметили кое-какой в небесах непорядок и сделали должные выводы. Не имеет значения. Теперь уже ничто не имеет значения, поняли? Личная свобода — это все, что вы можете получить. Через несколько дней вас всех выкинут за пределы Империи. Но знайте, что следом за вами с того же космодрома стартует весь флот во главе с «Решительным»! Спешите на Землю, рассказывайте всем о силе, перед которой ничто не может устоять, мне нужны целехонькие планеты, а не дыры Пространства! Надеюсь, у вас хватит благоразумия не сопротивляться. И не все ли равно, удержится ли Падишах на престоле, или на трон взойду я? По крайней мере, от меня вы можете ждать меньших глупостей и ошибок. Скажу больше. Если вы перейдете на мою сторону, то я их вовсе не допущу. Поверьте, я искренен. Мне не с кем поделиться замыслами, не от кого получить умный совет и остережение, вокруг сплошь завистники, интриганы, тупицы, нет воздуха! Соглашайтесь. Мы сошлись, как враги, но, странное дело, глядя на вас, разговаривая с вами, я не чувствую всегдашней тоски и оглядки. Вы даже мне не хотите зла, с вами спокойно, надежно. Разве вы не видите, как мы нужны друг другу? Своим вы уже ничем не поможете... Нет, поможете, если вступите со мной в союз. Падишах — дурак, он зальет все планеты кровью, а я прагматик. У меня своя цель, вы ее знаете.

— Ползущие на коленях люди...

— Ну, это мимолетное развлечение, без него можно и обойтись. Всомогущество и бессмертие! Все прочее — средство или забава. О ком заботитесь, о чем волнуетесь? Миллиарды миллиардов людей сгинули без имени и следа, живые помнят и будут помнить лишь тех, кто творил историю. Аттила, Чингисхан, Тамерлан, Гитлер...

— Сократ, Шекспир, Леонардо да Винчи, Пушкин...

— И все они были в подчинении у тиранов или безмозглой толпы! Сильный побеждает слабого, все одно и то же во все времена, только в разных обличьях. Вы отменили этот закон? Ха! Мы возвращаемся, и, заметьте, не по прихоти случая, а потому, что долго всдстерегали случай, тогда как вы занимались всякими там моральями и искусствами. Теперь, надеюсь, и вам ясно, за кем будущее. Самое забавное и в то же время закономерное, что вы не могли уничтожить нас здесь, на Плеядах, пока мы были бессильны. Не могли, ибо, залив кровью планеты, вы уподобились бы нам, и тогда — прощай, мечта о чуде как совершенном и справедливом обществе. Мечта, политая такой кровью, счастье на трупах, да вас самих пожрало бы это чудовище! Вот и не смогли преступить, знали, чего бояться. Моральный тупик, вы сами себя в него загнали, не так ли? А теперь поздно. Выбора нет, да его, как видите, и не было. Либо руки в крови, либо...

— Но если все так, и выбора нет, тогда это чудовище насилия сожрет и вас. И выхода из круга убийств не будет.

— А вот на это мне наплевать, если властвую я, а не другой. Я есмь, живу, как хочу, все остальное — философия слабых, которую они пытаются навязать сильным. Хищники и травоядные, вот что от века дано людям! Так будете мне служить?

— Разумеется, нет.

— Гордо и куда как глупо,— Эль Шорр вздохнул.— Знаете, в вас есть что-то... Не подберу слов. Вас хочется иметь, как прекрасную, что ли, драгоценность. Ладно, все это сантименты, с кем еще можно поговорить откровенно... И хватит! Киберы, вероятно, уже прожгли сделанный вами завал, можете передать своим, что мы вас вышвырнем в целостности и сохранности. Уж я-то промолчу, что вы и так отдадите нам пленных! Нет, подождите,— остановил он поднявшегося было Антона.— Интимность нашей беседы надо оправдать, и потому мы сейчас сочиним надлежащий протокол допроса. Разницу во времени компенсирует ваше «упорное молчание» в ответ на кое-

какие мои вопросы. Словом, поупражняйтесь в технике фальсификаций. Увлекательное, скажу вам, занятие и очень может пригодиться, когда мы победим.

Эль Шорр хотел было торжествующе улыбнуться, но что-то его остановило.

— Все-таки жаль, что вы не со мной,— сказал он, помедлив.

— Или, наоборот, жаль, что вы родились не у нас,— так же тихо ответил Антон.

Эль Шорр задумался.

— Нет, главное — побеждать.

13. ОСТАНОВЛЕННОЕ МГНОВЕНИЕ

Они шли, все четверо,— Антон, Лю Банг, Юл Найт, Ума со своим неизменным иллиром,— рядом бухали сапоги конвоя. В лицо светило голубоватое солнце Плеяд, назад, покачиваясь в такт шагам, падали полуденные синие тени.

Те же тени падали от солдат. Бух, бух, бух! — похоронно отдавался в ушах размеренный топот ног. Преисполненный долга офицер, сурово держа полусогнутую руку на кобуре бластера, украдкой слизывал с губы солоноватые капельки пота. Несмотря на жару, ему, как и солдатам, нравился чеканный строй, железная спаянность всех движений, сознание своей общности, превосходства и власти над побежденными, каждый мысленно уже попирав миры, которые им вскоре были обещаны. И это же ощущение всеислия делало их сейчас снисходительными к тем, кого они уже повергли, как может быть снисходительным и даже добродушным человек к тем, кому он из милости дарует свободу, прекрасно зная, что отныне все и так будет принадлежать ему. Муштра, повиновение, строгости — все, все было не зря, все вот-вот должно было оправдаться! Черные противобластерные латы матово отсвечивали при движении; и под этой броней, которая делала солдат похожими на рослых, поднявшихся на ноги муравьев, ровно и горделиво бились сердца вчерашних мальчишек и завтрашних повелителей, посторонняя мысль лишь изредка нарушала ритм этого слаженного биения.

Отборные из отборных шли, неторопливо чеканя шаг.

Совсем уж ничтожными муравьями они могли бы показаться самим себе, когда их строй втянулся в глубину космодрома и над ними нависли громады эстакад, башни мезонаторов и геоконков, магниторельсовые пути, над которыми там и здесь возвышались корабли звездной эскадры. Но нет, всеподавляющее величие техни-

ки отозвалось в них смутной гордостью за боевой флот, а подсознание обрадовалось теням, которые протягивались от всех громад и сулили относительную прохладу. Лица даже слегка оживились, когда всех накрыла глухая тень эстакады.

То же облегчение, казалось, испытали и пленники. Антон смахнул с лица пот, Лю Банг, не замедляя шага, принялся раскуривать свою трубку, Ума рассеянно тронула стуны иллира.

— Жаркая, однако, у вас планета,— заметил Антон.

Его слова остались без ответа, ибо солдаты ни на минуту не забывали, кто они, но общая для всех прохлада тени, ее мимолетная приятность вызвали одинаковое ощущение у всех, и обыденная фраза Антона пробудила невольный отклик. Возможно, солдаты и удивились бы, обнаружив в себе этот чуть сблизивший всех отклик, но Антон знал, что он обязан возникнуть и действительно возник.

Чуть слышней стали звуки иллира, столь необычные здесь, что слух сам собой напрягся в удивлении и безотчетном ожидании дальнейшего. И ожидание не было обмануто. Тихий, рассеянный среди прочих звуков космодрома голос иллира звучал эхом отрывочных и неясных чувств, которые сами собой скользят в душе музыкантши, но в нем был тот же хрупко объединивший всех отзвук на беспощадную жару, на желанность отдыха и прохлады, когда можно расслабиться и скинуть мундир, перестать быть носителем долга, железной частицей спая, и еще в нем билась тоска и досада на невозможность всего этого сейчас, здесь. Разумеется, никакой самый пронизательный рассудок ничего этого не вывел бы из мелодичных якобы разрозненных звуков, они действовали безотчетно, и в этом была сила искусства.

Всего несколько секунд длилось так, затем Ума чуть слышно запела, громче, громче, на своем древнем языке, и теперь в звуках иллира и голосе возникло нечто, заставившее офицера снисходительно улыбнуться,— давняя тоска угнетенных, что ли?

— Ничего песенка,— сказал он, облизывая губы.— Ладно, давай, не воспрещено...

И Ума продолжала, только мелодия изменилась, только голос стал немного иным. Ее друзья шли молча, казалось, безучастно, их глаза не шарили вокруг в надежде на чудо; но голозы были развернуты так, что зрение их троих в совокупности охватывало всю раскрывающуюся панораму космодрома. Все возможности борьбы казались исключенными, и все же у пленников был шанс, тот крохотный и ненадежный шанс, который Антону дала одна-единственная ненаро-

ком сорвавшаяся с губ Эль Шорра фраза. И они тщательно искали этот свой шанс.

«Есть!» — мысленно воскликнул Юл Найт, и то, что его зоркие глаза увидели в отдалении, тотчас стало достоянием всех.

Громада «Решительного».

Их же, естественно, вела в другой конец поля. Ума, срывая ограничитель, до отказа повернула медитатор иллира, ее пальцы скользнули по рядам перламутровых кнопок и клавишам инструмента.

Все так же размеренно бухали сапоги, мерцали черные латы, все так же глухо, замирающе в полуденный час зноя катился шум космодрома, но теперь над всем вознеслась музыка иллира.

Сама по себе никакая музыка, никакая песня ничего не могла пересилить, но все четверо были способны составить единое целое — и они это сделали. Ничего не изменилось ни в ритме мелодии, ни в словах, которые пела Ума, и все стало иным, едва иллир каскадно усилил возникшее теперь качественно новое психополе. То была уже не просто музыка и не только песня. Так линза собирает рассеянный свет в жгучий фокус, так кристалл лазера сгущает энергию, чтобы полыхнуть ярче тысячи солнц.

Теперь все зависело от Умы, которая держала в руках эту невиданную на Плеядах силу.

Мгновение — и каждый солдат представил, увидел, услышал, пережил свое.

Все так же четок был шаг, рука офицера, как застывшая, лежала на кобуре бластера, только отряд повернул не туда, куда должен был повернуть.

Все изменилось для всех. К каждому вернулся тот миг счастья и радости жизни, доверия к ней и душевной щедрости, который в детстве ли, в юности ли был у всякого, потому что всякий хоть час, да был человеком. Теперь солдаты и сам офицер переживали это состояние вновь и так же ярко, как прежде. Волшебное искусство Умы, стократ усиленное резонансным воздействием иллира и поддержкой друзей, в каждом нашло и раздуло искру повелительного добра, и теперь, разбуженное, оно всецело внимало голосу и вело человека туда, куда он и сам бы пошел, если бы знал дорогу. Ума недаром столько дней пела на перекрестках, ища в людях потаенное, быть может, забытое и подавленное, но неистребимое.

Кто не мечтал вернуть светлое мгновение, обратить его в вечность? Теперь это осуществилось и наполнилось новым смыслом.

Одетые в форму люди шли туда, куда их звал иллир и куда их самих позвала бы совесть,

если бы она стала зрячей. И Ума чувствовала эту свою — и не свою — власть над ними, и ее влекла та же сила, что, сметая враждебное и наносное, всю накипь души, захлестывала сейчас все окрест и прокладывала людям дорогу к цели. Никто из тех, кто слышал иллир и видел пробуждаемые им образы, ни солдаты, ни посторонние наблюдатели — никто уже не мог противиться этой силе, которая жила в них самих и теперь завладела их существом.

Громада корабля приближалась. «Следом за вами стартует весь флот во главе с «Решительным», — сказал тогда Эль Шорр.

Следом. Значит, оружие Предтеч, скорее всего, уже доставлено на корабль. Ведь именно на нем оно должно было быть установлено.

Вот он, «Решительный». Вокруг, добрый признак, уже снуют погрузчики, все люки, кроме единственного, задраены, на пандусе маячит одинокий часовой.

«Только бы выдержала Ума! — молил Антон. — Только бы не ослабла ее магия!» Он сам, как и прочие, изо всех сил поддерживал девушку, и от этого напряжения его уже пошатывало. Реаморализация не могла длиться бесконечно! А еще был часовой. И вся команда. Может, не вся?

Полуденный свет Альциона, казалось, прожигал череп.

Иллир не смолкал. Шаг, ближе, ближе.

Часовой их встретил радостной улыбкой хозяина, взволнованного появлением долгожданных гостей, с которыми минуты текут легко.

Наступала, быть может, самая трудная минута. Все четверо вступили в проем люка. Теперь Ума должна была сделать едва ли возможное: ее иллир более не должен был вести солдат за собой, наоборот, их следовало оттолкнуть, заставить бежать прочь от корабля, тогда как для тех, внутри, кто мог услышать, он должен был петь по-прежнему, чтобы на корабле не возникла преждевременная тревога.

И Ума не выдержала, ее цельная натура не могла раздвоиться, в равной мере излучая мрак и свет! Мелодия споткнулась.

Едва это произошло, как лица всех потускнели, словно в солдатах выключили душевный свет, а пальцы офицера пока еще тупо и неосознанно заскребли кобуру. Торопливым движением Антон нашарил кнопку экстренной задвижки люка, — да где же это у них!!

Все заколебалось в шатком равновесии, с лица часового уже сползла улыбка, как вдруг, со свистом рассекая воздух, над пандусом взмыло черное, донельзя знакомое тело киберы. Антон беззвучно ахнул: Конек-Горбунок!

Прежде чем кто-либо успел опомниться, на солдат, на офицера, на часового, окатывая их паническим ужасом, обрушился направленный кибером инфразвуковой удар. Все горохом покатились по пандусу.

— Делайте свое дело, о прикрытии позабочусь я!

Кибер это сказал или сам Искинт? Отголосок инфразвукового удара, которого нельзя было избежать, ослеплял сознание, а этому надо, надо было противостоять! Противостоять и действовать. Ума, чье лицо страшно осунулось, взяла прежний аккорд и повела всех за собой.

Должно быть, еще никто не входил в боевой корабль вот так, с музыкой.

Гнетущая сила инфразвука отдалилась, перестала терзать мозг. Шлюз, автоматика дезинфекции в нем, понятно, отключена за ненадобностью, входная мембрана тотчас пропустила всех, — теперь быстро вперед! Мягкий сероватый свет переходов, буднично чмокающая под ногами перистальтика пола, которая здесь, как положено, отсасывала с обуви пыль и грязь планеты. В отдалении показалась чья-то спина, человек, повинувшись иллиру, вскинул голову, светлея лицом, обернулся. Лифт!

Конструкции всех кораблей, в общем и главным, схожи, законы техники, как и законы космоплавания, одинаковы для всех, кто и как ни старался бы утвердить свою особость и самость. Капсула лифта пулей вынесла всех на верхний ярус. Внутри корабля еще никто ничего не успел заподозрить, немногие встречные у лифта и в коридоре сияющим взглядом провожали Уму, которая им дарила недолгое счастье человечности. Так все четверо беспрепятственно достигли ходовой рубки, которая никогда не пустует во время полета, но почти всегда безлюдна в иное время.

Сейчас в ней не было никого.

Иллир смолк тут же, Антон едва успел подхватить разом сникшее тело девушки и сам чуть не упал. А до конца было еще далеко! Задраить рубку, живо усадить Уму, которая и в обмороке сжимала иллир. Все трое метнулись к огромному, полумесяцем, пульта, засиявшему точечными огнями, едва его коснулась опытная рука Лю Банга. Где тут что?! Взгляд привычно обегал секцию за секцией. Понятно, знакомо, можно догадаться, а вот над этим пока не стоит ломать голову — второстепенно и подождет. Заправка? Лю Банг утвердительно закивал. Порядок, предстартовая... Все сходилась. Что ж, Эль Шорр, тем более спасибо за обмолвку, ты прав: кто подстерегает случай, тому он идет навстречу, и тогда все обретает силу закономерности.

Время привычно раздвинулось, как когда-то в том городе, в той подворотне, в совсем иной реальности. Но теперь он уже не один, и все безусловно, это — подлинный, вряд ли последний, тем не менее решительный бой. Собственные, на грани восприятия, движения затуманились для Антона, так же молниеносно мелькали руки Лю Банга, Юла. Сделано, сделано, сделано. Ключ на старт! Готово. Теперь общий сигнал тревоги. Где он у них? Где этот проклятый тумблер, кнопка, рычаг, хвост змеинный или что там еще? А, вот, наконец...

— Немедленно всем покинуть корабль! Угроза взрыва! Всем немедленно покинуть корабль!!!

Так же оглушительно загремело по всему кораблю, по всем, без исключения, его отсекам и закоулкам. Антон изнеможенно упал в кресло. Возможно, рефлекс повиновения сработает не у всех, возможно, кое-кто сообразит, что никакого взрыва ходовых двигателей сейчас быть не может, но большинство, не рассуждая, наверняка уже мчится наружу. А может быть, мчатся все, — вдруг обнаружена бомба? Такое отнюдь не исключено на Плеядах. И капитан лихорадочно ищет помощников, а те — капитана, чтобы разобраться, кто и почему включил сигнал обшей тревоги.

Да, вот уже и здесь замигал огонек вызова...

Антон торжествующе улыбнулся. Поздно, поздно! Обзорный экран показывал, как все тараканами разбегаются по полю. Пожалуйста, капитан, нервничайте, выясняйте, можете даже остаться — встретимся уже в полете, милости просим... На космодроме, видать, крошечная паника, но даже если кто-то обо всем догадался, то ведь надо еще поверить в невероятное, оповестить высокое начальство и — хвала иерархии! — согласовать решение. Вот так, вашим вас же!

Только бы не промедлить. Где этот кибер, неужто глупышка не сообразит?!

Лю Банг и Юл уже сделали все, что им положено было сделать, лицо Юла кривилось нетерпением. Рука Антона замерла над пультом. Одно движение пальца, но какое? Можно сразу включить маршевые двигатели и скользнуть за атмосферу, так куда безопасней. Но тогда все вокруг будет сметено, и от тысяч людей не останется даже пепла.

Рука опустилась на пульт. Антон, как положено, стал поднимать корабль на планетарной тяге. Ощерившийся всеми средствами уничтожения космодром невыносимо медленно стал уходить вниз. Антон вдруг весело и дерзко подмигнул побелевшему от напряжения Лю Бангу.

И тотчас всем передалась его задорная мысль. Собыют? Что ж, сбивайте, если не жалко оружия, которым вы собирались покорить мир. Вы не знали, как мы можем драться? Теперь знаете.

«И ведь не решитесь,— ликующе додумал Антон.— Знаете, какова мощь оружия и что останется от ваших Плеяд, если оно взорвется...»

Ныли двигатели, словно занозу, выдирая корабль из толщи атмосферы. Пора!

Антон включил маршевый двигатель, и словно чья-то исполинская рука мгновенным рывком окончательно выдернула эту ядовитую, но теперь уже безвредную занозу и выбросила ее в бескрайнее пространство звезд и галактик.

Все противоперегрузочное устройство не могло до конца смягчить стремительный рывок и тем не менее, преодолевая тяжесть, Юл победным движением вскинул налитые свинцом руки. По лицу Лю Банга растеклась улыбка, запрокинутая голова Умы шевельнулась, отяжелевшие веки открыли ее затуманенный, но уже осмысленный взгляд, губы чуть слышно прошептали:

— Люди?..

— Все в порядке,— хрипло проговорил Антон.

Нет, еще не все было в порядке. Отнюдь не все! Затрудненным движением Антон сбавил перегрузку и, судорожно вздохнув, нажал кнопку интеркома.

— Конек-Горбунок, ты с нами, ты жив?!

— Нахожусь за переборкой,— бесстрастно донеслось из интеркома.— Готов выполнить ваш приказ.

— Кибера забыли! — Юл вскочил и на негнущихся ногах поспешил к двери.— Входи, малыш...

Черное тело кибера скользнуло в рубку, и тут какая-то давняя, смутная, в сомышлении с Искинтом когда-то возникшая картина всплыла в памяти Антона: помещение незнакомого корабля, он сам с друзьями и кто-то еще непонятный, то ли человекозверь, то ли...

— Готов выполнить ваш приказ,— повторил кибер.

Верно ли, что машина не способна улыбаться?

— Знаешь, друзьям ведь не приказывают,— весело проговорил Антон.— Но если не в службу, а в дружбу, то можно всем по чашечке кофе?

Всеволод РЕВИЧ

«ЭТО НЕ УТОПИЯ, А СОВРЕМЕННОСТЬ...»

С именем выдающегося чешского писателя Карела Чапека, помимо тех двух памятных дат, что указаны нами в январском номере [95-летие со дня его рождения и 65-летие пьесы «R. U. R.», из которой шагнуло во все языки мира общеизвестное ныне слово «робот»], связан еще один юбилей: прошло полвека с тех пор, как в пражской газете «Лидове новины» начал печататься его роман «Война с саламандрами».

«Критика сочла мою книгу утопическим романом, против чего я решительно возражаю,— так высказался Чапек о своем самом, по-видимому, значительном произведении.— Это не утопия, а современность. Это не умозрительная картина некоего отдаленного будущего, но зеркальное отражение того, что есть в настоящий момент и в гуще чего мы живем...»

«Настоящий момент», о котором говорил писатель, и впрямь обернулся для человечества войной. Второй мировой войной. Казалось бы, она давно позади — кровавая бойня, развязанная германским фашизмом; буквально только что мы отметили сороковую — уже сороковую! — годовщину Великой Победы над полчищами новых вандалов. Но канул ли в прошлое — вслед за отразившейся в нем эпохой — и роман Чапека?

Об этом — размышления критика-фантастоведа.

На вопрос, есть ли у саламандры душа, Бернард Шоу ответил так: «Души у них, безусловно, нет. В этом они схожи с человеком». В действительности Шоу ничего такого не говорил. Этот афоризм придумал за него Карел Чапек, точно скопировав парадоксальный и язвительный стиль высказываний великого драматурга. Чтобы так пародировать, надо иметь равновеликий талант.

Слова эта, вмонтированная в роман Чапека «Война с саламандрами», характерна и для стиля самого романа, в значительной своей части представляющего собой коллаж из научных (якобы) трактатов и речей политических деятелей, из протоколов международных конференций и заседаний акционерных обществ, из уличных транспарантов и газетных вырезок, вымышленных, конечно, но воспроизводящих фразеологию и образ мышления журналистов, бизнесменов, политиканов с максимальной сатирической доподлинностью.

Тема наступающей бездуховной силы возникла в творчестве Чапека не впервые, тут прежде всего надо вспомнить его знаменитую пьесу «R. U. R.», где он вывел на сцену искусственных человекоподобных существ — роботов. Роботы символизировали у Чапека стихийность, неуправляемость капиталистического производства, которое в погоне за прибылями принципиально не способно задумываться над последствиями своих действий, что в данном случае выражается в неконтролируемом увеличении количества таких, казалось бы, послушных, безропотных,

небастующих тружеников. И кончается это полной катастрофой.

Ту же роль выполняют у Чапека гигантские саламандры, случайно открытые в затерянной тихоокеанской бухте одним моряком-авантюристом, который с помощью дальновидного дельца приспособил смысленных креатур для невинного занятия — добывания жемчуга в обмен на ножи и другие полезные для энергичных морских уродцев предметы. Саламандровая компания процветает, но вскоре события начинают развиваться по собственным законам, неостановимый маховик большого бизнеса набирает обороты. Отброшены и забыты идиллические методы капитала ван-Тоха и его уже никому не нужный жемчуг, саламандры оказались дешевой и выгодной рабочей силой, ими торгуют, их варварски эксплуатируют. Зачем, в самом деле, с ними стесняться, если можно руководствоваться лозунгом «Саламандры — это саламандры» точно так же, как прежде говорили: «Негры — это негры»? Через непродолжительное время саламандры начинают потихоньку снабжать оружием в близорукой надежде, что они будут пользоваться им лишь по указке своих благодетелей. Словом, повторяется история с роботами, только за саламандрами прочитывались гораздо более конкретные политические реалии предвоенной Европы. Саламандры многочисленны и организованы, они не обременены совестью, сентиментальностью, высокими идеалами и прочей чепухой, зато твердо знают, чего хотят. А хотя они прежде всего жизненного пространства — и бесцеремонно отнимают его у людей, но очень тревожась об их судьбе. Нетрудно догадаться, кого имел в виду писатель, создавая столь развернутую метафору агрессивного и бездуховного зла. Ритуальные танцы чапековских амфибий прямо перекликаются с факельными шествиями гитлеровских молодчиков, занимающих позиции перед общеевропейской бойней. Недаром в финале романа появляется Верховный Саламандр — между прочим, человек, фельдфебель в прошлом, о чем как бы походя замечает автор; своими повадками, хриплым голосом, циничными действиями Верховный Саламандр разительно напоминает бесноватого ефрейтора.

Но, может быть, самое главное в этой картине то, что вооружают саламандр, кормят их, снабжают взрывчаткой сами люди. Даже после того, как саламандры в буквальном смысле слова принялись топить человечество, синдикаты, тресты и правительства не перестают их «обслуживать». Некий Икс (под которым писатель подразумевает прежде всего самого себя) пытается призвать правительства к разуму.

«Безумцы, перестаньте, наконец, кормить саламандр!.. Сама природа управится тогда с излишком саламандр! Только бы люди, человеческая цивилизация и человеческая история перестали работать на саламандр.

И перестаньте поставлять саламандрам оружие.

Запретите снабжать их металлами и взрывчатыми веществами, не посылайте им наших машин и наших изделий. Ведь вы не станете поставлять зубы тиграм и яд змеям; не станете подогревать огнедышащий вулкан или разрушать плотины, чтобы открыть путь наводнениям!..»

Но когда это голоса разума доходили до власть предержащих? Утопая в бесконечных словопроениях, европейские правительства в романе Чапека пытаются откупиться от земноводных агрессоров, подсовывая им для разрушения «малоценные» страны вроде Китая; мнения китайцев, естественно, в расчет не принимались. Прошло очень немного времени — и на позорной мюнхенской сделке западные державы таким же образом выдали Гитлеру на растерзание Чехословакию, доказав, насколько верен был чапековский прицел. В марте 1939 года, оккупировав чешские земли, эсэсовцы пришли за Чапеком: по своему саламандровому невежеству они не знали, что

писатель умер за несколько месяцев до вторжения...

Если бы, однако, «Война с саламандрами» ассоциировалась только с фашизмом и политической обстановкой середины тридцатых годов, роман имел бы сегодня лишь исторический, хотя и очень существенный интерес. Но в том-то и могущество классики, что новые поколения обнаруживают в ней все новые и новые слои, о многих из которых не могли подозревать и сами авторы. Социальный анализ чапековской сатиры был настолько глубок, что оказался верным на все времена. И сегодня памфлет Чапека порождает своей злободневностью. Если в те годы саламандры — для ликвидации целых стран — обошлись обыкновенным динамитом, то уж с атомной взрывчаткой бездушные существа с пустыми лягушачьими глазами сумели бы развернуться вволю. Новым по сравнению с чапековскими временами стал, правда, тот факт, что в огне этих взрывов погибнут и сами нажавшие кнопку, как бы их там сегодня ни называли. Но даже это не останавливает безумцев: фигурально выражаясь, саламандры продолжают подкармливать и вооружать.

Где же выход и есть ли он вообще? Не будем сейчас отвлекаться от литературы и переводить наши размышления к той реальной борьбе за мир, которая сейчас ведется во всем мире. Видел ли выход чешский писатель, гуманист и антифашист?

Доводя события в своем романе до того момента, когда авангардные отряды саламандр по водным путям проникли за горные хребты центральной Европы, так что отступить от них не удастся нигде и никому, Чапек опускает занавес, последний акт мировой трагедии нам не показан. Вместо этого в заключительной главе, названной «Автор беседует сам с собой», Чапек в диалоге со своим внутренним голосом намечает некоторую надежду для остатков человечества: логика событий должна привести к тому, что амфибии-победители непременно передерутся между собой — такова уж натура агрессоров.

Это, конечно, не полный пессимизм, но и торжеством оптимизма не назовешь. Неужели Чапек не видел никаких реальных сил, способных оказать сопротивление наглым и бесчеловечным саламандрам? Пытаясь ответить на этот вопрос, нельзя не обратить внимания на одну особенность романа. В нем упомянуты и по большей части «задействованы» все основные страны, определявшие в то время политическую карту мира. Среди них нет только одного государства — Советского Союза.

Отношение Чапека к нашей стране было сложным, противоречивым. Хотя многие идеи социализма были ему близки и дороги, но как буржуазный интеллигент он не разделял концепции диктатуры пролетариата, не верил в революционное творчество масс. Вместе с тем он не мог не видеть, что спасение Европы как от реальной коричневой чумы, так и от придуманных им саламандр может заключаться только в системе коллективной безопасности, за которую как раз и ратовал Советский Союз.

Не разрешив этих противоречий, писатель оставил финал своего произведения незавершенным.

Это, однако, не помешало роману Чапека стать солдатом той армии, что выступает против всяких нелучших порождений человеческого общества вроде империализма и милитаризма, равно как и против буржуазной ограниченности, посредственности, серости, обольщивания широких масс. И в этом своем качестве «Война с саламандрами» честно стоит в строю и по сей день.

Борис МЕЩЕРЯКОВ

ЯМСКАЯ, ДОМ 2...

В героическую историю общественной жизни Урала вписаны сотни и тысячи имен замечательных людей — революционеров, ученых, деятелей культуры и искусства. Среди них — член партии с 1897 года Федор Федорович Сыромолотов, один из пионеров социал-демократического движения на Урале в конце XIX — начале XX столетия, активный участник трех русских революций, видный общественный деятель. Он был в числе тех первых большевиков, кто создавал Советскую власть на Урале.

Летом 1912 года Федор Сыромолотов вынужден был покинуть Екатеринбург. С женой и малолетней дочкой он выехал в Петербург.

Однажды во время прогулки в Летнем саду Сыромолотов, к своей большой радости, встретил друга — «Константина». Хотел было броситься навстречу, но тот движением руки к своей черной бороде и прищуром глаз просигналил: «Спокойно!» И, медленно пройдя мимо семьи Сыромолотова, вполголоса сказал Федору:

— Завтра в десять утра на Разъезжей, десять, квартира четырнадцать.

Кое-как дождался утра. Садился за письменный стол, но не работалось. Курил одну папиросу за другой. Вышагивал из угла в угол небольшой комнатки. Вспоминал революционные дни пятого года в Екатеринбурге, когда он под руководством «Андрея», вместе с «Лукой», «Константином» и другими большевиками вел дело к вооруженному восстанию в городе. «Константин» — это Николай Николаевич Батурич...

В девятьсот шестом, спасая «Константина» от неизбежного ареста, уральцы отправили его из Екатеринбурга в Воронеж. С тех пор Федор ничего не знал о нем.

Утром, задолго до назначенного часа, Федор пошел к другу. Долго кружил по улицам и закоулкам, опасаясь «хвоста». Наконец, вышел на Разъезжую, нашел нужный дом, квартиру и с волнением покрутил звонок. Дверь распахнулась, и к нему с распростертыми руками бросился Батурич:

— Федич! Дорогой...

За чаем проговорили почти до конца дня. Оказалось, что Батурич с шестого по двенадцатый год побывал в Воронеже, Екатеринбурге, Нижнем Тагиле, за границей. Несколько раз сидел в тюрьмах. Был партийным организатором, пропагандистом и журналистом, а в декабре восьмого года участвовал в работе V общероссийской конференции РСДРП, в Париже. В последние же годы трудился в большевистской легальной газете «Звезда», а вот теперь сотрудничает в «Правде»...

Разговору, казалось, не будет конца. Но Федор заметил, что Николай Николаевич стал часто поглядывать на маленький столик, где лежали какие-то бумаги:

— Заговорились мы с тобой, дружище. А мне завтра статью в номер сдавать, — улыбнулся Батурич.

— Ну ладно, договорим в другой раз.

— Приходи завтра в редакцию. Ямская, дом два, хотя в газете пока адрес указывается другой...

Ямская оказалась крохотной улочкой с извозчичьим трактиром и баней для простого люда. Кругом грязь, серость и людская суета. Редакция «Правды» разместилась в неказистом двухэтажном домишке.

Поднявшись с улицы на несколько выщербленных ступенек вовнутрь дома и пройдя узкий, плохо освещенный коридор, Федор очутился в небольшой комнате. Его приветствовал озабоченный чем-то Батурич:

— Заходи, заходи, Федич! Приветствую тебя!..

— Ну и дом же вы себе выбрали!

— А что? Дом знаменитый. Здесь жил великий Достоевский. Тут он «Братьев Карамазовых» написал. Это, во-первых, а во-вторых, и в плохом доме можно издавать хорошую газету!

— Это верно. Я так понимаю, что сей дом на куриных ножках еще знаменитее будет, — засмеялся Сыромолотов.

— Вот именно, — подхватил Батурич. — Здесь родилась и крепнет первая, ежедневная, — и он с

ударением параспев добавил: — легальная, рабочая газета всей России. Это понимать надо!

В редакцию вошел плотно скроенный, среднего роста мужчина. На нем потертая черная в полоску костюмная пара, картуз и обшарпанные штiblеты. Под картузом ворох черных волос. В зубах — дымящаяся трубка.

Федор не поверил глазам своим — перед ним стоял Константин Еремеев, с которым он три года назад сидел в «Коломенской части», когда был расшифрован из «Орловского» в Сыромолотова...

— Еремеев! Ты ли это?

— Не сомневайся, Федя! Я — собственной персоной! Здорово, пан Орловский! — весело крикнул он, тиская Федора в своих объятиях.

— Вот и встретились. Помнишь Коломенку?

— Помню. Как не помнить. А ты какими судьбами здесь?

Батурин, улыбаясь, слушал восклицания друзей и потирал руки:

— Нашего полку прибыло... Работать у нас будет.

— И, конечно, в моем отделе, отделе рабочего движения, — утвердительно сказал Еремеев.

— На этом и порешим, — согласился Батурин. — Ты, Федич, не возражаешь?

— Нет, не возражаю.

Так Федор Сыромолотов стал сотрудником «Правды»...

Спустя много лет — в день десятилетия «Правды» — Сыромолотов писал:

«...Хожу в редакцию. Народу околачивается тьма. Костяведет рабочую хронику. У него особенно густо.

Надавливаем на сборы. Подымаются. Тираж растет. Розница кое-что дает. Редакция правильно работает: сходятся, намечают, подтягивают.

Сталин спокойно — с насмешливой улыбкой в ус — кратко, но ясно дирижирует. Ждут с нетерпением статей из-за рубежа от Ильича и других...

Н. Батурин слоняется маятником из комнаты в комнату или мерно покачивается, расхаживая из угла в угол приемной комнаты. Иногда появляется цветущий кудрявый Макс Савельев. Сосновский с усталым видом приносит материал и делится впечатлениями о жизни рабочих в районах.

А. Сергеев с веселыми, острыми глазами и милейшей улыбкой читает свои ядовито-веселые шаржи на кадетскую и иную буржуазную публику.

И бесконечная лента всяческого народа, в которой, спокойно настроившись, устраивает дела Костя Еремеев и взволнованно бегаёт то удрученный на всю жизнь, то ярко улыбающийся...

Полетаев вечно занятый, с оскаленной улыбкой, махающий рукой, обремененный денежными делами. Всегда куда-то спешит, кого-то ищет.

Газета небольшая. На этой небольшой газетной площадке идет бой за завоевание и расширение этой трибуны, находящейся под жестоким ежеминутным натиском в миллион раз лучше нас вооруженных врагов.

Величавая картина грандиозной борьбы подымающегося после разгрома за последние семь лет пролетариата. Борьба за каждый лист бумаги, где кровью своего сердца и соком своих нервов передовой авангард революционного рабочего класса чеканит новую страницу борьбы в каждом слове, в каждой фразе...

Россия в ту пору готовилась к выборам в IV Государственную думу, назначенным на осень 1912 года.

В ходе этой избирательной кампании принял посильное участие и Сыромолотов. «Моя специальность, — вспоминал в советские годы Федор Федорович, — была обстреливать в фельетонах черносотенцев, октябристов и кадетов... Факты прут наружу. Умей подхватить...»

Над своим первым стихотворным «маленьким фельетоном» для «Правды» Федор трудился не один день. Решив раскритиковать руководителей кадетской партии, он долго искал композицию фельетона и, наконец, нашел: представил Милюкова, Шингарева и Родичева за столом, заставленном яствами и бутылками с иностранными этикетками. Обильно подвыпив, кадетская компания откровенно разговорилась об избирательных делах... И Федор «выдал» всю подноготную кадетской партии, «вложив» суть кадетской тактики в уста ее лидера — Милюкова, редактора газеты «Речь».

Милюков поучал своих соратников, как вести себя на предстоящих выборах собраниях:

Доверчив был всегда к нам
обыватель.

Умей к нему с слезой вовремя
подойти.

Поверит он тебе, что ты его
приятель...

И смотришь — бог даст! —

родится избиратель...
Умейте делать вид, что весь
вы от души...

На другой день, читая свежий номер газеты, товарищи по редакции от души смеялись:

— Ну и подкузьмил ты, Федич, кадетов!

Работал Федор охотно и радостно. За первые

две недели работы в редакции он опубликовал в «Правде» семь стихотворных фельетонов и едких басен за той же подписью — «Зигзаг», как подписывал свои вирши в Самаре.

Очередной фельетон, который Федор готовил в начале октября, был посвящен неудачам кадетов на выборах. В нем он саркастически осмеивал Милюкова и правого кадета Маклакова.

Прочитал этот фельетон один из редакторов — Степан Степанович Данилин — и пригласил к себе автора:

— Послушай, Федор Федорович. Ты опять подписываешь свой фельетон «Зигзагом»! Надо же! Взад-вперед, влево-вправо. Срамота какая-то. Кроме того, в «Петербургском листке» кто-то подписывает свои стихи «Зигзой». А ты «Зигзаг». Подумай!

Федор пожимал плечами и не знал, что ответить редактору.

— Тут все говорят: Федич подкузьмил, Федя подкузьмил... Не следовало ли тебе подписываться «Подкузьмихиным» или каким-нибудь «Титом»?

Федор улыбнулся:

— Все ясно, Степан Степанович. С сегодняшнего дня по вашему совету я буду «Титом Подкузьмихиным»!

На «Правду» сыпались карательные удары: ее штрафовали, конфисковывали отдельные номера, прятали в тюрьму редакторов — и всамделишных, и подставных, — выслеживали и притесняли сотрудников газеты. Особенно свирепствовала цензура. Однако драконовские меры не останавливали правдистов. Почти все номера газеты, несмотря на частую конфискацию, доходили до рабочего читателя. Делалось это очень просто: по уставу газета доставлялась цензору, как только с машины сходил первый экземпляр. Посыльный уносил газету в цензорский комитет.

Посыльным был семидесятилетний сторож Матвей — хитрющий дед. Из типографии к цензору — с Ивановской улицы до Чернышева переуллка — он ходил пешком, на что тратил часа полтора-два. Устав с дороги, он «отдыхал» в цензорском комитете и зорко наблюдал, чем закончится читка свежего номера. Если цензор, дочитав «Правду», принимался читать другую газету, дед Матвей спокойно уходил. Если же чтение «Правды» заканчивалось телефонным звонком в третий участок полиции, то Матвей забывал о своей помощи, пулей вылетал из комитета, нанимал извозчика и во весь дух мчался в типографию. А у ворот типографии всегда стоял дозорный правдист. И как только на углу Ивановской и Загородного переуллка появлялся Матвей на пролетке, в типографии начиналась самая

спешная и горячая работа: отпечатанная газета немедленно развозилась и разносилась распространителями печати — они с ночи дежурили в типографии. И когда появлялась полиция, печатная машина уже не работала, а в экспедиции было пусто. «Для протокола» оставлялось лишь экземпляров 30—40. Почти такое же количество полиция «улавливала» в конторе газеты. Вот так и действовали правдисты!..

Редакции «Правды» стало известно, что возле типографии — в чайной — установлен полицейский наблюдательный пункт и в нем постоянно «пьют чай» одни шпики, а под видом уличных торговцев дежурят другие.

Пришлось официальному издателю «Правды» Николаю Гурьевичу Полетаеву срочно подыскивать новое помещение для редакции. И вскоре она была найдена — на Ивановской, одиннадцать — напротив типографии Березина, ворота в ворота.

Квартира была эта очень маленькой. Поэтому подыскивали еще одну — на Загородной улице, в шестом доме...

Избирательная борьба между тем с каждым днем все более накалялась. Подкузьмихин продолжал писать озорные фельетоны. «Мишенями» его сатиры были те же: Гучков, Милюков и иже с ними, особенно Пуришкевич — глава черносотенной, монархической организации «Палата Михаила Архангела».

В фельетоне «Свои съезжаются», опубликованном 2 ноября в «Правде», Федор зло высмеял посланца помещиков Бессарабской губернии в Думу. В конце этого фельетона он так изобразил сцену встречи Пуришкевича с рабочим депутатом:

Пуришкевич:
А ты, тоже трудовик?

Депутат:
Помилуй бог!
Своей я собственной породы.
Хлебнул поэтому порядком
в эти годы...

Пуришкевич:
Прекрасно вижу, свой
Ты человек —
Отличнейший мужик!

Депутат:
Ну, голова!..
Во-первых, я эсдек,
Второе — большевик.
Смекнул?

Пуришкевич:
Ты большевик?
Колодник!
Карраул!

Через несколько дней после публикации фельетона о Пуришкевиче в редакцию «Правды» зашел депутат Государственной думы от большевистской партии Григорий Иванович Петровский и, смеясь, сообщил, что «Митрофанушка» — так звали Пуришкевича большевики — грозитя повесить Подкузьмихина на самом высоком фонаре Санкт-Петербурга.

Петровский рассказал правдистам, что на днях социал-демократических депутатов Думы подвергли унижительной процедуре — почти принудительному фотографированию под руководством урядника. При этом полицейский с депутатами-социалистами обращался по-хамски.

«Это же отличная тема для фельетона», — подумал Федор и хотел пойти домой, чтобы немедленно приступить за новый фельетон. Он всегда писал дома: никто не мешал. Но в этот момент в редакцию вошла группа жандармов.

— Господа! Прошу всех оставаться на своих местах и предъявить паспорта, — вежливо и негромко произнес ротмистр.

— На каком основании? — вспыхнул Петровский. — Я протестую!

— Вот ордер на обыск и, в случае необходимости, на арест подозрительных лиц... А что касается вас, Григорий Иванович, то за вами право неприкосновенности и свободы действий несомненно остается...

Жандарм повернулся к своим и приказал:

— Господина депутата Государственной думы не беспокоить! Приступайте к обыску!

Жандармы стали рыться в ящиках столов и на полках. Ротмистр проверял паспорта...

Федор молча наблюдал за проворностью жандармов, а когда ротмистр попросил у него паспорт, сказал:

— Здорово они у вас натренировались, — кивнул в сторону жандармов.

Ротмистр пристально посмотрел на Сыромолотова:

— Видно, смелости вам не занимать, молодой человек. Уж не вы ли Тит Подкузьмихин?

— У нас в редакции все так же, — уклонился от ответа Федор...

Обыск вскоре был окончен. Паспорта проверены. Ротмистр объявил:

— Господа большевики! Газета ваша закрывается и только после уплаты штрафа будет решен вопрос о ее дальнейшей судьбе.

Он назвал такую сумму денежного штрафа, что все ошеломленно переглянулись.

— Это самоуправство!.. Жандармский произвол!.. Возмутительно!

— Напрасно вы так выражаетесь, господин депутат, — издевательски заметил ротмистр Пет-

ровскому. — Скажу больше: газету вообще ликвидируют, если в течение двух дней штраф не будет уплачен... И все это — на законном основании! Повторяю — на законном!

— Ну, хорошо! — резко ответил побледневший Петровский. — Пишите расписку, господин ротмистр. Я уплачу этот штраф из своих личных сбережений.

Григорий Иванович из внутреннего кармана пиджака достал пачку денег и, отсчитав три-четыре ассигнации, остальные тут же отдал жандарму.

Лицо ротмистра покрылось фиолетово-красными пятнами: он был обескуражен, никак не ожидал такого исхода своей государственной миссии...

Когда жандармы ушли, Федор спросил Петровского:

— Откуда, Григорий Иванович, у вас такая куча денег была?

— Была, была! Черт их возьми, живодеров этих! — возмущенно ответил Петровский. — Только что получил от рабочих эти деньги, собранные для «Правды». И все псам под...

Всю ночь просидел Федор над задуманным им новым фельетоном — десяток раз переделывал, припоминая рассказ Петровского. К утру получилось:

Приемная Государственной думы.
Впускают по одному депутату.
Фотограф. Приборы для соответствующих измерений.

Фотограф:

Прошу присесть, вот так,
поближе к свету...

Депутат:

Оставьте вы манеру эту!..
Я знаю сам, где сесть,
куда идти...

Фотограф:

О, господи, прости!..
И с каждым так...

умора!

Из-за взора — сколько
разговора...

Известно мне — вы депутат
И значит — милости прошу
под аппарат...

Сидите смиренно! Не кривляйтесь!
Глаза направьте в одну точку!
Оправьте у пенсне цепочку!
Мигать нельзя...

Депутат:

Нахальство..
Я должен буду по начальству...

Фотограф:

Начальство и над вами есть...

Прошу присесть!

Не хочется? Насильно

мил не будешь.

И с вами вежливость,

Пожалуй, позабудешь:

Придется пристава сюда нам

пригласить.

Пристав:

Как вам не стыдно нас-то

подводить!

Не знаете вы здешние порядки:

Обмерить голову, снять с пальцев

отпечатки,

Два раза снять и отпечатать

вас

И в профиль да и в фас.

Работы много — платят

с головы!

А времечко идет... подводите

вы нас. Эх вы!..

Концовку фельетона Федор еще раз переделал уже в редакции, добываясь остроты обличения и политического звучания сатиры: весь процесс фотографирования проходил как при приеме арестантов в тюрьму. Он вложил в уста фотографа суть царских «политических свобод», намекая на аресты и ссылки социал-демократических депутатов.

Подумаешь, какие фразы!

Сегодня — депутат, а завтра —

в арестанты!..

А вслед за этим сам собой возник и заголовок фельетона — «Партию принимают» — прием партии в тюрьму или в ссылку...

Читая этот фельетон и подобные ему, рабочие и крестьяне неизбежно приходили к выводу: чего же можно было ждать народу от такой, с позволения сказать, Государственной думы? Ничего!.. Ничего не хотели делать для трудящихся и городские управы, создаваемые по тому же политическому методу, образу и подобию...

Поэтическая публицистика, в области которой трудился Федор Сыромолотов, была традиционным боевым оружием большевистской печати. И именно поэтому в «Правде» — с первого дня ее существования — сгруппировались десятки пролетарских поэтов: Сергей Ганьшин, Михаил Герасимов, Филипп Шкулев, Владимир Зеленский, Александр Соколов и многие другие, особое место среди которых занимал Ефим Придворов — Демьян Бедный.

Со многими рабочими поэтами «Правды»

1912 года Сыромолотов был хорошо знаком, а с некоторыми из них — дружил. И эта дружба подерживала в нем стремление заниматься и дальше поэтическим творчеством. Острый язык и политическая актуальность его стихотворных фельетонов всегда хорошо воспринимались и одобрялись читателями.

Публиковался Сыромолотов не только в «Правде», но — под псевдонимами «Нил Артельный», «Фич», «Федич», «Тит» — и в других большевистских изданиях.

Активное участие в «Правде» и в других большевистских изданиях сплошь и рядом было безвозмездным; редакции были настолько бедны, что гонорар авторам платили от случая к случаю. И Федор Сыромолотов в течение сентября — ноября 1912 года получил гонорар лишь два раза, да и то очень маленький. Жить в материальном отношении приходилось нелегко. Зато Федор был доволен, что работает в рабочей, большевистской газете... Это была жизнь-борьба, жизнь-опасность...

В ноябре 1912 года его жена была раздавлена автомобилем. Полиция объяснила просто: произошло недоразумение — разгулявшийся купец случайно наехал на зазевавшуюся прохожую. Однако Федор Федорович и его товарищи тщательно проанализировали это трагическое происшествие и пришли к другому выводу: черная сотня начала мстить Титу Подкузьмихину за его «маленькие фельетоны». На чем основывался этот вывод? Во-первых, узнали подлинное имя Подкузьмихина. Во-вторых, около дома, в котором жила семья Сыромолотовых, постоянно «прогуливались» подозрительные типы. И в-третьих, на квартиру Федора однажды была подброшена бумажка с нарисованным на ней черепом...

Стали говорить о спасении Федора... Придумывали различные варианты, вплоть до эмиграции. Но дело осложнялось тем, что у Сыромолотова на руках осталась трехлетняя дочка, расставаться с которой он решительно не хотел.

Выход из создавшегося положения предложил Лев Сосновский:

— Поезжай-ка, Федич, в Оренбургскую губернию. У меня там брат в Троицке газету издает. Я дам тебе рекомендацию-письмецо к братальнику...

— А что — выход вроде неплохой! — подтвердил Батурия. — Подумай, дружище. Устроишься в местную газету и будешь проводить нашу правдистскую линию...

В конце двенадцатого года Федор Сыромолотов с дочуркой выехал на Урал и в рождественские морозы прибыл в уездный Троицк...

ПАМЯТЬ НЕ РАССТРЕЛЯТЬ

Равиль ЕНАКАЕВ

Живет в городе Соль-Илецке Оренбургской области память о татарском поэте-герое Мусе Джалиле, замученном фашистами. Именем его назван Дом культуры, юные следопыты собирают материалы о погибшем поэте. В районном краеведческом музее многочисленны экспонаты рассказывают о жизни, творчестве, подвиге Мусы. До сих пор живут в городе и люди, знавшие Мусу Джалиля...

Казалось, мирным дням не будет конца... Начало 20-х годов, Муса Залилов (Муса Джалиль) — студент Восточного института народного образования в Оренбурге. Здесь-то он и подружился с уроженцем Соль-Илецка — Зиннатом Абдрашитовым. Позднее они вместе работали в губкоме комсомола. Общие интересы, одни заботы более сблизили друзей.

...Муса Джалиль уже тогда публиковал свои стихи в газетах и журналах, его пьесы были известны сельчанам. Участвовал он и в отрядах ЧОНа по борьбе с белобандитами...

Муса и Зиннат иногда и редкие дни отдыха проводили вместе. В Илецкую Защиту (так раньше называли Соль-Илецк) привез Зиннат своего друга в один из июньских дней 27 года. Этот город «хлеба и соли» — как называл его Муса — встретил его радушно, не говоря уже о родителях Зинната. Жили они на Песчанке, у подножия Гипсовой горы.

Муса восхищался всем: соленым озером, где человек мог спокойно, лежа на его поверхности, читать книгу, а утонуть и при желании было невозможно. Его интересовал этот уникальный водоем, его чудодейственные свойства.

— Никаких дальних курортов не надо, — возторгался он. — Вот он курорт! Приезжай почаще, и ревматизм как рукой спимет...

С Гипсовой горы виден был чуть не весь город и его окрестности. Муса облазил и небольшую пещеру, осмотрел ее, в ней было холодно и таинственно. Люди, живущие на крутой стороне горы, нередко приносили туда на хранение продукты.

Все было необычно для восторженного Мусы. Он то и дело восклицал: «Красота-то какая! Я такого еще нигде не видел».

У Гипсовой горы нередко собиралась моло-

дежь отдохнуть, повеселиться. Не умолкала саратовская гармошка с колокольчиками, на которой наяривал Рахматулла, брат общего знакомого наших друзей — Рахимова.

Веселье неизменно заканчивалось горячими спорами о месте человека на земле, о строительстве нового общества. Муса, как представителю губкома комсомола, приходилось отвечать на многочисленные вопросы.

На Гипсовой горе Муса побывал и на мельнице по просообдиру. По тем временам она была современной, с двигателем. Здесь поэт познакомился с плотником Григорием Бравичевым. Кстати, теперь Г. А. Бравичеву более девяноста лет. В 18-м году он вступил в Красную Армию, в Илецкий отряд, был депутатом Совета первого созыва города Илецкой Защиты. Он живет в Соль-Илецке по сей день, нередко выступает с воспоминаниями о гражданской войне, о встречах с Мусой Джалилем.

Любознательности Мусы Джалиля не было предела. Его интересовало буквально все: и где используется просыная шелуха, и как идет строительство соляного рудника... Побывал и в так называемой царской шахте, где передвигались под землей по штрекам с керосиновыми фонарями. Там, внизу, была копошня. Она обслуживала не только старую шахту, но и новую, где уже горели электрические лампочки...

В подземной копошне было девять лошадей. За ними ухаживал Мингаз, которого Джалиль расспрашивал о работе под землей, о лошадях... Здесь же он встречался с солерубами, проходчиками, грузчиками соли. В шахте его заинтересовал и паровой подъемник, опускавший шахтеров на глубину до 110 метров.

Все эти данные по крупицам собирал краевед Борислав Белоногов. Эти, казалось бы, на первый взгляд незначительные штрихи из жизни поэта-героя говорят о многом: Муса был Человек, болевший за общее, как за свое. В стихах он прославлял свою Родину, свой талантливый непобедимый народ. И это позднее давало ему силы в фашистских застенках писать стихи — пером бороться с врагом за так любимую им свободную жизнь.

КТО ИЗОБРЕЛ ГРОМОТВОД?

Станислав ЛЯСИК

Обычно молния ударяет в храмы, башни, колокольни, деревья и другие высокие предметы. Так как культовые сооружения в старину, как правило, были выше других строений, то они чаще всего и поражались молнией. Особенно много их пострадало до появления громоотвода. И примеров этому в литературе описано великое множество. Вот некоторые из них.

За одну только ночь, 14 апреля 1718 года, во время сильной грозы над побережьем Бретани было повреждено 24 церковных шпиля. В 1774 году пронесшаяся над Лондоном гроза нанесла значительный ущерб собору Святого Петра, подожгла корабль на рейде, два дома и разрушила обелиск в Сент-Джордж-Филдэ. 11 января 1815 года в районе между Северным морем и Рейнской областью от молнии сильно пострадали двенадцать церковных шпилей.

Широко распространено мнение, что молния никогда не ударяет дважды в одно и то же место. Но, как свидетельствуют документы, это не так. Возьмем колокольню собора Святого Марка в Венеции. Возвышаясь над местностью более чем на сто метров, она, будучи сперва деревянной, в 1388 году была сильно повреждена ударом молнии. В 1417 году во время грозы колокольня почти полностью сгорела. В 1489 году опять горела от молнии, а в 1548, 1565 и 1633 годах получила сильные повреждения. В 1745 году после удара молнии она была разрушена до основания. После реставрации колокольня снова подвергалась серьезным разрушениям в 1761 и 1762 годах...

Южная и средняя части Западной Европы — области грозовые. Но и в России страшные грозы — не редкость. Из составленной в 1539—1542 годах Никоновской летописи известно, что «в лето 6958 от сотворения мира...», то есть в 1450 году по нашему летосчислению, «... августа 5 бысть туча велика на Москве и гром страшен, и проразил церковь каменну соборную Архангела Михаила».

Окраинные города в допетровской Руси строились в основном из дерева и поэтому загорание одного какого-либо строения часто служило причиной уничтожения пожаром всего поселения.

В своде архивных материалов под названием «Пермская летопись», опубликованном в 1880-х годах историком и краеведом В. П. Шипонко, содержатся краткие сведения о выгорании уральских городов во время гроз: в 1557 году «в Соликамске был пожар от молнии, который, начавшись от летней Троицкой церкви, все постройки истребил», в 1614 году «Верхотурье выгорело от молнии», в 1645 году «Пыскорская обитель от пожара, происшедшего от молнии, дотла сгорела», в 1681 году «в Абалацком селе сгорели от молнии две деревянные церкви».

С глубокой древности считалось, что молния — это проявление гнева божьего, от которого единственным спасением была только молитва. Грозовые явления были загадочны и непонятны. Ученые не могли объяснить причины возникновения и протекания гроз, не имея никакого представления об их природе.

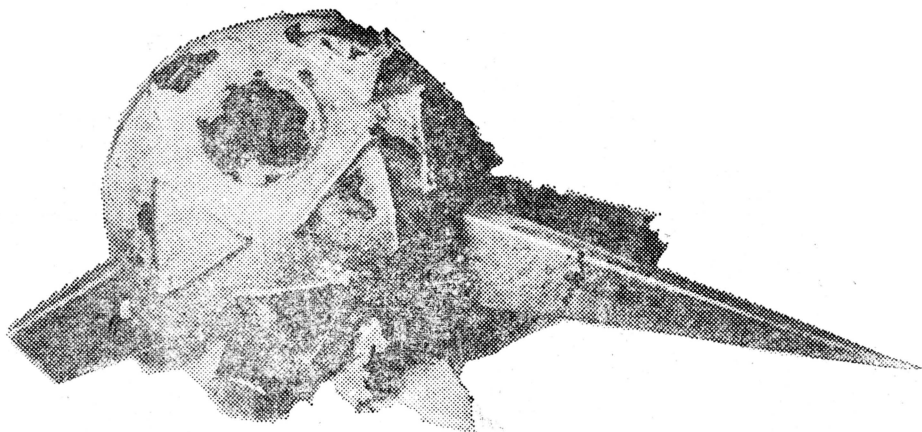
Но и в древние века в некоторых высоко цивилизованных по тем временам странах Средиземноморья имелись своеобразные средства защиты от разрушительного действия молний.

В книге И. С. Стекольниковой «Физика молнии и грозозащита» (1943 год) сообщается о том, что при археологических раскопках в Египте на стенах разрушенных храмов были обнаружены древние надписи, из которых видно, что 40-метровые (в переводе на метрические меры) мачты, заостренные сверху и позолоченные по приказанию фараона Рамсеса III (1198—1167 годы до нашей эры) устраняли грозы.

А из одной надписи прямо явствует, что установленные вокруг храма бога Солнца Гора в городе Эдфу мачты служили для защиты от небесного огня. Храм Гора воздвигнут был в 237—57 годах до нашей эры и является замечательным памятником древнеегипетского зодчества.

В двенадцатой книге «Талмуда», памятника древнееврейской религиозной и правовой литературы (III век до нашей эры — V век нашей эры) упоминается о попытках защиты от грозы жилых палаток:

«Кто между палатами (палатками) ставит железы, тот поступает против запрещения под-

ражать язычникам; для охраны перед громом и молнией делать это разрешается».

Прошли столетия. И, как это часто бывает, многие достижения древних цивилизаций, в том числе и способы грозозащиты, были забыты. Да это и не удивительно: духовенство не было заинтересовано в разгадке тайн природы и рассматривало гром и молнию как наказание божие, с которым надо смиряться, а отнюдь не бороться.

Однако люди всегда пытались защититься от разрушительного действия молний. В некоторых местностях Европы в случае приближения грозы сельские жители зажигали кучи соломы, располагая их на некотором удалении друг от друга. Считалось, что пламя костров является лучшим средством предупреждения грозы и делает ее менее опасной. Дым от костров или от печных труб якобы притягивал к себе молнию. Считалось, что теплый воздух да еще и с частицами сажи, поднимаясь вверх в виде столба, хорошо принимает на себя удар молнии.

Отгоняли грозу и... колокольным звоном. Но часто от ударов молнии погибали звонари. В 1784 году в Мюнхене вышла небольшая книжечка под названием «Доказательство того, что звонить в колокола во время грозы более опасно, чем полезно». В ней приводились такие данные: за 33 года молния поразила 386 церковных колоколен, убив при этом 103 звонарей. Именно из-за этого парижское законодательное собрание в 1786 году запретило звонить в колокола во время грозы.

Некоторые высокие сооружения в Европе были, однако, устроены таким образом, что оставались невредимыми во время гроз, хотя окрестные здания неизменно страдали от них. Так, Женеvский собор, построенный в XV веке и являвшийся самым высоким в городе, ни разу за все

время существования не поражался молнией, а колокольня церкви Святой Жервезы, намного меньшая по высоте, неоднократно испытывала значительные разрушения. Обследование собора показало, что деревянная башня его была вся обшита листами жести, которые соединялись с землей и металлическими частями здания.

Старая деревянная церковь Святого Павла в Лондоне со времени постройки дважды подвергалась ударам молний. В июне 1561 года во время грозы загорелся шпиль, он был уничтожен огнем. На месте деревянной церкви архитектор Рен в 1675—1710 годах отстроил новый собор (так называемый «шедевр Рена»), который в дальнейшем ни разу серьезно не повреждался молнией. Дело в том, что собор был покрыт металлической крышей, имеющей по стенам соединение с землей.

Почему некоторые высокие здания часто страдали от молний, а другие — нет? Никто не мог найти этому правильное научное объяснение, пока люди не открыли явление электричества.

В январе 1746 года Питер ван Мушенброк из Лейдена изобрел электрический конденсатор — знаменитую лейденскую банку, в которой можно было накапливать и некоторое время сохранять электрические заряды.

Житель американского города Филадельфии Бенджамин Франклин обратил внимание на большое сходство между электрическими искрами и грозowymi разрядами и установил общиe их свойства. Называя электрический разряд электрической жидкостью, он писал, что последняя «...притягивается острием. Мы не знаем, обладает ли тем же свойством молния. Но, если все остальные свойства молнии и электрической искры, которые нам удалось сравнить, совпадают, почему бы не

предположить, что совпадает и это? Поставим же опыт».

И опыт был поставлен. Правда, не Франклином; а его единомышленником — французским физиком Далибаром. Опыт был проведен очень просто, но результаты его оказались ошеломляющими.

Франклин в июне 1752 года провел свой опыт и убедился, что его идея заряженности грозовых облаков электричеством блестяще подтвердилась. От этого открытия недалеко было и до претворения в жизнь идеи громоотвода.

К осени 1752 года на крыше своего дома в Филадельфии Франклин установил заземленный металлический стержень. Этот громоотвод был испытан при первой весенней грозе 12 апреля 1753 года и блестяще подтвердил свое предназначение.

После 1752 года грозозащитные приспособления начали устанавливать во многих городах Америки. Количество разрушений и пожаров от ударов молнии резко уменьшилось. Признали «франклиновский стержень» англичане, установив в 1760 году громоотвод на деревянном Эддингтонском маяке, затем молниезащитные приспособления были установлены и на многих английских общественных зданиях.

Во Франции впервые громоотвод был поставлен в 1773 году на здании Дижонской Академии наук.

О великом открытии Франклина узнали и в Российской империи. Об этом русским читателям сообщили «Санкт-Петербургские ведомости» в 1752 году. Первый же в России громоотвод был устроен на Петропавловском соборе в 1786 году.

Но история полна неожиданностей. И Россия, где величайшее открытие века — громоотвод — официально было применено намного позднее, чем в европейских странах, оказалось, опередила их в этом отношении...

Невьянский железодобывающий завод возник на рубеже двух веков и выплавил первый чугун 15 декабря 1701 года. Завод строился казной и был сперва предприятием государственным. Затем он был передан тульскому оружейных и железных дел мастеру Никите Демидову. Начав восстановление и расширение завода, Никита Демидов вскоре передал бразды правления старшему сыну Акинфию, который и стал руководителем Невьянского завода на многие годы.

На Невьянском заводе работало 420 опытных специалистов — молотовых, доменных, дочатых мастеров, подмастерьев, кузнецов и других рабочих. Через два десятилетия после пуска завод давал чугуна и железа намного больше, чем все казенные заводы Урала вместе взятые. Начальник

уральских и сибирских горных заводов генерал де Геннин писал Петру Первому об Акинфии Демидове: «...такого в заводском деле искусного человека едва сыскать можно».

Поэтому не случайно на Невьянском заводе при Акинфии Демидове вводились различные технические новшества: каменная башня с первой в мире своеобразной конструкцией железочугунных балок в зонах растяжения верхних этажей — восьмериков, первая в России частная химическая лаборатория для опробования руд, наиболее крупная в России коллекция руд, башенные часы-куранты с колоколами, громоотвод... Да, да — и громоотвод!

Как и любое современное устройство для грозовой защиты, громоотвод Невьянской башни состоит из трех частей: молниеприемника, молниеотводов и заземления.

Молниеприемник представляет собою вертикальный металлический стержень, на который насажен шар диаметром около тридцати сантиметров и толщиной металла около одного миллиметра.

На наружной поверхности шара когда-то были наглухо прикреплены два с половиной десятка полых треугольных остроконечных шипов длиной до сорока сантиметров из такого же, как и шар, металла. Шипы вместе с выступающей из шара вертикальной осью выполняли роль заостренных стержней для притяжения ударявших в башню молний. От ударов молнии многие лучи полностью разрушены, а на некоторых, частично или полностью сохранившихся, видны оплавленные отверстия.

Шар, или, как его называли в старое время из-за шипов-лучей, шар-солнце, через отверстия в нижней и верхней своих частях крепился муфтами к вертикальному металлическому стержню, который служил одновременно и осью для двухметрового флага-флюгера, расположенного под шаром.

По данным спектральных анализов вертикальный стержень и муфты крепления к нему шара-солнца содержат совершенно одинаковое количество примесей — кремнезема, хрома, марганца и никеля. В составе железных флага-флюгера и шара с шипами содержание этих же элементов также одинаково. Отсюда можно заключить, что флюгер и шар-солнце изготавливались и монтировались на вертикальной оси одновременно. Об этом же говорит и то, что при установке оси, выступающей над шипом башни более чем на полтора метра, заранее предусматривалось место для флага-флюгера (высота семьдесят два сантиметра) и для шара-солнца (диаметр около тридцати сантиметров).

Металлическая ось, на которой вращается флаг флюгера и крепится шар-солнце, своей нижней и средней частями накрепко входит в прямоугольные отверстия в двух поперечных горизонтальных металлических балках. Эти балки своими концами уходят вовнутрь кирпичной кладки шпица и скрепляют ее. Внутри этой кладки проходят вертикальные металлические стержни, составляющие каркас шпица. Не будь каркаса, шпиц был бы разрушен, так как вибрация поперечных балок при вращении флюгера распатала бы стенки, толщина которых всего лишь длина башенного кирпича, то есть примерно около трех метров.

Каркас шпица соединен с продольными металлическими прутьями — полосами, вмонтированными внутри кирпичной кладки ярусов и четверика и уходящими в землю под башню. Многочисленные железные выступы, расположенные через равные промежутки с внутренней стороны стен башни, подтверждают наличие этих металлических полос.

В 1978 году Невьянскую башню исследовал кандидат технических наук В. М. Слукин. С помощью современных геофизических методов и совершенных приборов он выявил аномалии, позволяющие предположить, что внутри западной стены четверика башни проходят вертикальные металлические стержни. Как считает смотритель Невьянской башни А. И. Саканцев, балконы башни имеют связь с землей, то есть заземлены, хотя никаких металлических проводников ни с наружной, ни с внутренней сторон не видно.

Вывод напрашивается сам: без хороших молниеотводов и заземления башня могла быть не единожды разрушена при попадании в нее молнии. А молния ударяла в нее не однократно. Об этом можно судить по многочисленным следам ударов на поверхности шара-солнца и шпиров. Да и простейшие расчеты говорят об этом же.

Известно, что во время приезда академика И. Г. Гмелина в августе 1742 года на Невьянский завод башня была уже построена и даже успела наклониться. Краткое описание наклонной башни приводится И. Г. Гмелиным в книге «Путешествие по Сибири», опубликованной на немецком языке в Геттингене в 1752 году.

Однако имеются сведения, что башня была сооружена ранее. В рукописной книге генерала де Генцина «Описание Уральских и Сибирских заводов», завершённой в первые месяцы 1735 года, имеется рисунок («план-проект») Невьянского завода, где у западного конца плотины показана каменная башня с четвериком, тремя ярусами и шпилем.

Проанализировав имеющиеся документы и

данные, сравнив состав чугуна балконов башни с найденной в Невьянске чугунной плитой, на которой указана дата отливки (1 января 1725 года), автор этих строк считает, что время строительства Невьянской башни — 1721—1725 годы. А художественное оформление ее из металла — наружные части балконов, часы-куранты, флюгер с гербом — было выполнено в течение 1725—1732 годов.

В книге В. П. Ларионова «Защита жилых домов и производственных сооружений от молнии» приводятся такие данные: на Урале бывает от 20 до 30 грозовых дней в году, а на один квадратный километр территории приходится около четырех грозовых ударов в год. Используя эти данные и зная размеры Невьянской башни (высота — 57,6 метра, ширина квадратного основания — 9,2 метра), а также учитывая наибольшую ее высоту по сравнению с другими строениями в Невьянске, можно легко определить, что за прошедшие 250 лет в башню молния попадала более 150 раз. А ведь и одного попадания было бы вполне достаточно, чтобы разрушить башню, если бы она не была защищена хорошим громоотводом.

Об этом знали первые Демидовы — Никита и сын его Акифий. Да и как им было не знать. Акифий Демидов самостоятельно распорядился прислать в Москву из Невьянска «железа дошатого сибирского» для покрытия шпицера и двух полуглавней Мещниковой башни Московского кремля, сильно пострадавшей от молнии в июне 1723 года.

Упоминаемые выше средневековые здания в Европе сохранялись от поражения молнией вследствие своих необычных конструкций, созданных то ли случайно, то ли на основе многовековых наблюдений. Говорить о сознательном устройстве специальных молниеотводящих приспособлений не приходится.

Совсем другое дело — громоотвод Невьянской башни. Ведь не случайно же горизонтальные металлические балки для крепления оси флюгера устанавливались одновременно с кладкой кирпичного шпица, не без надобности же уложили вдоль всей башни, сверху до низу, металлический стержень?

Однако остается и много неясных вопросов. Кто предложил устроить громоотвод на Невьянской башне? Кто его устанавливал? Были ли чертежи громоотвода? Если бы удалось ответить на эти вопросы, тогда смело и определенно можно было утверждать, что Акифий Демидов на четверть века опередил открытие американского изобретателя.

Удивительная РУГОЗА

Леонид БОГОЯВЛЕНСКИЙ

Рисунок С. Малышева

Случай этот помню до сих пор. В один из июльских дней к нам в дверь постучал шестилетний мальчик Саша из соседней квартиры. Иногда мастерил я мальчишкам нашего двора какую-нибудь забаву: лук со стрелами, деревянный пистолет или машинку... Ну, думаю, Саша и явился просить новую игрушку, но спросил он у меня совсем иное:

— Дядя Леня, а у вас остались еще цветы японской розы?

— Розы? — удивился я.

— Да...

В минувшее воскресенье принес я из пригородного лесничества несколько бутонов розы морщинистой, которую озеленители называют японской розой, а ботаники ругозой, что в переводе с латинского и означает морщинистая. Ее густо-карминово-красные с очень сильным розовым ароматом цветы в окаймлении темно-зеленых широких

листьев несколько не уступают по красоте и изяществу цветам садовых роз. В пригородных лесопарках и в городе японскую розу высаживали как декоративный кустарник.

Женщины, сидевшие на скамейке у подъезда, так и ахнули, завидев лесное чудо, а у Саши от изумления в глазках заискрилось. Я подарил ему одну веточку розы и он, просияв от радости, помчался с нею домой. Все эти дни Саша любовался алыми цветами, от которых по всей комнате растекался розовый свет. И теперь уж не так и скучно было сидеть одному дома в ожидании сестры из школы.

— И вот мама сказала: это совсем не роза, а простой шиповник — и выбросила цветы. — Саша глубоко вздохнул и опустил голову. Ему было вдвойне обидно: не кто-нибудь иной, а мама отняла у него радость.

Я отдал Саше веточку с еще нераскрытыми бутонами. Он заулы-

бался и осторожно понес ее к себе в квартиру. А я подумал: велика же сила воздействия прекрасного творения природы на чувства человека! В этой удивительной, загадочной ругозе и виражь есть нечто чарующее, волшебное...

В конце сентября, когда золотая осень уже разливалась по склонам уральских сопок желтизной берез, лиственниц и осин, а по утрам выдал морозец и белый пар клубился при дыхании, шли мы вдвоем с Семеном Васильевичем Глебовым, старым свердловским садоводом, по дорожкам коллективного сада в поселке Семь Ключей. Урожай уже сиял и лишь кое-где висели на яблонях дозревающие плоды да желтели на седых побегах облепихи плотные початки сочных ягод. И тут на одном участке бросились мне в глаза освещенные утренним солнцем и поблескивающие от росы яркие оранжево-красные, величиною

с яблоко-китайку плоды розы морщинистой на кустах, высаженных в ряд, как малина. Я поинтересовался: с какой целью посадили ругозу в саду?

— Как ягольник! — ответил Семен Васильевич. — Старики, бывало, заваривали шиповник вместо чая, пили и никаких иных лекарств не принимали. А теперь варенье из розы в моде...

О розе морщинистой как плодовом растении и пойдет наш рассказ. Но прежде перечислим другие ее полезные качества. Из лепестков ругозы вырабатывают знаменитое розовое масло. Из корней получают красители. Цветы — хороший медонос. В охотничьих угодьях ругозу выращивают для привлечения и подкармливания дичи. У цветоводов она популярный подвой при селекции новых сортов роз. На полях рассаживают ее для закрепления сыпучих почв и иных мелнротивных целей. Не обходится без ругозы кондитеры, парфюмеры, медики. Аскорбиновой кислоты в ее плодах в пять раз больше, чем в ягодах черной смородины, и в 40 раз больше, чем в лимонах. Богаты плоды ругозы каротином, оберегающим наш организм от инфекций и сохраняющим бодрость, витамином Р, который улучшает работу кровеносных сосудов, и еще многими другими питательными и целительными веществами.

Все дикорастущие виды роз в нашей стране повсеместно зовут шиповниками, шипняками, шипитогою, своробориной. Из шиповников Азии около 6000 лет назад человек и создал культурную розу. Ныне известно более 25000 ее сортов и форм. Среди них и многочисленные сорта культурной ругозы.

В диком виде роза морщинистая, по-народному шиповник морщинистый, на Урале никогда не произрастала, не произрастает и ныне. Ее родина — Дальний Восток: Камчатка, побережье Охотского моря, Уссурийский край, Сахалин, Корея, Северный Китай и Япония. Отчего и называют ее японской, или японской яблочковой розой.

На Японских островах палеонтологи обнаружили ископаемую розу, которую назвали розой шанвангенсис. Она оказалась сходной с современной розой ругозой. Шанвангенсис росла на земле 25 миллионов лет назад, и ученые полагают, что с тех фантастически отдаленных времен розы на земле живут непрерывно. Роза ругоза старше рода человеческого.

Из Азии по каким-то неведомым историч. путям ругоза добралась до

Европы. И во Франции она стала садовой культурой.

В Эльзасе и Лотарингии из ее крупных мясистых плодов готовили приятное и весьма питательное кушанье, из лепестков варили варенье. Позже плоды стали консервировать. Потом ругоза перекочевала в Германию. Здесь селекционеры создали знаменитый сорт Царицу Севера с махровыми (многолепестковыми) густо-красными цветками.

В XIX веке Царицу Севера выращивали уже в России. Тогда-то, в конце семидесятых годов, Д. И. Лобанов, инженер-путеец, садовод-селекционер и естествоиспытатель, привез из Крыма в Екатеринбург черенки ругозы и начал опыты по ее акклиматизации на Урале. В те же годы ругозу завезли и в Камышлов.

О результатах десятилетних опытов по акклиматизации розы морщинистой, которая хорошо прижилась на новом месте, и многих других неуральских плодовых растений Д. И. Лобанов сделал доклад на собрании Уральского общества любителей естествознания.

Ругозу морщинистую разводил в своем небольшом саду ученик и помощник Лобанова Петр Михайлович Ваулин.

Сады Ваулина и Лобанова не сохранились. Исчезла и роза морщинистая. Уже после революции, в конце двадцатых годов, ругоза вновь появилась в Свердловске в питомнике Уральской станции зеленого строительства. Но теперь она пришла на Урал с Дальнего Востока. Мария Степановна Стельмахович изучала способы размножения розы морщинистой на Урале, выращивала из семян саженцы, которые рассылались по огромной тогда Уральской области. Она же пропагандировала ругозу и как плодородное растение. Варила из ее лепестков и плодов варенье, готовила другие кушанья, которые опробовались и оценивались ее помощниками, сотрудниками опытной станции.

Как ягольник высаживал ругозу и профессор Уральского лесотехнического института Л. Н. Вигоров в своем саду лечебных культур. Ныне роза морщинистая выращивается в специализированных совхозах Башкирии и Челябинской области, во многих коллективных садах Урала. С одного куста садоводы снимают по 2—4 килограмма плодов. На совхозных плантациях урожайность достигает 80 центнеров с гектара.

Размножают ругозу корневыми и побеговыми черенками, лучше — зелеными, от средней части побега, отводками, корневыми отпрысками,

семенами. Их высаживают с осени. А всходят они через год-два. Ругоза хорошо растет на бедных перегнойном почвах, не боится морозов. Но без ухода дичает, сохнет и постепенно погибает.

Дети, как известно, лекарство пить не хотят. Когда же пообещают угостить их вареньем с листиками, даже горькие таблетки не отказываются глотать. «Вареньем с листиками» назвали мы варенье из лепестков ругозы.

Желаю удивить гостей, преподнести им кулинарный сюрприз — подайте к чаю розовое варенье. И повеет со стола весною, ароматом сада. Приятный вкус, бесподобная окраска — экзотическое блюдо.

Есть много рецептов, как приготовить варенье. Наилучшее получалось так. Хорошо вымытые лепестки мы опускали на три минуты в кипяток, подкисленный соком лимона или лимонной кислотой. Потом на этом же кипятке готовили сироп и варили в нем лепестки 25 минут. Воды брали две трети от веса лепестков, сахара три веса. В конце варки добавляли чуть-чуть лимонной кислоты. Горячее варенье перекладывали в банки, прогретые паром, и закрывали герметичной крышкой...

Хороший кисель из сухих плодов ругозы получается при их двойном отваривании. Из свежих плодов можно приготовить повидло, желе, мармелад, компоты, варенье.

Аборигены Сихота-Алиня с давних пор собирают плоды дикой ругозы, сушат их, а свежие варят. В XVI—XVII веках русское население Прикамья, а еще раньше башкиры, удмурты, пермяки употребляли в пищу местный шиповник, родственник ругозы.

Вот сколь удивительна и чудесна ругоза! И все же в садах ее пока мало. Спрашивал у Сергея Андреевича Чекапова, первого садовода первого коллективного сада, есть ли на его участке ругоза.

— Как же, была! — ответил он. — Сушили и готовили приятный напиток. А тут жена решила огурцов побольше посадить. Вот и сделали на месте розы парничок. А за шиповником теперь в лес ходим...

Все просто: пока роза морщинистая попадает в сады как заместитель дикого шиповника. А коли рядом, в лесу, его в изобилии, то не лужна в саду ругоза. Культура она новая. О ее пищевых качествах многие не знают, не знают, как выращивать ее, как за ней ухаживать.

Черный чугунок, картошка в мундире...

Владимир БЛИНОВ

1. ДВА ПИСЬМА

«Главному садовнику Императорского ботанического сада господину Каролю Клозиусу, город Вена.

Драгоценный друг мой Кароль!

Рад написать тебе и передать мое благорасполагающее чувство через нашего посла, отбывающего на днях в твою достославную столицу... Прилагаю в шкатулке два клубня нового растения тартуффоло. Известно ли тебе? Мне его доставили на днях из Бискайи. Говорят, тартуффоло привезли наши отважные мореходы из Американских Анд, где аборигены используют его в питательных и лечебных целях. Этот дивный род земляных орехов при нагревании может принимать свойство мягкости, подобно печеным каштанам.

Надеюсь, мой скромный подарок не разрушит красоты славной коллекции Ботанического сада, состоящего под твоим благотворным наблюдением. К корням прилагаю также семенную язву тартуффоло. Если за истечением долгого путешествия из пришло все в неживое состояние, может, и удастся тебе укрепить на наших широтах столь диковинный плод. О результатах сообщи мне любезно: разум мой — в скучных делах ратуши, сердце — среди горных и лесных трав.

Желаю тебе, Кароль, благоденствия и многих возвышенных радостей. Надеюсь через год ответить за дружеским застольем блюдо из тартуффоло, рецепт коего у меня записан. Обнимаю тебя, неизменно жду посланий.

С высоким почтением и постоянным дружеским расположением

Филипп де Сиври.

Испанские Нидерланды, Монс.

Составлено от Рождества Христова в лето 1587.»

*«Город Верхний Уфалей Челябинской области...
Бондаренко Татьяна Александровне.*

Мамулька, родная, здравствуй!

Настроение у меня не радостное, и письмо, наверное, получится такое же. Только ты не беспокойся, пожалуйста, у меня все нормально, здорова, курсовой спихнула на пяточок. А тонус ниже нуля, и все, представь, из-за картошки...

Дело в том, что вчера мы ездили в наш колхоз с концертом. Мы ведь у них шефами числимся, или они у нас... Едем в институтском автобусе вдоль голенького уже бережняка, вдоль поля нашего, где прощальный костер разожгли, рукавицы рваные побросали. Едем, вспоминаем наши рекорды, амбар, Ермолаеву, как она нам женихов на картах привораживала, едем, поем, снежок... Все это лирика. Нет, у меня слов не хватает. Мама, представь — все мешки, которые мы тогда, в конце уборки, наполнили — так и стоят у дороги. А бурты, которые мы соломой и ботвой укрывали, чтоб не померзла картошка, трактор растаскивает и с землей и снегом мешает...»

Нынче воскресенье, мальчикам — варенье, девочкам — лепешки из гнилой картошки... Прибавка военных лет. Напевалась она гнусаво, с издевкой.

А ведь не самое плохое блюдо было эти лепешки! Помню, как-то мама натерла такой весенней, почерневшей картошки, кое-что на огороде из-под снега оттаяло, пару хороших картофелин из голбца добавила, мучки по сусекам наскребла. И вот с жару лепешки — вкуснятина!

— Мам, еще хоть одну!

— Хватит, брюхо заболит... Ну давай, вот эту, румяную, пополам. А остальные — одевайся, на толчок сбегает, продадим да керосину купим...

Сейчас редко когда стряпает мама картофельные лепешки, напоминают они ей вдовьи годы. А внучек все пристаёт: испеки да испеки. И бабушка соглашается. А из хорошей-то картошки, не из гнилья, не из очисток да на топленом-то масле — эх хороши! В Прибалтике в любом ресторане можно заказать картофельные оладьи. Зайдешь в полутемный, таинственно освещивающий красно-сине-желтыми витражами «Рамбинос», сидят литовцы, смакуют оладьи со сметаной за бутылкой доброго яблочного напитка.

От картошки в мундире, картофельных пельменей, пирогов, шанег до изысканных позабытых деликатесных блюд...

Мы так привыкли к картошке, что порой нам кажется, будто она испокон веку была на Руси. Как-то, отмечая в кругу друзей столетие Пабло Пикассо, закусывали мы картошкой, и кто-то промолвил с уважением: «Картошка — второй хлеб». А ведь бывали времена для картошки непростые...

2. ПОКОРЕНИЕ ЕВРОПЫ. ЦВЕТЫ ПАРМАНТЬЕ

Антуан Огюст Пармантье, французский аптекар, угодили в германский плен. Не сладко было на чужбине, зато домашний аптекар намотал на ус много полезного. И немало удивил своих обезумевших от радости встречи сородичей, когда вернулся во Францию: за спиной у Антуана висел

довольно увесистый мешок, а в мешке — розовые клубни.

...И был званый обед.

— Восьма, восьма! — пожимали с приятным удивлением плечами королевские гастрономы, поглощая новое блюдо с таким усердием, что только пудра с париков сыпалась.

— ...Мадам, месье, — поднялся из-за стола растроганный встречей с соотечественниками и друзьями Пармантье, — я глубоко признателен за внимание к моей особе и, тысяча извинений, к не совсем привычному столу: все блюда сегодня, включая предстоящий десерт, приготовлены из картофеля. Лишь благодаря данному овощу я выжил вдали от родины, он спас меня от голода и цинги... Поднимаю сей бокал за успешное утверждение и преумножение земляного плода в пределах нашего королевства, моей благословенной Франции.

Бургундское лилось рекой. Картофельный бал продолжался.

Однако Антуан Огюст прекрасно понимал, что, отведав картофельное угощение, вельможи Людовика XVI и коллеги-ученые еще не бросятся на огороды... И вот парижане начали отмечать удивительное явление. Каждый вечер под барабанный рокот старый капрал с большим красным носом разводит караул и выстраивает солдат вокруг огорода аптекаря. Форма, штыки, ботфорты. По городу поползли слухи:

— Аптекарь разводит волшебные земляные орехи!

— Слышали — за каждый орех король золотом платит!

— Ерунда, и не орехом зовется, картофлем. А пользуют его немки при бесплодии.

— Пармантье знает толк в растениях... Как бы и нам...

— Как? Во чудак, да уж давно все соседи приобрели у аптекаря семян.

— А этот, прощельга Франсуа вчера взял да нарыл клубней, посадил на своем огороде.

— А стража?

— И, стража! Одни дремлют, другие у Марго на огоньке.

И тут в игру вступает великий финансист, королевский министр барон Тюрго. Вот как об этом пишет А. И. Герцен («Былое и думы»): «Знаменитый Тюрго, видя ненависть французов к картофелю, разослал всем откупщикам, поставщикам и другим подвластным лицам картофель на посев, строго запретив давать крестьянам. С тем вместе он сообщил им тайно, чтоб они не препятствовали крестьянам красть картофель на посев. В несколько лет часть Франции обсеялась картофелем».

Франция не забыла энтузиаста картофеля. На родине Пармантье, в Монгидье, ему воздвигнут памятник, на котором высечена надпись: «Благодетелю человечества», другой памятник установлен под Парижем, на том месте, где впервые был высажен картофель, а в парижских кафе всегда можно заказать официанту суп Пармантье.

Однако существует и еще более древний памятник. Френсис Дрейк, большой пират, вице-адмирал королевского флота Великобритании, отмечен в городе Оффенбурге не за кругосветное путешествие и не за абордажные экспедиции. «Сэр Френсис Дрейк, распространивший употребление картофеля в Европе» — вот что написано на пьедестале, украшенном рельефом из тартуффола.

Между прочим, адмирал был другом Клузиуса, да-да, того самого, главного садовника из Вены.

Что же у нас?

Издатель «Колокола» А. И. Герцен свидетельствует: «Русские крестьяне неохотно сажали картофель, как некогда крестьяне всей Европы... Впрочем, у порядочных помещиков и во многих казенных деревнях «земляные яблоки» саживались гораздо прежде картофельного террора. Но русскому правительству то-то и противно, что делается само собою. Все надобно, чтоб делалось из-под палки, по флигельману, по темпам...»

И все же к последней трети прошлого века пошла картошка гулять по России-матушке, поняли крестьяне и городские смекнули — не хлебом единым, жив человек, понимая в данном случае старинную мудрость сугубо материально. Бабушка моя, родившаяся в годы Крымской кампании, говаривала маме, как пужали ее в детстве чертовым яблоком, но уже в девичестве собирали в семье картошку с грядок, мелковата была картошка, ставили в печь, вынимали чугунок, выдавал тятя взрослым и малым по картофелинке, словно яичко пасхальное подносил.

3. КАРТОФЕЛЬНАЯ АНТОЛОГИЯ

Сижу я, перепечатаваю написанное, вижу — в доме напротив выволакивает пэтэушник Вовчик Иванов на балкон динамик, ну прощай, работа, сейчас как врубит магнитофон... Однако в жилу сегодня песня, прямо по теме:

Товарищи ученые, доценты с кандидатами,
Замучились вы с иксами, запутались в нулях,
Сидите, разлагаете молекулы на атомы,
Покуда разлагается картофель на полях.

И я подумал: право же, любопытно, кто из русских писателей посвятил «второму хлебу» строчку, абзац, целое произведение? Хорошо бы,

подумал я, пройтись по стеллажам, где поблескивают золотом тома классиков, и составить такой словарь, что ли: ведь за картошкой, за отношением к ней, за ее вживанием в наш быт, пищу, жизнь стоят судьбы поколений...

И начал я с поэзии.

Бесполезно искать у Гавриилы Романовича Державина столь редкое в ту пору кушанье. У него другое: «Багряна ветчина, зелены щи с желтком, румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны, что смоль, янтарь-икра и с голубым пером там шука пестрая прекрасны!»

...Жуковский, Пушкин, Дельвиг, Языков, Козлов, Крылов? Нет... Движемся по библиотечным стеллажам быстрее... Русская муза в крестьянском полдубке. Алексей Кольцов, Иван Никитин... Э, нет, добрый читатель, не ищи. Казалось бы, близко уж, вот и Кольцов пишет об «огоньке во тьме ночной», за ним и Никитин увидел, как «в густом дыму чернеются треноги, висят на крючьях котелки». В наши-то дни не ошиблись бы — картошка бурлит. А если бы тогда заглянули? «То наш очаг горит звездой, то сплет каша степняка под песнь родную чумака» (Кольцов, 1828) и «в воде пшено с бараниной варится» (Никитин, 1855).

Удивительно, но и у самого большого крестьянского поэта Н. А. Некрасова не просто оказалось найти картофель. Несжатая полоса, кушай тюрю, Яша, рожь-матушка, капуста да с хлебушком квас... Нет про картошку? Нашлось-таки!

В счастливой Москве, на Неглиной,
Со львами, с решеткой кругом,
Стоит одиноко старинный,
Гербами украшенный дом...

...Картофель да кочни капусты
Растут перед ним на грядках.
В нем лучшие комнаты пусты,
И мебель, и бронза в чехлах...

В поэме «Мороз, Красный нос»: «...Возили снопы мужики, а Дарья картофель конала с соседних полос у реки»...

Да, не густо пока... Но пойдем дальше. Не будем хронологически точны, просто начнем доставать книги с полок по наитию. Знаете, почти безошибочно можно предположить поэта, у коего что-нибудь да найдется про картошку, у одного в силу сословных или временных обстоятельств, у других — в связи с их образной системой, предметными симпатиями...

...Николай Заболоцкий. Казалось бы, если судить по его тематике природоведа, поэтического естественника, тотчас отыщем что-нибудь. Не тут-то было. Заболоцкий обобщающ и возвышен. У него будет дерево, природа, растения, плод, корни, в лучшем случае — яблоко. Но вот его ко-

лыбельная песенка «Меркнут знаки Зодиака» (1929 г.):

...Колотушка тук-тук-тук,
Спит животное Паук,
Спит Корова, Муха спит.
Над землей луна висит.
Над землей большая плоска
Опрокинутой воды.
Спит растение Картошка.
Засыпай скорей и ты!

Согласитесь, маловероятна и неожиданна картошка у Владимира Луговского, поэта сугубо урбанистического, не от сохи — от мостовых. Правда, и картошка-то у него не полевая — квартирная, непманская:

Вошедший был в пальто реглан,
С лицом простым, как дуло «кольта».
Интеллигенция сидела по углам,
Ругая Мейерхольда.
Хозяйка: тридцать лет, фокстрот,
Обилье форм, однако стиль и профиль.
У каждого был перекошен рот
На водку, шпроты и гуся с картофелем...

Обстановочка!

Движемся дальше.

И тот, кто, может, и не задумывался о будущих бедах российских (хотя как не задумываться), выводил новые сорта, пригодные для отечественных земель и погод — и славный ярославец Ефим Андреевич Грачев, живший в прошлом веке (от деревенского сиротства — до десятков международных премий и медалей, автор 100 сортов картофеля), и те молодые энтузиасты, бывшие рабфаксовцы, так похожие на кирсановского Клима Сметанникова — все они помогли нам, всей стране, ох как помогли.

Вот он лирический герой Семена Кирсанова:

Я в поэты пришел с земляными ручищами,
С образцами картошки,
с бугристой морковницей...

И вот, значит, этот самый Клима Никитич выращивает диковинные растения, дерзает, не ждет милостей от природы, то овес шведский у нас внедрит, то тыквищу с колесо выходит... И наконец!..

Лукошко я трясу, как бубен,
и гул объемлет огород.
Картошка! Здравствуй, серый клубень,
Колумбом выявленный плод!
Ты лезешь внутрь земной утробы,
индейскому навстречу дню —
как будто хочешь из Европы
взглянуть на древнюю родню...

Дальше... Ну, а что дальше? Дальше — дело известное: прощайте, полюбившиеся глазурированные ромовушки, истекающие пьянящим ароматом, прощай, языковая колбаса, из которой по прихоти

выколупывались пальцем кружочки жира и выбрасывались, прощайте, складчатые французские сайки, беззаботные, развлекательные прогулки с мамой в праздничном яблоневоm платье и с папой, щекочущим щеку табачным усом, да — те прогулки под смолистыми парковыми соснами над йсетской бело-голубой лодочной станцией... Прощайте и вы, соседские парни Петро Патрушев, Борис Безродных и Ленька Высоцкий, которых я так и не знал, потому что еще был мал и глух... Прощай и ты, отец. «Вполне ожидаанно и неожиданно грянула война, и стало не до садов и георгинов. Культom войны сделалась картошка — второй хлеб, которому поклонялись все, кто умел и не слишком умел жить» (Н. Никонov «Размышления на пороге»).

4. «ЗАТО ВИТАМИНОВ МНОГО...»

Маленькая головка на тонкой шее, охваченной стоячим воротником черного школьного кителя. Серая челочка, свисающая на бровь. Острый носик, усыпанный бледно-коричневыми веснушками. Фамилия его была Ксенджик. Даже забыл его имя, все Ксенджик да Ксенджик. Однажды, когда мы сидели на одной парте, он признался мне по секрету:

— А знаешь, что означает моя фамилия? Попович, от слова «поп», по-польски «ксендз», понял? Только ты никому...

Какой же это был урок? Для анатомии мы были еще малы, биологию тогда не учили... Вероятно, ботаника, да — ботаника: Мичурин с седой бородкой, в шляпе, «бере зимняя», «бельфлер китайский»... Ну, конечно, ботаника: колорадский жук!

...Софья Борисовна, с высокой старомодной прической, в черном платье с бантом под стареющим дворянским подбородком, ведет урок.

— Итак, мальчики, проверим домашнее задание.

На дом Софья Борисовна задала любопытное упражнение: записать в табличку все, что каждый из нас съест за воскресный день и подсчитать калорийность пищи.

Ах, Софья Борисовна, милый панвный педагог! Такие таблички заполнять бы гимназисткам в 1913 году, а не бритоголовым пацанам средней мужской школы номер семнадцать в одна тысяча девятьсот сорок девятом году.

Помню, как я подгонял свой неказистый воскресный рацион под норму. Навыдумывал хлеб с маслом, и целых три мясных котлеты с соусом, и даже какао с молоком: хотелось показать, что, мол, и мы не лыком шиты, и у нас в доме достаточно, иначе казалось — стыдно...

— Коля Пономарев, начнем с тебя.

Коля, отличник, встает из-за первой парты:

— Завтрак: два яйца всмятку — столько-то калорий, полстакана сметаны — столько-то, бутерброд с сыром и чай — еще столько-то. Всего за завтрак — 1100 калорий.

— Так, хорошо, дальше, Коля.

Софья Борисовна, что же вы с нами делаете? Ну проверили бы Колю Пономарева так, сами, не вызывали бы его, сына главного начальника областного управления. А Коля, отличник с первой парты, ппарит дальше салатами и солянкой, и отбивными... Итого за день 4200 калорий.

— Так, значит, ты уложился вчера в норму и даже превысил ее, да? Хорошо, для детского организма такое превышение не вредно. А теперь проверим расчеты у...

И Софья Борисовна называет мою фамилию.

И я, дурачок, зачитываю свои выдуманные большие калории: масло, котлеты, какао.

— И у тебя хорошо, точно уложился в норматив. Ну еще, пожалуй... Кого мы давненько не вызывали? Ну-ка, Ксенджик.

Маленькая головка, стоячий воротничок, бледные веснушки, подпрыгивание непослушной челки...

— Завтрак: картошка с квашеной капустой, хлеб, чай — столько-то калорий. Обед: похлебка, картошка, хлеб — столько-то. Ужин: капуста, картошка, чай... Всего за день 1080 калорий...

Он закрыл тетрадку, улыбнулся, как бы извиняясь, дернул шеей, отбрасывая челку. В классе кто-то хихикнул.

— М-да, до нормы ты, Станислав, не дотянул...

Он пожал плечами:

— Не дотянул, — и стал рассматривать якорек на запястье.

— Но... это ничего. Это ни-че-го! — Софья Борисовна пожевала пемолодыми губами. — Это ничего, — она поправила бант. — Зато у тебя, Ксенджик, в рационе много витаминов. Садись. А сегодня, мальчики, мы пройдем новую тему...

5. ЖЕНЬКА И ТОЛЯЙ

Что-то грустная, братцы, история о картошке складывается. Эх, расскажу-ка вам что-нибудь повеселее.

Толяй появился на нашей улице в самом конце войны. Он был небольшого роста, по годам ему бы в пятом учиться (хотя он был в третьем), а по росту — вроде второклассника. Худой и смуглый, волосы белые. Но силенка у него была не по росту — жилистый, верткий. Толяй приехал из деревни и жил у своей крестной, тети Мани. Ма-

тери у Толя не было, и родня высала его к тетке, чтоб не загнулся в деревне с голодухи. Он называл тетю Машу мамой и при первом знакомстве с пацанами улицы Степана Разина сказал:

— Во, папка китель прислал.

— Это дядь Вася, что ли? — оттопырив губу, спросил Вадик. — Какой он тебе папка, твой отец в деревне на кляче воду возит, а дядь Вася таякист.

— У меня два папки, — сказал Толяй.

Женькина мать и тетя Маша дружили. Бывало, ссорились, чуть до драки не доходило, потом мирились, снова дружили, вместе на разгрузку зерна на мельницу ходили, на барахолке тряпьем торговали, в общем подполе картошку хранили — как-никак обе — две соседки, солдатки. И Женька тоже вроде подружился с Толяем, хотя был младше его, в школу еще не ходил. Когда их матери уходили на работу, Женька любил сидеть в Машинной избушке, маленькой, теплой, раньше это банька была, стояла банька на задах бывшей усадьбы булочника Коршунова.

Толяй из школы рано прибежал:

— Ха, — говорил он, загибая рукава кителя и нагребая в чугунок картошки, — ха, я это в прошлом году проходил, больно мне надо про разных там папуасов слушать... Ты че хавал сегодня? Тебя мамочка балует, опять, наверное, яички, чай с сахаром. А?

— Давай ставь скорее картошку, поиграем как-нибудь.

— Будешь еще тут командовать! Вот как дам по лбу... На, толки соль, а то...

Женька брал тяжелый медный пестик и стучал им в ступе, серо-голубые кристаллы прыгали, мельчась, по стенкам ступки.

— Ты, Рыжая Камбала, какую будем картовь варить, вашу или нашу?

— Вашу! Ваша вкуснее. Ты зачем дразнишься, сам-то кто?

Картошка у Рябковых и вправду вкуснее была. Небольшая, ровная, круглая. Им ее из деревни привозил Макар, настоящий Толькин отец. У Женькиной матери росла в садике картошка крупная, продолговатая, но какая-то водянистая. А у тетки Маши как разломилшь картофелинку с жару — она искринками светится, рассыпчатая. Посыпешь ее солью, откусишь... Без масла, а по вкусу вроде как с маслом. Да если еще горбушка ржанухи находилась!.. Пока картошка закипала в чугунке, Толяй протирал тряпичной клеенку на столе, доставал из противогазной сумки тетрадки.

— Счас мы быстренько по письму накатаем... э, опять чернила кончились...

И Толяй громко, по-мужицки выругивался.

У них в деревне все, видно, матерились. Однажды Макар привез с собой Серегу, трехлетнего брата на Толяя, так тот только и матерился, а других слов не знал.

— Кончились чернила, Рыжий, что делать будем?

— Опять дразнишься!

А Толяка уже влазил на табуретку и запускал руку в печную флюгарку, выгребал оттуда сажу. Он насыпал сажу в кружку, наливал ковшом немного воды и все это смешивал лучинкой. Получались черные чернила.

Он вообще многое умел, этот Толяй. Он, например, отремонтировал тете Маше все скрипучие табуретки, которые расшатались без хозяина, из английской булавки смастачил классный рыболовный крючок. Вместе с крестной они залатали дровяник, крышу покрыли, и Женька им помогал.

А однажды Толяй заразил всех разинцев «физкультурником». Бралась две палочки, величиной с карандаш, в середине маленькими гвоздочками укреплялась распорка, сверху — две перекрецающиеся нитки, лучше суровые. И вот на эти-то нитки укреплялся специальный деревянный человечек, у которого голова, туловище, руки, ноги — все было на нитках, подвижное, живое. Едва начнешь сжимать снизу палочки — ох и закувыркается физкультурник!

Толяй уже доделывал по письму. Женька, стоя коленями на табуретке, опирался локтями на стол, не мешал, даже помог один раз Толяю. В слове «колесо» Толяй пропустил букву «е», и Женька заметил.

— Ух ты, Камбала, грамотная стала, — и написал сверху большую букву «е», приложил розовую промокашку и достучал по ней кулаком, — все! Ну давай пожрем, поспела картовь.

И, обжигая пальцы, они чистили искристую деревенскую картошку, обмакивали ее в соль, ели, смеялись. И кусок хлеба был на двоих, мать для Женьки оставила.

А когда поели, Толяй сказал:

— Хошь, фокус покажу?

— Знаю твои фокусы, опять изгаляться начнешь...

Женька вспомнил, однажды Толяй как-то так напялил ему на ноги, на руки и на шею телогрейку, что он, согнутый, скрюченный, никак не мог из нее выбраться, вспотел, умаялся, заревел даже, потом уж Толяй сжалился. Он заводной был, этот Толяй, начнет дуреть — не остановишь, пока кто-нибудь шишку на лоб не набьет или колено рассадит, или до слез дело дойдет.

— Игра не доводит до добра, — говорил в таком случае Толяй, успокаиваясь.

— ...Спорим, я тебя ухватом обведу и ты с полу не встанешь.

— Как это не встану?

Женька боится Толькиных фокусов, но все же интересно...

— А вот ложись.

— Ну,— Женька ложится на теткинны половики.

Толяй берет ухват.

— Три раза надо обводить... так,— чертит он ухватом вокруг напрягшегося Женьки,— еще, и... раз!

И Толяй мгновенно охватывает Женькину шею ухватом, придавливая к полу, шее не больно, шея тоненькая, ухват большой, но все же голову не проденешь, встать нельзя.

— Пусти,— Женька схватился за рогулины,— пусти!

— Ничего, полежи, полежи,— гогочет Толяй, налегая на черенок.

— Толяй-бум-бум, пусти,— начинает дразнить Женька.

— Ах ты Рыжая Камбала, тебя кошка родила.

— Вот тебе бум-бум! — Толяй хватает горячую картошку и как засадит прямо в лоб Женьке.

Картошка вдребезги разлетается. Женька до того ошарашен, что даже не ревет. Толяй пугается, убирает ухват.

— Ну вот, я же говорил, игра не доводит до добра.

...Ида Сергеевна еще в прихожей услышала шум и возню в комнате. Она приоткрыла дверь и остолбенела. На полу лежит какой-то человечек, а Евгений, завлабораторией, лауреат премии, ее муж Евгений Алексеевич Орлов восседает на этом человечке и загибает ему ноги к плечам.

— Вот я тебе сейчас салазки на зиму сделаю, вот тебе за ухват...

— Ой, ой, ой, щекотно, отвали, пусти,— смеется, икая, человечек,— Рыжая Камбала, тебя кошка родила...— Вдруг он пружинно вскакивает, хватая из кастрюли картофелину, бросает в Евгения, но промахивается. Картошка разлетается о стену и залепляет новые «шалапинские» обон.

На столе стоят два «огнетушителя» из-под «Солнцедара».

— Познакомься, Ида, это Толяй, знатный горновой Уралметмаша, друг детства...

— Анатолий,— потупясь, говорит человечек и добавляет:— Я же говорил — игра не доводит до добра.

6. ПИОНЕРСКАЯ ПЕСНЯ ПОД ПОРТРЕТОМ В БАГЕТНОЙ РАМЕ

Рты мы раскрывали широко и как-то напскосок, длинненько. Во все глаза глядели на дирижера, пионервожатого.

Ах, картошка объеденье-день-день,
Пионеров идеал-ал-ал...

Белые безрукавки, алые галстуки, черные бумажейные шаровары. Сорок девятый год. Отряд имени Николая Гастелло поет на клубной сцене агитпункта. Отчего же мы так косо вытягиваем рты? Наверное, из подражания вожатому Николаю Ивановичу. Замечательный был вожатый. То на лыжах водил ребят, то выставку рисунков устраивал, то задумал повогодний маскарад, то взбудоражил все городские организации состязанием за право носить имя летчика Гастелло. Румяный, высокий, на аккордеоне играл.

И аплодисменты, и радость на лицах, улыбки, свист и даже «бис», как настоящим артистам. Нам хочется спеть на «бис». Но из-за кулис уже машет розовыми ручками директор школы Ольга Викентьевна, шумно шипит:

— Николай Иванович, достаточно про картошку, вообще, заканчивайте.

А на следующий день вожатому, как говорится, была выволочка. На вызов директрисы он, молодец, пришел не один, а взял с собой председателя нашего отряда Владика Расковалова и меня почему-то позвал, может, оттого, что я был звеньевым, может, оттого, что пел звонче других.

Ольга Викентьевна усадила нас, сама же встала из-за стола с огромным каменным чернильным прибором и, прохаживаясь по кабинету, сказала:

— Николай Иванович, вы делаете хорошее дело. В четвертых классах поднялся процент успеваемости. Самодеятельность нашей школы, я надеюсь, займет одно из ведущих мест в районе. Но, Николай Иванович,— она взглянула на нас,— и вы, ребята, вы уже взрослые дети и должны понять, что вы поете? Откуда взялась эта «Картошка», кто ее композитор? Николай Иванович, это ваша инициатива? Как вы считаете, дети?

— Ольга Викентьевна,— встал Владик Расковалов и зачем-то отдал ей салют, будто рапортовал на сборе, может, с испугу, все же не часто бывали мы в кабинете директора,— Ольга Викентьевна, я, например, картошку люблю и все в нашем отряде...

— Картошку, милый, я и сама люблю, а вот петь про нее не стоит. Вы голодные, что ли?

Нам было жалко «Картошку», но мы промолчали.

— Видите ли, Ольга Викентьевна,— начал было вожатый.

— Не надо, Николай Иванович,— она поправила маленькими ручками кружевной воротник под розовым подбородком.— Вы вспомните, что вы поете. Как там... картошка — пионеров идеал. Картошка — идеал! Чувствуете?

Она немного помолчала, как бы перестраиваясь на новый лад, опущенные уголки ее губ вдруг полезли вверх, левая бровь вздрогнула:

— Друзья, давайте лучше совместно подумаем о расширении программы. Концерт рекомендуется начинать с «Отцы о свободе и счастье мечтали» и было бы просто великолепно,— она взглянула на портрет на стене,— просто было бы замечательно, если бы вы смогли разучить прекрасную грузинскую песню «Цицинателла», вы знаете, чья это любимая песня? Это любимая песня Иосифа Виссарионовича.

...Начались новые репетиции. Времени до дня выборов оставалось немного, заявки на концерты так и сыпались: с заводов, из библиотеки, из трампарка. «Отцы о свободе...» мы и так знали, это был гимн пионеров, кто же его не знал. С «Цицинателлой» было труднее. Николай Иванович хотел, чтобы мы пели ее по-грузински. Переписали под копирку непонятные слова. Пели, не понимая и не запоминая. В конце концов, когда до выборов оставалось две недели, Николай Иванович выдал нам «Цицинателлу» на русском. Оказалось, что песня называется просто, красиво и даже сказочно «Светлана-светлячок». И мотив у песни был запоминающийся, мечтательный.

Мы выстроились на клубной сцене в два ряда, одни стояли на полу, другие сзади, на стульях. Николай Иванович плавно взмахнул рукой, и мы начали тоненькими девчочьими голосами:

О Светлана-светлячок,
Как твой тихий свет красив...

За кулисами, полуприкрыв глаза, кивала в такт песне Ольга Викентьевна. И всезнающий человек на портрете хитровато улыбался в усы.

Смолкли аплодисменты, и Ольга Викентьевна, довольная, захлопала пухлыми ручками, а мы раскланивались все вместе под негромкую команду Николая Ивановича, как вдруг рабочий с инструментального завонил с последнего ряда:

— Пионеры, давай про картошку!

7. «ЖАРЕННЫЕ КИРПИЧИ»

Чуприн Петр Васильевич — пенсионер. Член КПСС, тридцатитысячник. Был Чуприн начальником модельного цеха, сейчас на зятевой даче живет с женой Анной и внучкой Аленкой.

У него есть городская квартира, но на даче — лучше: по хозяйству чего-нибудь смастачишь, да и не надо из городского окошка глядеть, как идут на смену заводчане. У Чуприна — машина, новый «москвичок», в любой момент за продуктами слетать может.

Осень была. В деревню студентов понаехало и рабочих с заводов — уборочная! Машина за машиной, мешки, бурты, мацпура тарахтит, в черноземе вязнет.

Явился вдруг к Чуприным управляющий совхозом. Знакомы они с Чуприным давно, с позапрошлого года, когда ходил Петр Васильевич в контору лесу на ремонт просить и шиферу выписать. И потом не раз виделись, о делах судили. Толковый управляющий, забот по горло, годов немало.

— Здорово, Васильич.

— Проходите, товарищ, садитесь. Чайку? Анна!

— Не до чаев, Васильич, пришел звать тебя на работу, сам понимаешь, время горячее, рук не хратает...

— Да какой же он работник,— прибежала из кухни Анна,— давление, радикулит, у вас вон сколько народу на полях...

— Народу немало, да свой человек нужен, они городские...

— А он что, сельский? Мы ведь здесь пока не прописывались.

...Так стал Петр Васильевич Чуприн, бывший тридцатитысячник, контролером за качеством. Это управляющий такую должность придумал: следить, правильно ли студенты тару картошкой наполняют, чтобы не было неполных мешков и чтобы, что чаще случалось, сверху не перегружали: потом попробуй завяжи такой мешок, забрось его в кузов, половина высыплется. С этим делом Чуприн быстро справился. «Москвичок» его, подобно красному заводному ежику, упорно передвигался от поля к полю, по студенческим и заводским отрядам. Проверял Чуприн, с бригадами беседовал, на склад гнал, торопил завскладом с порожними мешками, бачки с чаем организовал на поле. Все это были мелочи.

Труднее оказалось порядок у шоферов навести. Разболтанный народец подобрался. Левые рейсы совершали, одного «под мухой» поймали, а еще, дошли до Чуприна слухи, будто были случаи продажи совхозной картошки населению пригорода.

Замечали студенты: если с вечера остаются наполненные мешки на поле (холодных утренников нет, а утром простоя не будет), на другой день пяти, десяти, а то и двадцати мешков не досчитаешься. Естественно, исчезали те мешки, что стояли ближе к дороге.

«Так, хорошо, — щурил глаза Чуприн, — хорошо-то хорошо, да уж чего хорошего... Поле не одно, на каждом сторожа не поставишь, да и что толку от сторожа — тридцать га, темень, пока пройдешь с одного края до другого... Колхозники не возмрут, у каждого своей навалом, студенты — ни при чем, молодые рабочие — все на виду, каждый вечер в клубе охмуряют местных девок под Челентано...»

Вечером Петр Васильевич подозвал к себе школяров, живших по соседству, братьев Петьку и Павку, прозванных Петропавками.

— Так, слушайте, Петропавки, задание. Кто-то ворует картошку по ночам. Кто — неизвестно, одно ясно — не Сливка-Бурка.

— Надо залечь за березками и схватить, — сказал один Петропавка.

— Не, лучше так, — шмыгая носом, засуетился другой, — вместо картошки мы всем классом залезем в мешки, а как нас грузить начнут, мы как заорем...

— Верно. Соображаешь, — похвалил Чуприн, — а ну, давай в машину!

Они приехали на пустырь, где возводилась новая школа, кирпичная двухэтажная, со спортивным залом. Третий год строилась школа, осталось строила возвести, да классы покрасить, да водопровод проложить, да... — застряло строительство. Но уж договорился управляющий со студенческим командиром, придет будущим летом стройотряд, доведет до конца дело. Будут Петропавки ходить в новую школу, будут в зале под музыку физкультурные упражнения выполнять.

Вышел Петр Васильевич из машины, и ребята выскочили. Чуприн открыл багажник, достал из него пять пустых мешков.

— Ну-ка, пацаны, помогайте, вон там — битый кирпич...

Петропавки опешили:

— А зачем вам, Петр Васильевич, этот мусор?

— А затем: мы с вами контрольные мешки для вора поставим, ночью-то не разберешь.

— Понятно! А потом что?

— Там видно будет. Читали, небось, как в войну фанерные танки наши устраивали? Фриц бьет по ним сдуру, расходует снаряды...

Чуприн стал держать мешок, а ребята набрасывали в него разный сор и кирпичи, и куски застывшего раствора, и просто землю. Добро, лопата нашлась с обломанным черенком.

— Во здорово, — радовались Петропавки, — воруга придет домой, скажет своей бабе, зажарь картошечки с салом...

— Ага, а она ему жареных кирпичей подаст! ...Контрольные мешки (сверху в них ребята

подсыпали немного картошки, чтобы похоже было) поставили поближе к дороге.

Наутро по пути в школу Петька и Павка побежали через поле, туда, где алел «Москвич» контролера за качеством.

— Ну что, Петр Васильевич, как?

— Исчезли наши контрольные, и с ними еще пять, — вздохнул Чуприн и сморщил лицо, тяжело дыша, — ничего, пацаны, ничего... Только вы, того, молчок, ясно?

— Заметано! — выпалили Петропавки.

По дороге, приближаясь, затарахтел трактор с прицепом, в прицепе болтались студенты, пели студенты смешную свою песню: «В тазу лежат четыре зуба». Над облетающим березовым колком неуверенно всходило солнце.

— Зоя, — сказал Чуприн учетчице, — сегодня будешь отмечать путевки и листы сама, у меня в городе дело.

Учетчица, румяная, как колобок, выглядывала из окошка киоска. Киоск этот ей шофера откуда-то привезли, раньше в нем мороженница, наверное, сидела, сейчас Зойка от ненастья могла укрываться.

— Будь сделано, Петр Вас, все отмечу.

— Отметить-то ты отметишь, а вот не ленись в кузов заглянуть, пересчитать мешки.

— Рада бы пересчитывать, Петр Вас, да они хапаются.

— Как хапаются?

— Ну как... все с глупостями пристают. Только выйдешь из будки...

— От тебя не убудет, не мороженка, не рас-таешь. Ты, Зоюшка, выбирай себе жениха, а то прокукуешь в своем окошке.

«Кто же озорует? — думал Чуприн, покручивая рулем. — Всех-то шоферов девять человек. Неужели этот, Костоусов Семен, джинсовый, вроде симпатичный парняга...» Чуприн перебрал в уме всех шоферов, нет, никто не подходит... Угрюмый Овчинников разве... Или Лохматкин, поддавальщик, на днях опять у него чекушку отнял... Нет, Лохматкин открытая душа, от себя отдаст... Надо будет в конце уборочной вернуть ему обе бутылки... Может, снова собрание собрать? Товарищи, скажет им Чуприн, в нашем коллективе снова проявились родимые пятна капитализма, вновь есть случаи хищения социалистической собственности. Мы, ваши отцы и деды, отдавали все для страны, для вас. Мы видели в вас наших продолжателей, тридцатитысячников восьмидесятих годов, и поэтому всякое нарушение... Разве думали мы тогда, чтобы спереть из государственного народного кармана мешок картошки?.. Нет, не повралась Чуприну речь.

...Когда Чуприн отыскал дом Семена Костоусова, он не стал останавливаться возле него, а проехал чуть дальше. Вышел из машины, издали поглядел: небольшой ладный деревянный дом с садом, из-за забора бак душевой виднеется, яблочки золотятся. Забор краской ирбитского мотозавода выкрашен. Чуприн решил не заходить во двор, а обогнуть квартал и заглянуть сзади. По узкой тропинке, путаясь в репьях, шел Чуприн, приглядываясь, где здесь зады костоусовской усадьбы. Он бы не удивился, если бы не обнаружил у Семена ворованной картошки, скорей обрадовался бы: парень нравился ему — здоровенный, как медведь, веселый, с хорошим критическим подходом к явлениям жизни.

Чуприн даже как бы испугался или, вернее, удивился тому, что увидел: в пожухлой траве у самой воды пестрела грудка строительного мусора. Петр Васильевич, все еще сомневаясь и в шoferе, и в себе, подошел к куче и ботинком потрогал обломки школьных кирпичей.

...Был вечер. Петр Васильевич опять катил по городу, снова подруливал к приречной улочке, теперь уже прямо к знакомому дому. Поставил машину у ворот, дал три долгих гудка. Заколыхались занавески в окошке. Вскоре и калитка распахнулась.

— Петр Васильевич? Какими судьбами, по делам, в гости?

— Открывай-ка, Семен Семенович, ворота, машину надо поставить.

Семен защелкал задвижками, открыл ворота.

Чуприн тяжело вышел из машины, медленно обошел ее, быстро раскрыл багажник.

— Я к тебе на минуту, Семен Семенович, мы вот с моей супругой посоветовались, решили тебе гостинец вручить со своего огорода.

— Какой такой гостинец? Не пойму что-то...

— Да, понимаешь, урожай нынче на картошку неплохой, а у тебя семья... А ну, доставай!

И не дожидаясь, Петр Васильевич выдернул из багажника мешки один за другим.

— Семчик, — вышла в сени жена Костоусова, — ты чего, картошку, что ли, покупаешь?

— Товарищ Чуприн, вы... того, объясните, а короче — заберите свои мешки-подарки...

— Как же забирать, Семен Семенович, не отказывайся, тебе нужней, — похлопал его по плечу Чуприн, — вот тебе еще и довесок к подарку, — крихтя, он вытащил с заднего сиденья новый мешок, — контрольный, понимаешь...

— Нет ты... вы, постойте, — Костоусов ухватил Чуприна за локоть, — вы это, заберите к дьяволу ваши мешки или я...

Чуприн дал задний ход. В раскрытых воротах белел рубахой Семен.

На следующее утро, чуть свет — Петр Васильевич еще брился, Анна только самовар поставила, — к дому подкатил самосвал. Из кабины выпрыгнул шофер, гимнастически махнул джинсовыми ногами в кузов и сбросил оттуда три полных мешка.

Чуприн вышел, открыл ворота. Семен ввалился во двор, по-обезьяньи держа на весу сразу два мешка.

— Это вам, Петр Васильевич, от меня и от моей супруги, ответно, так сказать.

— Да что ж беспокоишься в такую рань?

— А это с нашего огорода, — втаскивал Семен третий мешок, — сорт отличный, «Трембитой» называется, на семена оставите.

— Спасибо.

— Особенно хорошо отваривать с померанцем... я, знаете ли, в армии поваром был и вот осталось с тех пор хобби, что ли, хотите рецепт дам, с померанцем?

— Это еще что такое?

— Это... ну фрукт такой...

— Фрукт — это ты, Костоусов, а мы больше любим с сольцой!

Семен потоптался на месте...

— А это вот, значит, пустой мешочек из-под ваших контрольных овощей. И вообще, Петр Васильевич, я хотел это... понимаешь... ну не было со мной подобного никогда. Бес попутал... И я прошу вас...

— Ладно, чего там...

— От Галочки моей привет, очень вы ей понравились вчера.

— Ой ли? А как же с совхозом рассчитаешься?

— Все там, — Семен кивнул на кузов, — кроме контрольных, все на место поставлю.

8. КАРТОФЕЛЬНАЯ АНТОЛОГИЯ (ОКОНЧАНИЕ)

Интересно, а как называют картофель в разных местах? Ну, конечно, самое распространенное — это картошка; выродившись из тартуффола, истари привилось слово в Московии и пошло гулять по всей России.

Но обратимся к В. И. Далю. Картофля, картохля, к/картопля — так говорят на юго-западе. Уж как повелось, вятские не могли не повернуть по-своему: картосы, картыши и даже корфеты. Пермьякам полюбилось картовка. В Новороссии, на Украине — бароболя, барабошка. В Белоруссии, знаем, бульба (помните песенку?). В Сибири же в прошлом веке долго удерживалось старореческое чертово яблоко, земляное яблоко или просто яблоко, поскольку, остроумно замечает Даль, там других яблок нет. А вот в северо-восточных губерниях бытовало любовное и забавное словцо — гу-

лена и еще — гульба. Не знаю, удержалось ли где, не слышали?

О многом можно было бы еще вспомнить и помечтать у лесного костра, пока томятся, покрываясь угольной корочкой, картофельные печенки, ведь, как сказала уральский поэт Майя Никулина, по картошке все мы родня. А истории эти можно было бы продолжать и продолжать, как говорили в старину, и несть им конца... Да, прошу прощения, я ведь хотел еще и прозаиков потревожить!

...Федин, Бабаевский, Николаева, Алексей Толстой, Николай Островский, Гладков, Саянов, Фадеев, Мединский, Филиппович, Айтматов, Крупин, Никонов, Георгий Семенов — всех не перечислишь, многие упоминали добрым словом о картошке. Сейчас не перелистывал, но уж, наверное, можно сказать, что найдется и у Астафьева, и у Белова, и у Шукшина... Давайте вместе приоткроем самых-самых...

Н. В. Гоголь, «Коляска»: «Весь рынок был забран совершенно до обеда, так что судья с своею диакономницей должен был есть одни только лепешки из гречневой муки да крахмальный кисель... Один чрезвычайно толстый помещик с короткими руками, несколько похожими на два выросшие картофеля, слушал с необыкновенно сладкою миною и только по временам силился запустить коротенькую свою руку за широкую спину, чтобы вытащить оттуда табакерку».

И. С. Тургенев, «Ермолай и мельничиха»: «Мельничиха принесла нам молока, яиц, картофеля, хлеба... Пока Ермолай жарил в золе картофеля, я успел задремать...»

А. П. Чехов, «Остров Сахалин»: «24 июля утренняя попортил в Дербинском картофельный цвет...»

...В одной корреспонденции... я прочел, будто бы делегация от айно приходила в Корсаковский пост и просила дать работы, или, по крайней мере, семян для разводки картофеля и научить их возделывать под картофель землю (речь идет о 1876 году); в работе будто бы было отказано и семена картофеля обещали прислать, но обещания не выполнили, и айно, бедствуя, продолжали переселяться на Матсмай».

И. А. Бунин, «Далекое»: «Шли апрельские и майские дни, неслись, звенели конки... сладко и тепло пахло из кондитерской Скачкова, стояли кадки с лаврами у подъезда «Праги», где хорошие господа уже кушали молодой картофель в сметане...»

А вот уж совсем старинное, из времен Екатерины Великой. А. Н. Радищев, «Описание моего владения»: «В двух огородах... сажают картофели, или яблоки земляные».

Так неужели же Пушкин ни разу не упомянул

картофель? В стихах — ни разу. Но в письмах, прозе — назвал не однажды. Больше того, оказывается, наш Александр Сергеевич страсть как любил печеную картошку! Вот смотрите, в письме Наталье Николаевне из Михайловского: «...Ем я печеный картофель, как маймист (петербургское название финнов.— В. Б.) и яйца всмятку, как Людовик XVIII».

Не случайно, стало быть, включает А. С. Пушкин картофель в характеристику Чарского («Египетские ночи», 1835): «...Он прикидывался то страстным охотником до лошадей, то отчаянным игроком, то самым тонким гастрономом, хотя никак не мог различить горской породы от арабской, никогда не помнил козырей и втайне предпочитал печеный картофель всевозможнейшим изобретениям французской кухни...»

Ну вот, добрый читатель, присядем чуток после путешествия. Картофельную литературную коллекцию мы могли бы с тобой и продолжить, даже особую книжицу собрать. Но для нашего скромного повествования, думаю, достаточно. А коли кому захочется двинуться дальше в современность, в наши дни, или в глубь российской истории, объявляю картофельное состязание:

тому, кто первым отыщет в русской поэзии самое раннее упоминание о картофеле, вручу по осени ведро, нет, ведро будет мало, — мешок картошки с моего кашинского огорода.

Когда объявил о конкурсе моим соседям Петропавкам (Петьке и Павке), они тут же засобирались в библиотеку, совсем уже большие стали, и картошки-то им не надо, у самих огород над речкой Сысертью в четырнадцать соток, тут важен азарт, жажда открытия... Слышал, штудируют школяры Сумарокова и Тредиаковского, задумали из библиотеки московской фотокопии с рукописей Ивана Баркова заказать. Ну что ж...

Для отважных литературных следопытов призову в заключение восемь строк:

У беса праздник. Скачет представляется
Чертей и душ усонных мелкий сброд,
Кухмейстеры за кушаньем трудятся,
Прозябнувши, придворный в зале ждет.
И вот за стол все по чинам садятся,
И вот лакей картофель подает,
Затем, что самодержец Мефистофель
Был родом немец и любил картофель...»

Сказано это более ста пятидесяти лет назад студентом Московского университета Михаилом Лермонтовым в сатире «Пир Асмодея». В поиск, друзья!

ЗНАКИ НА ЗНАЧКАХ

Владислав СОКОЛОВ

Тех, кто собирает значки, интересует, какие предприятия их выпускают. Клеймо могло бы дать ответ на этот вопрос. Но как расшифровать, кому оно принадлежит? Хорошо, если это будет буквенный (словесный) товарный знак, например, МЗСИ, УС, ЛМД, КФС, А-АФС, тогда, учитывая тематику значка и призвав на помощь воображение, может быть, удастся отгадать, что данные значки выпустили Мытищинский завод сувенирных изделий, производственное объединение «Уральские самоцветы», Ленинградский монетный двор, Красноярская фабрика сувениров, Алма-Атинская фабрика сувениров. Но это если повезет. Чаще же приписываются не буквенные товарные знаки. Разгадать их не поможет и чудо...

Значки в наше время выпускают многие предприятия. Мне, например, известно более 170 предприятий, которые официально зарегистрировали товарные знаки на значках и опубликовали их в бюллетене «Открытия. Изобретения. Промышленные образцы. Товарные знаки» (с 1983 г. раздел «Промышленные образцы. Товарные знаки» этого бюллетеня издается отдельным выпуском 4 раза в год). Как правило, товарный знак регистрируется на определенный срок. Зная дату утверждения клейма, коллекционер может установить период, в который выпущен значок.

После истечения десятилетнего срока действия клеймо обычно переутверждается (иногда при этом меняя свой облик) или «сходит со сцены», если на данном предприятии выпуск значков прекращается. Для коллекционеров, естественно, важны не только клейма предприятий, выпускающих значки в данный момент, но и, так сказать, товарные знаки, отслужившие свой срок.

Предлагаю в помощь коллекционерам изображения наиболее распространенных товарных знаков на значках, с указанием их принадлежности и года регистрации.

Некоторые предприятия, утверждая клеймо, конкретно оговаривают материал значков, на которые оно распространяется. К примеру, Таллинский ювелирный завод зарегистрировал свое клеймо для значков из серебра, Псковский экспериментальный завод художественных изделий — для значков из дерева, а Иркутский завод «Радиоприемник» распространил действие своего товарного знака только на значки серии «Байкал». Правда, на практике товарные знаки часто получают более широкое применение, чем это предусматривается при их регистрации. Наряду со значками некоторые предприятия с теми же клеймами выпускают также памятные и сувенирные медали.

Круг предприятий, выпускающих значки, все время ширится. Наряду с такими известными центрами художественной миниатюры, как Москва, Ленинград, Украина, Прибалтика, регулярный выпуск значков организовали в последнее время предприятия Урала, Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии, Закавказья. Соответственно разнообразилась и тематика значков, и это не может не радовать истинного коллекционера. Однако ориентироваться в этом многообразии становится все труднее. Необходима каталогизация значков, подобно той, которая существует для других предметов коллек-

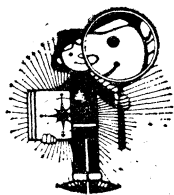
ционирования. Одним из важных элементов атрибуции значков в будущем каталоге станет определение предприятия-изготовителя. Публикуемый перечень товарных знаков должен облегчить коллекционерам эту задачу. Перечень этот уже сегодня может быть значительно расширен...

1. Машиностроительный завод «Аскольд», г. Арсеньев Приморского края (1973).
2. Астраханская фабрика сувениров, г. Астрахань (1980).
3. Батумский машиностроительный завод, г. Батуми (1963).
4. Волгоградский опытный завод «Сувенир», г. Волгоград (1969).
5. Вологодский завод металлоизделий, г. Вологда (1974).
6. Механический завод «Большевик», г. Днепропетровск (1963).
7. Опытно-экспериментальный завод, г. Днепропетровск (1981).
8. Иркутский завод металлоизделий (1978).
9. Калужский опытный моторный завод (моторостроительный завод), г. Калуга (1970).
10. Калужский электромеханический завод, г. Калуга (1977).
11. Каспийский завод точной механики, г. Каспийск Дагестанской АССР (1975).
12. Республиканский производственный творческо-экспериментальный комбинат Украинского общества охраны памятников истории и культуры, г. Киев (1971).
13. Киевский экспериментальный завод металлогалантереи, г. Киев (1965).
14. Республиканское производственное экспериментальное объединение, г. Киев (1974).
15. Киевский завод продовольственных автоматов «Киевпродмаш» (1977).
16. Комсомольский-на-Амуре авиационный завод им. Ю. А. Гагарина (1980).
17. Костромская ювелирная фабрика, г. Кострома (1962).
18. Красноярское производственное объединение народно-художественных промыслов «Сувенир», г. Красноярск (1979).
19. Опытный завод металлической галантереи и сувениров, г. Ленинград (1968).
20. Ленинградский ювелирный завод (1968).
21. Ленинградский завод «Ленэмальер» (1971).
22. Опытный завод металлической галантереи и сувениров, г. Ленинград (1978).
23. Ленинградское производственное объединение «Русские самоцветы» (1979).
24. Научно-производственное объединение средств механизации и оснастки «Прогресс», г. Минск (1981).
25. Экспериментальный творческо-производственный комбинат Художественного фонда РСФСР, г. Москва (1966).
26. Московское учебно-производственное предприятие Всероссийского общества глухих, г. Москва (1962).
27. Завод художественной гравюры на металле, г. Москва (1963). (В 1973 году переутвержден тот же товарный знак, заключенный в круг).
28. Завод «Победа» Мосгорисполкома, г. Москва (1961).
29. Металлозавод Мосгорисполкома, г. Москва (1961) (переутвержден в 1974).
30. Московский экспериментальный завод спортивных сувениров и знаков (1975).
31. Экспериментальный творческо-производственный комбинат Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры «Русский сувенир», г. Москва (1963).
32. Мытищинский завод опытных и сувенирных изделий, г. Мытищи Московской области (1972).
33. Новокузнецкий завод «Металлоштамп», г. Новокузнецк Кемеровской области (1966).
34. Новокузнецкий завод «Металлоштамп», г. Новокузнецк Кемеровской области (1978).
35. Завод «Бытэлектротрибор», г. Новосибирск (1967).
36. Новосибирский завод художественных изделий и сувениров, г. Новосибирск (1973).
37. Пензенский механический завод, г. Пенза (1980).
38. Пермский судостроительный завод «Кама», г. Пермь (1973).
39. Пермский экспериментальный ювелирно-гранитный завод, г. Пермь (1979).

40. Псковский экспериментальный завод художественных изделий, г. Псков (1972).
41. Пятигорская фабрика сувенирных изделий, г. Пятигорск (1976).
42. Ростовская экспериментальная производственно-художественная мастерская областного совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, г. Ростов-на-Дону.
43. Экспериментальная фабрика сувениров и подарочных изделий, г. Ростов-на-Дону (1969).
44. Завод «Русские самоцветы», г. Свердловск (1962—1980).
45. Таллинский ювелирный завод (1962).
46. Таллинский комбинат «Арс» Художественного фонда Эстонской ССР, г. Таллин (1974).
47. Ташкентский ювелирный завод (1978).
48. Фабрика зеркально-галантерейных изделий, г. Челябинск (1969).
49. Челябинская галантерейная фабрика, г. Челябинск (1972).

50. Челябинская фабрика художественных изделий (1975).
51. Чебаркульский металлургический завод, г. Чебаркуль Челябинской области (1981).
52. Шахтинский завод «Шахтметалл», г. Шахты Ростовской области (1971).
53. Щербинский завод металлогалантерей, ст. Щербинка Московской области (1967).
54. Щербинский завод металлической галантерей, Щербинка (1979).
55. Производственное объединение «Таврия», г. Ялта Крымской области (1970, 1981).

МИР НА ЛАДОНИ

Чистоту воздушного бассейна над Томском отныне контролирует станция высотного зондирования атмосферы, использующая лазерный локатор с крупногабаритным приемным зеркалом. Она создана специалистами Института оптики атмосферы Сибирского отделения Академии наук СССР. Именно большое зеркало позволяет исследователям «заглядывать» даже в стратосферу. Лазерный луч практически мгновенно выдает информацию о всех воздушных слоях над городом.

Лесники передали в зоопарк Магдебурга (ГДР) семейство ежей, в котором одно животное — альбинос. На воле у белого ежа было бы очень мало шансов убежать от хищников.

Во многих крупных швейцарских городах проводятся ярмарки старых детских игрушек. Организаторы ярмарок утверждают: это помогает маленьким швейцарцам чаще получать подарки. Ведь новые игрушки стоят весьма дорого. Подобным образом ходо распродается бывшая в употреблении детская одежда.

Золотое распятие, три золотых слитка добыл со дна моря у берегов Флориды американский ныряльщик Мел Фишер. Он — один из тех, кто разыскивает ценности испанского галеона, затонувшего в 1622 году. Всего за четырнадцать лет поисков Фишер нашел под водой драгоценности на восемь миллионов долларов.

Первые сотни грузовых автомобилей переведены в Челябинске на заправку газом. Выхлоп у них стал значительно чище. Для заправки организованы газонаполнительные компрессорные станции.

На отдаленных пастбищах Коряжского автономного округа словно по маговению волшебной палочки поднялись недавно новые дома для оленеводов. И не удивительно: дома эти — сборно-щитовые. Их можно перевозить в комплектах даже на оленьих упряжках. Такие дома, имеющие улучшенную планировку, просторные комнаты, автономные котельные, будут выпускать строители Магадана.

Зимой, в дни гололеда улицы городов нередко посыпают солью, а из-за нее болеет или даже погибает трава, которой засеяны газоны. Польские ученые, испытав привезенные с берегов Антарктиды семена, выяснили, что некоторые виды трав, произрастающих на ледовом континенте, хорошо себя чувствуют, когда их поливают... соленой водой! Исследователи полагают, что эти травы вполне могут заменить традиционное озеленение европейских городов.

Гигантские каменные идолы, которыми известен остров Пасхи, получили... глаза. Перуанский археолог С. Рапу откопал рядом с идолами коралловые камешки, обработанные рукой человека. Вскоре выяснилось: камешки — глаза изваяний! Они установлены в прежде пустые глазницы.

Экспонату — 200 миллионов лет

— Золото! Смотрите — золото!..
— Ага... Прямо тебе золото, так и валяется!
— Ну, смотри! Смотри сам...
— Точно, блестит. Давай отнесем в музей, может, правда золото?

Саша Землянухин, Сережа и Петя Корягины обнаружили свою находку возле котельной, среди угля. Не совсем обычной формы, похожий на цилиндр, десять сантиметров в длину и шесть — в диаметре, камень был угольно-черного цвета со множеством слюдяных вкраплений, которые и ввели в заблуждение ребят из краеведческого отряда «Искатель» при Усть-Ишимском краеведческом музее.

Это оказался обломок окаменевшего ствола древнего дерева, росшего на территории Западной Сибири около 200 миллионов лет назад.

Существующие в Усть-Ишимском районе пласты угля не имеют промышленного значения и не разрабатываются. Нужды района удовлетворяются привозным углем. А эта партия угля была доставлена из Кузбасса.

Кузнецкий угольный бассейн является одним из крупнейших в мире месторождений угля. Залежи простираются здесь на глубину до 9 километров. Время образования нижних слоев — 350 миллионов лет. В начале каменноугольного периода в теплых водах бескрайнего моря, плещущихся над будущей Сибирью, уже зародилась жизнь. Около 325 миллионов лет назад море покинуло эти места, а через 50 миллионов вновь залило беспредельные просторы Западно-Сибирской низменности. Именно в этот период среди тростниковых и папоротниковых лесов появляются первые хвойные деревья. Животные покидают морскую колыбель и выходят на сушу, завоевывая новые просторы для жизни; кое-где появляются первые пресмыкающиеся. В многочисленных болотах накапливаются торфяники, превратившиеся со временем в залежи угля.

...На окаменевшем стволе дерева сделали косой срез, и теперь можно хорошо различить годовые (или вековые?!) кольца дерева, свидетеля древнейшей истории нашей планеты.

В. СИМОНОВ

Двигатель... для лыжника

Что, если к двигателю мотопилы приладить пропеллер и надеть все это на спину? Задавшись такой идеей, руководитель кружка технического творчества школы-восьмиклассника в Харьковском районе (Эстония) А. Тоом попробовал осуществить ее и смастерил «Карлсон» — аппарат для лыжника. Скорость — 60 километров в час!

С. ПЕТРОВ

Памятник Артему

Недавно в газетах появилась информация из Донецкой области о том, что завершена генеральная реставрация памятника известному революционеру Артему (Ф. А. Сергееву).

А история этого памятника такова. В 1926 году близ Святогорска на крутом обрыве выросла громадная голова из монолитного железобетона — памятник Артему. Это творение было как бы ответом церковникам, построившим в скале церковь.

Автор памятника — Иван Каваларидзе, украинский кинорежиссер и скульптор. Он был, кстати, победителем на конкурсе киевских скульпторов на лучший проект памятника княгине Ольге. Известно, что на фотографии одной из его скульптур есть такая надпись: «Это силь-

но. Виден талант. Но нужно работать, работать и работать. Огюст Роден».

Картины, снятые режиссером И. Каваларидзе — «Ливень», «Перекоп», «Прометей», получили заслуженное признание кинозрителей.

Б. ГАЛИН.

Вуз — эстраде

В ведущем музыкально-педагогическом вузе России — Государственном институте имени Гнесиных открылось эстрадное отделение. Отныне там смогут получать специальное образование и участники многочисленных ВИА, других музыкальных коллективов, отдельные самостоятельные исполнители. На первых курсах они приобретут фундаментальную общетеоретическую подготовку, а затем будут учиться в классах опытных педагогов, совершенствуя свое мастерство. Преподаватели нового отделения — известные деятели искусства, артисты, в частности народный артист РСФСР Иосиф Кобзон.

В. АЛЕКСАНДРОВ

Король вралей

Находящаяся в холмах Гасконии (Франция) деревня Монкрабо известна как столица... вралей. Каждое первое воскресенье августа они собираются здесь отовсюду и выбирают «короля». Традиция эта восходит к основанию «академии лжецов» в 1748 году, когда некий монах собрал вокруг себя кружок краснобаев, которые старались перецеголять друг друга. «Академия» выдает даже документы, разрешающие их обладателям «всюду безнаказанно врать».

Г. ЛАРИЧЕВ

Сладкий лед

В южной части Альтиплано, высотного плато в Центральных Андах, есть несколько сравнительно небольших водоемов, заполненных соленой водой. В ней плавают острова из... сладкого льда, которые на несколько метров возвышаются над уровнем воды и покрыты слоями осадочных пород. Американские ученые, которые пока не смогли выявить природу возникновения островов, установили, что при сегодняшней скорости плавления они, вероятно, исчезнут через десять-двадцать лет.

Л. ГАРЯЕВ

Они вырвались на волю...

Когда тридцать лет назад бразильские пчеловоды задумали скрестить своих пчел с очень трудолюбивыми, но агрессивными африканскими, они и не предполагали, чем обернется эта затея. Часть завезенных в страну пчел вырвалась на волю. Они одичали, начали быстро размножаться и вскоре стали известны в Южной и Центральной Америке как пчелы-убийцы, стремительно захватывающие все новые территории, распространяющиеся к северу континента со скоростью 600 километров в год. Уже в 1988 году их появления ждут в США, где заранее определены потери пчел от этого предстоящего и неотвратимого вторжения: минус 50 миллионов долларов ежегодно.

Дикие пчелы уничтожают своих «цивилизованных» сестер, живущих на пасеках, нападают на домашний скот, людей. Из-за них в Венесуэле, например, производство меда сократилось на 80 процентов. Способ избавления от них пока не найден.

В. ПОДВИНЦЕВ

МАШИНЫ ПРОШЛОГО ВЕКА

См. 4-ю стр. обложки

Широко известны царь-колокол и царь-пушка. И потому, что они литы в Москве, а не в каком-либо окраинном городке, и потому, что они сохранились. Менее известен паровой царь-молот, построенный на пермских пушечных заводах. Однако ж и о нем немало сказано. О том, что он — пятидесятитонный. То есть мощности по тем временам небывалой. Словом, это была наисильнейшая в стране машина. Известны описания того, что гигантский молот и работал сверх точности. Опытный мастер мог бойком безмерной тяжести закрыть крышечку элегантных карманных часов. Царь-молот — техническое чудо прошлого века. Построил его инженер Н. В. Воронцов, впоследствии директор Петербургского горного института. Только чугунный шабот — стул весил не менее 630 тонн. Чтобы отлить его, из двадцати вагранок чугун лился в литейную яму сто двадцать часов. Уральские рабочие показали тогда образец литейного искусства.

И вот весной 1875 года царь-молот при стечении множества гостей (и даже из-за границы) отковал первую болванку весом в 1000 пудов. Позднее немало именитых людей приезжали поглядеть на молот — Менделеев, Горький, адмирал Макаров...

Царь-молот надежно служил оборонному делу 60 лет. И — канул в Лету. Не сохранился. На его месте встали новые заводские машины. Поздно об этом говорить, а все-таки жаль, что не нашлось сил и времени у мотовилихинцев сохранить его где-нибудь в специальном сарае, хотя бы и в разобранном виде... Это был бы экспонат номер один всеуральского музея техники. Впрочем, в этой истории есть необычное и отродное обстоятельство. В 1920 году мотовилихинские рабочие решили установить на месте первого политического митинга 1905 года памятник борцам революции. Монумент (он стоит и ныне) напоминал очертаниями царь-молот. Так памятник техники перелопотился в памятник революционный...

А как оценивают историки техники царь-молот? Они свидетельствуют: молот, подъемные механизмы, обслуживающие его, и здание цеха — все это составляет (в этом можно убедиться, посмотрев на снимок) гармоничную композицию. Она хорошо воспринималась с любой точки в цехе. К тому же здесь таятся и неочевидные достоинства. Например, цех был сооружен сейсмостойким. Иначе и быть не могло — паровая машина довольно быстро бы «растрясла» здание.

А на втором снимке (на нижнем), кстати, его сделал член Уральского общества любителей естествознания Д. Саломирский, изображена прокатная машина, работавшая во второй половине прошлого века на одном из уральских заводов — на Северском. И здесь историки техники обращают внимание на то, как могучая машина органично «вписана» в пространство под крышей цеха. Право же, и в технике работает пушкинское определение произведения человеческого ума, оно должно быть построено по законам «соразмерности и сообразности»...

Ю. ЛИПАТНИКОВ

Александр КИРИЙ

Оплатите!

Они дружили почти неделю. Ходили в театр и кино, катались на колесе обозрения, ели мороженое, пили сладкий лимонад. Они не могли жить друг без друга.

Но вдруг повздорили. Теперь они не могли смотреть друг на друга. И перед тем как окончательно расстаться, встретились еще раз.

— Вот,— глухо проворчал он и протянул ей исписанный листок.— Оплатите!

На бумаге было написано:
Мороженое, 10 порций —

1 руб. 50 коп.

Колесо обозрения, 12 вращений —

2 руб. 40 коп.

Театр, 1 билет — 2 руб. 00 коп.

Лимонад, 6 бутылок — 1 руб. 80 коп.

Кино, 2 раза — 1 руб. 00 коп.

Трамвай, автобус — 56 копеек.

Зоопарк, 1 раз — 30 копеек.

Итого: 9 рублей 56 коп.

— Ты не прав! — воскликнула она и вытащила из сумочки записную книжку.

На первой странице было аккуратно выведено:

Духи «Диор», 5 раз —
5 руб. 00 коп.

Лак «Диор», 5 раз —
1 руб. 50 коп.

Завивка «Ветер в голове», 1 раз —
5 руб. 00 коп.

Тушь для ресниц — 2 руб. 00 коп.

Новые колготки — 7 руб. 00 коп.

Джинсы «Монтана», износ 5% —
10 руб. 00 коп.

Итого: 30 руб. 50 коп.

— Как видишь, я потратилась больше!

Перспектива

Она отдыхала в сквере на скамье, когда он подошел к ней и сказал:

— Добрый вечер! Давайте познакомимся.

Она ничего не ответила.

— Вы правильно делаете, что молчите,— отметил он.— Если бы вы отреагировали, я бы заинтересовался, где вы живете. Вы бы назвали улицу и квартиру, и мне, естественно, захотелось бы проводить вас домой. Понравилось бы вам мое желание?

Она ничего не ответила.

— Вы правильно делаете, что молчите, в противном случае пришлось бы согласиться. А проводив вас, я непременно напросился бы в гости и попросил бы напоить меня чаем. Могли бы вы отказать жаждущему человеку?

Она ничего не ответила.

— Вы правильно делаете, что

молчите. Иначе должны были бы угостить меня крепким грузинским чаем, он мне очень нравится. Естественно, после этого вы познакомились бы со своими родителями. Папе я несомненно понравился бы, а вот мама обязательно расстроилась бы. «Он еще настоящий ребенок,— сказала бы она.— На какие средства вы жить собираетесь?» Да, кстати, на какие?

Она ничего не ответила.

— Вы правильно делаете, что молчите,— сказал он.— Иначе вам бы пришлось выйти за меня замуж. Пошли бы дети. Сначала девочка, потом мальчик. Вы любите детей?

Она ничего не ответила.

— Вы правильно делаете, что молчите. Дети отнимают все наше время, особенно, когда они маленькие, а мы — молодые и нам хочется пожить не только для других, но и для себя. По ночам вам пришлось бы часто вставать, вы бы стали раздражительны. Начались бы упреки, ссоры. Я ушел бы к ребятам в общежитие, вы, взяв детей, уехали бы к маме, а потом подали бы в суд на развод. На суде вы обвинили бы меня во всех смертных грехах, назвали бы эгоистом и себялюбцем и заявили бы, что не желаете больше жить с несносным человеком. Вы действительно развелись бы со мной?

Она ничего не ответила.

— Вы правильно делаете, что молчите,— отметил он.— Вы предусмотрительны и понимаете, что после суда мы бы остались врагами. К чему нам все эти ненужные хлопоты? Поэтому предлагаю: давайте лучше расстанемся друзьями. Меня зовут Толик. А вас?

— Ирина,— улыбнулась она, доверчиво протягивая руку...

Главный редактор С. Ф. МЕШАВКИН

Редколлегия: Е. Г. АНАНЬЕВ, В. П. АСТАФЬЕВ, М. ГАЛИ, В. П. КРАПИВИН, Ю. М. КУРОЧКИН, Д. Я. ЛИВШИЦ (зам. главного редактора), Н. Г. НИКОНОВ, А. П. ПОЛЯКОВ (зав. отделом краеведения), О. А. ПОСКРЕБЫШЕВ, Л. Г. РУМЯНЦЕВ (зав. отделом прозы и поэзии), А. К. СЕМЕРУН, К. В. СКВОРЦОВ, В. А. СТАРИКОВ (отв. секретарь), А. Н. СТРУГАЦКИЙ

Редакция: Ю. С. Борисихин (отдел публицистики), В. И. Бугров (отдел фантастики), Л. С. Бударина (технический редактор), М. В. Бурангулова (корректор), Л. Г. Гончарова (секретарь-машинистка), А. Д. Кононова (отдел писем), Ю. В. Липатников (отдел науки и техники), Е. И. Пянаев (художественный редактор), Н. А. Широкова (отдел следопытской жизни)

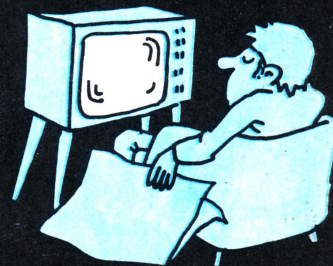
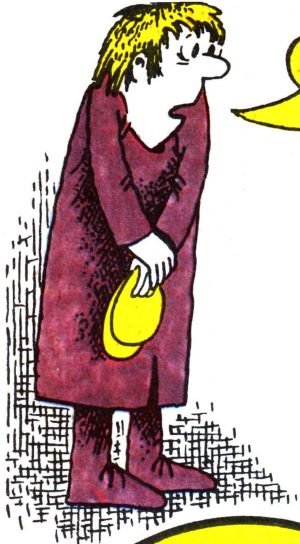
Адрес редакции: 620219, Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 22 в.

Телефоны отделов: 51-55-56 (писем, публицистики), 51-22-40 (секретариат), 51-09-71 (прозы и поэзии), 51-53-20 (науки и техники, следопытской жизни), 51-09-69 (краеведения)

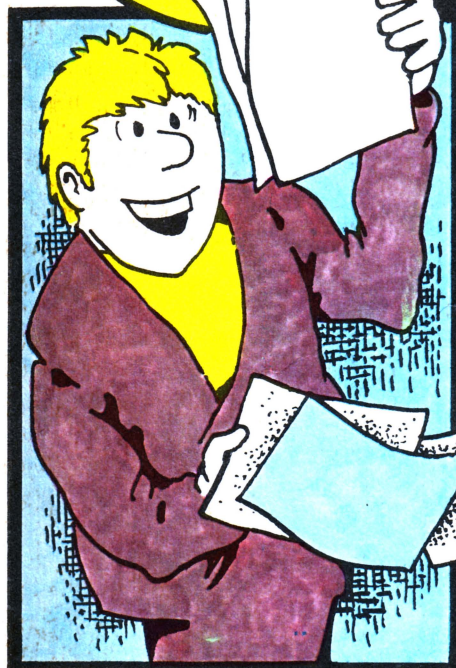
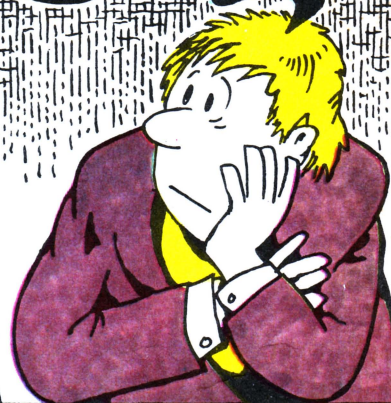
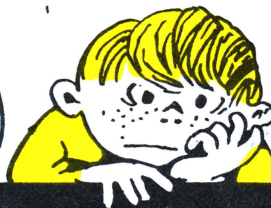
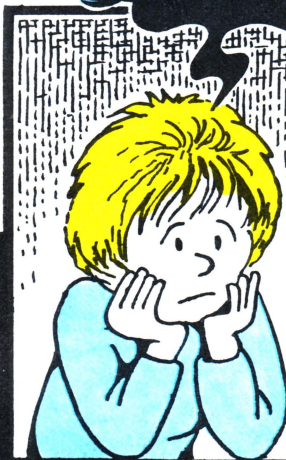
Сдано в набор 29.03.85. Подписано к печати 21.05.85. НС 16497. Формат бумаги 84×108/16. Высокая печать. Усл. печ. л. 8,82. Усл. кр.-отт. 11,34. Уч.-изд. л. 10,3. Тираж 307 000. Заказ 527. Цена 40 коп.

Типография издательства «Уральский рабочий». Свердловск, пр. Ленина, 49.

ОТПУСК ОСЕНЬЮ...

**КАК
БЫТЬ?**

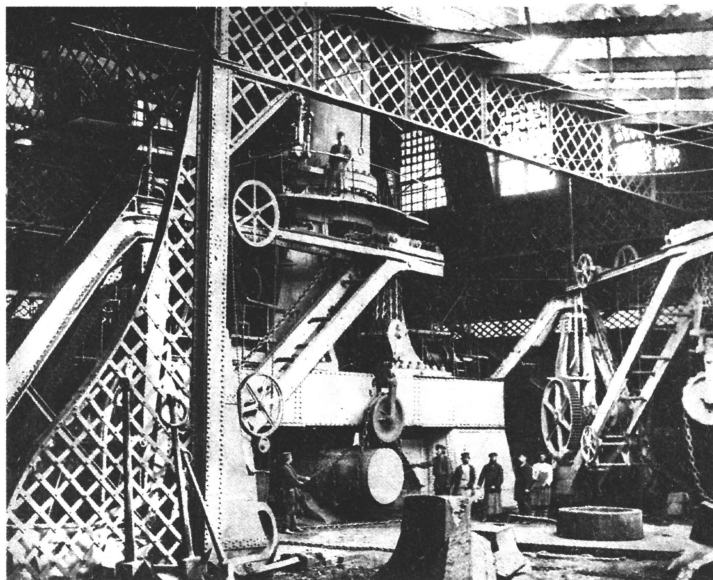
РЯГА КAVKAZ ЧУРАЛ

И ВАМ ПОМОЖЕТ ВЫБРАТЬ МАРШРУТ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО СТРАНЕ, В ТОМ ЧИСЛЕ — ПО УРАЛУ, ИЗБАВИТ ОТ ЛИШНИХ ХЛОПОТ, УСТРОИТ ВАШ БЫТ НА ТУРБАЗАХ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ СВЕРДЛОВСКОЕ БЮРО РЕАЛИЗАЦИИ ТУРИСТСКО-ЭКСПУРСИОННЫХ ПУТЕВОК.

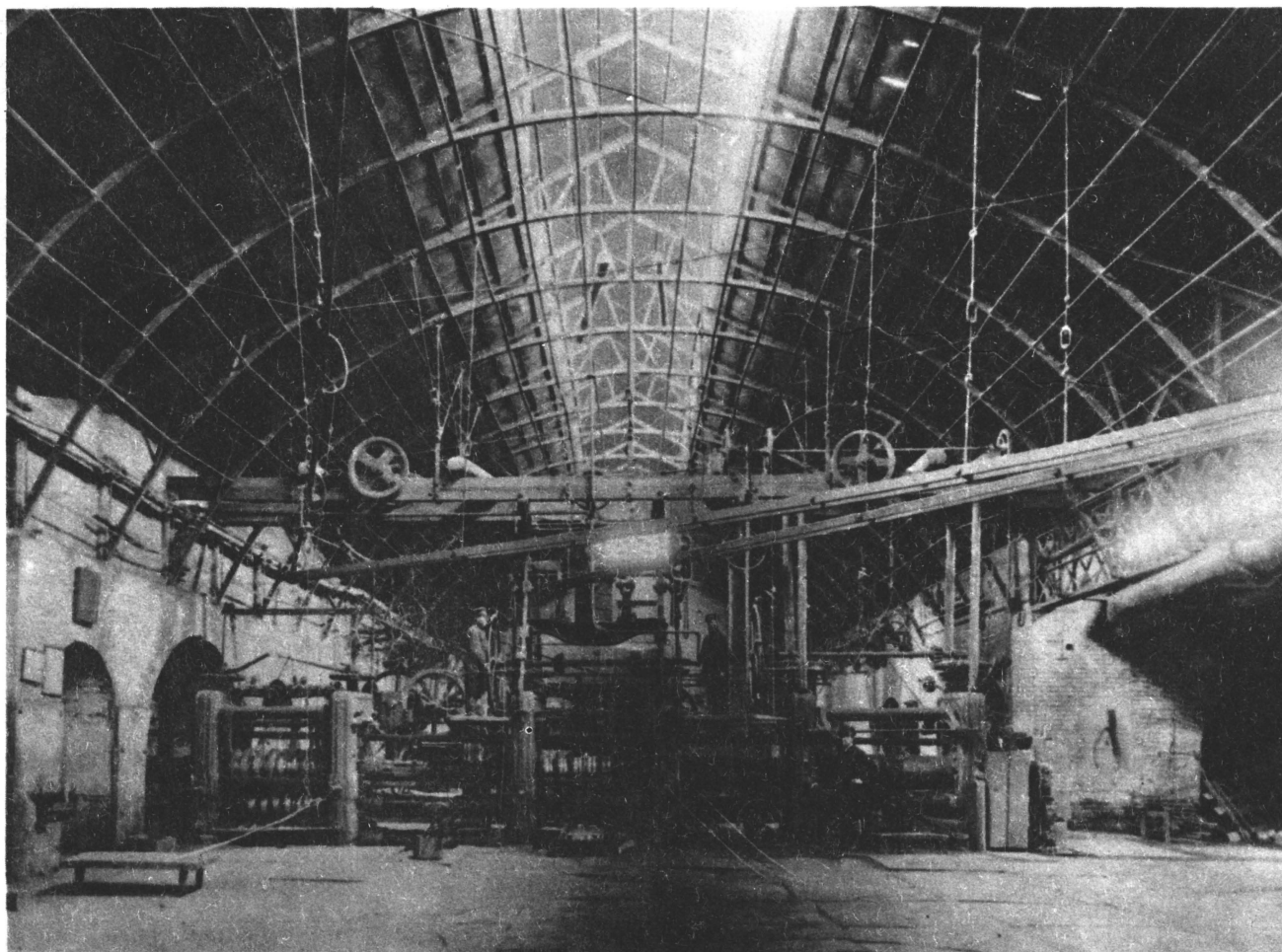
Наш адрес: Свердловск, Пролетарская, 3. Телефон: 51-33-33.

ПРИГЛАШАЕМ! ЖДЕМ!

МАШИНЫ ПРОШЛОГО ВЕКА

Читайте стр. 79.

Уральский СЛЕДОПЫТ, 1985, № 7, 1—327
40 коп. Индекс 73413